Г. ВЕРМУШ

Аферы с фальшивыми деньгами

«Международные отношения»

BANQUE DE FRANCE
PARIS, le 3 Août 1912.
MILLE FRANC
500
LISBOA
РСФСР
ЧЕРВОНЕЦ
Бухгалтер
Правление Государственного Банка:
1938 May
May 1930
ENGLAND.
Chief Cashier

Аферы с фальшивыми деньгами

GÜNTER WERMUSCH

FALSCHGELD AFFÄREN

Verlag Die Wirtschaft
Berlin

Г. ВЕРМУШ

Аферы с фальшивыми деньгами

МОСКВА
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
1990

ББК 65.5
В31

Перевод с немецкого *Н. В. Вардуля*

$$\text{В}\frac{0607000000-066}{003(01)-90}34-90$$

ISBN 5-7133-0233-4 (СССР)
IBSN 3-349-00390-7 (ГДР)

Предисловие

Временной диапазон описываемых в настоящей книге афер с фальшивыми деньгами охватывает более двух тысяч лет. Однако это не история фальшивомонетничества. Автор стремился показать лишь некоторые, наиболее яркие эпизоды на общем историческом фоне.

При этом понятие фальшивомонетничества распространяется и на то, что мы называем ухудшением монет, то есть на различные манипуляции с деньгами по поручению царствующих властителей. Ни один римский император, конечно, не считал себя фальшивомонетчиком, ухудшая монеты, что в конце концов привело к полному краху денежной системы античности, причем этот процесс шел параллельно с закатом Западной Римской империи. Позднее понятие *monetae falsarius* применялось папской курией в отношении как высокопоставленных фальшивомонетчиков, так и частных, не проводя между ними различия. Высшей точкой борьбы за власть Священного престола в Риме и светских правителей были события на рубеже XIII и XIV веков во Франции. Правивший в то время французский король Филипп Красивый еще сегодня в исторических работах называется «королем-фальшивомонетчиком». Уже этого было достаточно, чтобы посвятить жизни и деятельности этого властителя отдельную главу. Вместе с тем происходившее в монетной политике при Филиппе Красивом можно найти у многих более поздних «отцов нации» королевской крови. Сходными были и движущие мотивы. Правители нередко значительно превосходили блестящего короля французов, но никому из них не было дано прозвище «фальшивомонетчик». Одному из преемников Филиппа Красивого на французском троне — Филиппу Валуа было разрешено возводить право властителя на манипуляции с монетами в ранг закона.

Ни один король, тем более император, до Филиппа Красивого не привлекался к ответственности за махинации с монетами, хотя папа римский грозил каждому фальшивомонетчику отлучением от церкви и обвинял в этом грехе даже Фридриха II Штауфена. И позднее большие и малые феодалы никогда не подвергались наказаниям

за нарушение монетных правил, принятых в «Священной Римской империи германской нации». То же самое относилось и к другим странам.

Совсем иная судьба ждала мелких фальшивомонетчиков, которые иногда не видели другого способа поддержать свое существование. Оказавшись в руках правосудия, они подвергались нечеловеческим пыткам и казням.

Специальная глава посвящена аферам вокруг коллекций, в центре которой фигура Карла Вильгельма Беккера, вероятно, самого известного фальшивомонетчика. Его последователи многочисленны, они и сегодня получают миллионные барыши, обманывая коллекционеров.

Глава «Международные фальшивомонетчики», повествующая о фальсификаторской практике прусского короля Фридриха II и Наполеона Бонапарта, представляет в известной степени предысторию тех крупных скандалов международного масштаба, пиком которых явилась подделка фунтов стерлингов немецкими фашистами в концлагере Заксенхаузен. События, описанные в главах «Черный принц» и «Афера вокруг червонцев», послужили хрестоматийными примерами, на которых учились эсэсовские палачи.

Для крупных афер с фальшивыми деньгами 20-х годов характерно то, что еще до начала расследования выявлялся «виновный»: его роль неизменно приписывалась Советской России. Так было и в скандале с португальскими банкнотами в 1924—1925 годах — едва ли не самом захватывающем по своему замыслу эпизоде в истории фальшивых денег, и в афере вокруг «Черного принца». Но это только два примера из многих.

Политический расчет присутствовал и в предпринятом в конце 40-х годов во Франции бандой профессиональных преступников выпуске фальшивых дорожных чеков для паломников в Палестину. Эта афера обернулась насмешкой над конъюнктурщиками, любящими ловить рыбу в мутной воде международной напряженности.

В конце подборки описываются два эпизода, сыгранные на «частной» сцене фальсификации в недавнем прошлом.

Автор надеется, что его экскурс в историю фальшивомонетничества и избранная манера изложения вызовут интерес не только у специалистов, и был бы благодарен за критические замечания и советы.

Берлин, сентябрь 1987 года

Гюнтер Вермуш

Античные фальшивомонетчики

Сколько же ног ступало по плите белого мрамора с тех пор, как строители уложили ее в основание лестницы одной из вилл в античном полисе Дима?

Слова, выгравированные на этой плите, почти исчезнувшие на ее краях, заинтересовали исследователей лишь в 1878 году, когда материал на эту тему был опубликован в одном из археологических журналов.

Дима, расположенный на северо-западе Пелопоннесского полуострова, на берегу сегодняшнего Патрасского залива, в свое время был цветущим портовым городом и крупным центром земледелия. Он принадлежал к четырем городам-государствам, образовавшим Ахейский союз (280—146 гг. до н. э.) — военно-политическую коалицию, направленную против македонских притязаний на господство в регионе.

Трагедия, о которой повествует полустертая временем надпись, по-видимому, произошла во времена существования названного союза. Речь идет о смертном приговоре шести фальшивомонетчикам:

«Жрец Филоклес, писец Дамокритос и первый советник Клеон от имени города приговорили к смерти: Дракиона, он же Анти (...) или как бы он еще себя ни называл, далее... (...) тиса, кузнеца по золоту; затем (...) аниоса, он же Панталеион и как бы он еще себя ни называл, и, наконец, Мошолаоса, сына Мошолаоса за то, что они посягнули на священное имущество и чеканили медные деньги.

При первом советнике Дамофанесе (осуждены за те же преступления. — Г. В.) сын Дромаса (...) иллас и при первом советнике Филеасе сын Олимпихона (...) ас».

Кто первый обратил внимание на белую мраморную плиту, лежавшую среди развалин Димы, мы не знаем. Может быть, это был житель возникшего по соседству с развалинами древнего города местечка Като Ахайя,

может быть, профессиональный археолог. Мы не знаем, и когда это произошло. Имена фальшивомонетчиков прочитать нельзя. Не знаем мы и точную дату написанного. Древнегреческие письменные памятники той эпохи имеют свою собственную датировку: отсчет мог вестись от какого-либо государственного писца союза, верховного жреца или правителя города.

Мраморная плита, по-видимому, первоначально была установлена где-нибудь на рыночной площади Димы. Последние строки интересующей нас надписи (выделены у нас абзацем), очевидно, возникли позже. От первого приговора их отделяет не меньше полугода, так как смена первого советника городского совета происходила в Диме каждые полгода. Судя по всему, фальшивомонетничество в это время в Диме было весьма распространенным ремеслом. Пункт обвинения о том, что кузнец по золоту и его соучастники посягнули на священное имущество, свидетельствует, что злоумышленники похитили медь из храма. Хотя вполне вероятна и другая версия: жрец храма мог быть и первым лицом в официальной чеканке монет и храм извлекал из этого пользу. В этом случае фальшивомонетчики посягнули на доходы храма.

Документы, подобные мраморной плите в Диме, чрезвычайно редки. Судебные приговоры в древнегреческих полисах «оглашались» в камне и выставлялись для всеобщего обозрения, как правило, лишь в тех случаях, когда преступнику удавалось уйти от правосудия. Это были своего рода объявления о розыске. С другой стороны, Ахейский союз имел единые монеты, подделка которых становилась таким образом делом всего союза и обязывала каждый город публично осуждать подобные преступления.

Мраморная плита в Диме — это едва ли не старейшее официальное свидетельство частного фальшивомонетничества и его наказания. Нам очень мало что известно о фальшивомонетчиках-частниках античности, до нас дошли изготовленные ими изделия. Но и в этом случае чрезвычайно трудно выяснить, не были ли они изготовлены «по высочайшему повелению». Парадоксально, но именно Диоген Синопский (412—323 гг. до н. э.) — знаменитый философ самоограничения, который, если верить легенде, жил в бочке и выбросил даже ковш, когда увидел мальчика, пившего воду с ладони, как утверждают, был фальшивомонетчиком. По крайней мере на этом настаивает его тезка Диоген Лаэртский в своем труде «Vitae philosophorum»

(даты его жизни неизвестны, его труд «Жизнь и мнения прославленных философов» появился около 220 г. до н. э.). Согласно легенде, отец Диогена Синопского был ростовщиком и менялой в Синопе, портовом городе на южном побережье Черного моря, он и привлек сына к изготовлению «легких» монет.

Что дозволено Юпитеру...

Деньги изобрели, конечно, раньше, чем возникло фальшивомонетничество, но разница едва ли составила пару дней. Это изящное бонмо не следует понимать буквально. На самом деле только через несколько лет после появления в VII веке до н. э. в малоазиатском царстве Лидия первых монет, отчеканенных из сплава золота (40 %) и серебра (60 %), было произведено снижение содержания в них золота при той же номинальной стоимости. О причинах этого можно лишь догадываться. Города, выплачивавшие дань правителю, весьма быстро сообразили, что, ухудшая состав сплава, можно сэкономить очень много денег. Для того чтобы прекратить подобные мальчишеские проказы или по крайней мере затруднить их осуществление, король Крёз (правивший в 560—547 гг. до н. э.), имя которого благодаря его несметным богатствам стало нарицательным, решил чеканить раздельно золотые и серебряные деньги и закрепить свое исключительное право на чеканку монет. Когда персы завоевали Лидию и присвоили несметные богатства Крёза, королевское право чеканки монет на несколько десятилетий было прервано. Персидские владыки Кир и Камбис имели к этому времени слишком малые контакты с Грецией, чтобы использовать деньги в качестве всеобщего платежного средства. Первые царские деньги персов появились во времена Дария (правил в 522—486 гг. до н. э.), они позже так и назывались — дарики.

Но мы датируем начало денежного хозяйства не только изобретением монеты. Первыми формами денег в качестве всеобщего средства обмена, с помощью которого на рынке можно было сравнить стоимость своего собственного и желаемого товара, были предметы повседневного обихода и скот. К концу III тысячелетия до н. э. в Месопотамии функции денег начинает выполнять серебро в форме тщательно взвешенных кусков, слитков, на которых позже появились оттиски, или колец.

Подделка денег в этих условиях была исключена, хотя обман через неправильное взвешивание происходил нередко. Она — следствие развития и расширения на протяжении столетий денежного хозяйства в форме монет и позже, с XVIII века, — бумажных денег.

После того как в VI веке до н. э. монетное хозяйство было воспринято персами и греками, почти в каждой местности в Греции чеканились свои собственные деньги. Но монеты, которые чеканились в Аттике, где находились известные серебряные рудники Лавриона, распространились не только в греческих полисах, но и за их пределами.

Солон (640—560 гг. до н. э.) — греческий политик и поэт, известный прежде всего как мудрый законодатель, получил в 594 году до н. э. особые полномочия для преодоления экономического и политического кризиса Афинского государства. Среди принятых им мер — введение в Афинах аттийских денег (эвбейских монет). Тем самым он создал условия для того, чтобы афинские купцы заняли главенствующую позицию в «мировой торговле» того времени. И чтобы не ставить под угрозу эту позицию, законы Солона за фальшивомонетничество различного рода требуют смертной казни.

Законы издаются государством, являющимся субъектом права чеканки монет. Поэтому законы Солона, как и законы всех последующих властителей, должны были следовать принципу: «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку». То, что под страхом самого ужасного наказания было запрещено простому подданному, служило властителям средством пополнения собственной казны, финансирования войн и т. п. Короче говоря, манипуляции с деньгами были своего рода налогом. Понятие «инфляция» в те далекие времена было столь же неизвестно, как и сложные налоговые системы наших дней. Тем не менее народ всегда осуждал фальсификации денег власти предержащими, которые зачастую приводили к массовому обнищанию, так же остро, как и преступления «частных» фальшивомонетчиков. С обвинениями в адрес «сиятельных» фальшивомонетчиков выступали многие, в том числе Данте в «Божественной комедии» (1320 г.). Что же касается античных авторов, то они еще довольно осторожно выражали мнение на этот счет.

«Наполнение» монет, то есть покрытие ядра монет из менее ценного или недрагоценного металла слоем золота или серебра, было известно уже очень давно. Так, «напол-

ненные» монеты найдены среди монет Коринфа середины VI века до н. э. — первых монет с двусторонней чеканкой. Часто коллекционер и не подозревает о том, что та или иная античная монета снабжена «нештатным» наполнителем, являясь так называемым *субаэратом*. Этот термин применялся уже в античные времена для определения фальшивых монет. Вышеназванная монета — коринфский статер — имела вес 7,58 *г*, хотя коринфский серебряный статер обычно весил 8,7 *г*.

Определение веса в то время было, безусловно, ненадежно. Один швейцарский коллекционер в 1978 году приобрел серебряный статер из Тиры (ныне — остров Санторин), отчеканенный примерно в 530 году до н. э. Его вес соответствовал эгинскому стандарту (от портового города Эгина; до середины V века до н. э. это был самый распространенный масштаб чеканки монет) и составлял 12—12,5 *г*.

Так как на монете появились следы окисления, владелец статера явился в реставрационный отдел швейцарского музея. Там установили, что речь идет о медной монете, покрытой тонким слоем серебра.

Геродот (484—425 гг. до н. э.), древнегреческий историк, пишет о Поликрате (правил в Самосе в 538—522 гг. до н. э.), что, правда, не по самым точным сведениям, последний чеканил монеты из свинца и покрывал их позолотой. Этим «золотом» он расплачивался с лакедемонцами, которые окружили Самос, и тем самым снял блокаду. Геродот осторожен. Он приводит свои данные со ссылкой на другие, правда, не вполне определенные источники. Но что касается военной хитрости Поликрата, о легендарной удачливости которого говорится в одной из баллад Шиллера, то она весьма вероятна. Еще небольшим опытом выпуска «наполненных» монет обладали мастера чеканки Афин по окончании Пелопоннесской войны (431—404 гг. до н. э.), которая довела экономику Афин до состояния полного упадка. Аристофан (446—385 гг. до н. э.), известнейший древнегреческий комедиограф, оставил острые стихотворные зарисовки описываемых событий. Он указывает на схожесть судьбы Афин и ее достойных граждан с судьбой «старой, полнозвучной» монеты, которую подменяют «плохие медные, неблагозвучные» деньги.

Выпускавшиеся тогда тетрадрахмы (древнегреческие серебряные монеты достоинством в 4 драхмы весом от 14 до 17 *г*. «Наполненные» тетрадрахмы изготовлялись настолько неуклюже, что тонкий слой серебра часто сна-

шивался, и медная «начинка» становилась заметной. Один экземпляр такой тетрадрахмы хранится в Британском музее Лондона) с медной сердцевиной сегодня чрезвычайно редки.

Еще в 393 году до н. э. эти монеты были изъяты из обращения. О том, как это происходило, рассказывает все тот же Аристофан в комедии «Женщины в народном собрании».

Обман со стороны государства, выпускавшего субаэратные деньги, еще не превратился во всеобщее правило. К этому средству прибегали лишь в кризисные времена. Античные властители прекрасно отдавали себе отчет в том, что длительный выпуск плохих денег не может привести к положительному результату хотя бы потому, что купец с такими деньгами не поедет в соседнюю страну. Фальшивые монеты того времени в своем большинстве — «частного» происхождения. Они отличались от настоящих по качеству нанесенного изображения, а позже и надписи. И тем не менее абсолютно уверенным быть нельзя, потому что отклонения нередко встречались и в соответствующих штемпелях, используемых на государственных монетных дворах.

Нельзя не учитывать и огромное разнообразие античных монет. Они служили «древним» не только средством платежа, но и с V века до н.э., особенно со времени расцвета рабовладельческого римского государства, своего рода газетой, сообщавшей о важнейших событиях, содержавшей различные призывы и т. п. При частом выпуске новых монет старые поступали в переплав, и из них до нас дошли в лучшем случае немногие и даже единственные экземпляры. И если содержание золота или серебра в дошедших до нас монетах оказывалось ниже общепринятых норм или они вовсе оказывались субаэратами, никто не рисковал утверждать, кто был фальшивомонетчиком: государство или частное предприятие.

Частным фальшивомонетным промыслом занимались, как мы можем судить по «плакату» из Димы или по биографии Диогена, люди, имевшие непосредственное отношение к изготовлению монет. И так было на протяжении всей эпохи существования монетного хозяйства. Профессиональные монетных дел мастера, конечно, лучше других владели техникой легирования металлов и изготовления штампов. Более того, мастера и подмастерья имели возможность ставить на фальсифицированные по своему металлическому содержанию монеты государственные штам-

пы. Оценить масштабы изготовления фальшивых денег в античные времена невозможно.

Особенно широкий размах получило изготовление субаэратных монет. Античные мастера не оставили нам своих рецептов. Но их технологию с большой вероятностью можно восстановить. В качестве заготовок использовали медь требуемого веса в форме пластины (в Риме) или шара (в Греции). Заготовка тщательно обрабатывалась со всех сторон. Затем она плотно облекалась тонким слоем серебра и в сосуде подогревалась до температуры плавления серебра (960 °С). Так как точка плавления меди лишь ненамного выше (1083 °С), верхний слой меди также размягчался и составлял с серебряной фольгой своего рода сплав, который сохранялся и при последующей чеканке. Тот же принцип использовался и при «наполнении» золотых монет.

Прибыль, которую таким образом присваивал себе фальшивомонетчик, достигала весьма внушительных размеров. Для изготовления 1 субаэратного денария требовалось всего 0,45 *г* серебра, другими словами, из 1 полновесного денария можно было изготовить 10, а позднее — 8 субаэратных денариев. При соотношении цен, сложившемся в последние годы существования Римской республики и в. первые два столетия империи, 1 денарий — это довольно крупная сумма денег. Легионер получал годичное жалование в I веке н.э. в размере 225 денариев.

Фальшивые деньги Рима

В Риме денежное хозяйство начало развиваться относительно поздно — около 290 года до н. э. Первая римская городская монета — *асс*, медная монета весом в 1 римский фунт (327,45 *г*). Позднее вес монеты был уменьшен сначала до 236 *г*, потом, с развитием денежного хозяйства и прежде всего с появлением серебряных монет (*дидрахм*, примерно с 235 г. до н. э.), вес асса достиг 13,64 *г* к 89 году до н. э. Знаменитый *денарий* — серебряная монета в 4,55 *г* (при содержании серебра в 97—98 %) — появляется в обращении примерно в 213 году до н.э. Переменчивая судьба этой монеты в известной мере символична для истории Рима. Еще и сегодня динар — валюта многих арабских стран, а также Югославии — напоминает об этой серебряной монете. В других европейских странах он, трансформировавшись в пфенниг, пережил средние века

(Венгрия, Франция, Италия). В денежной системе Британии буква λ до сегодняшнего дня служит обозначением для пенни, и в обоих германских государствах встречается значок ς для обозначения пфеннига.

Собственные золотые монеты Рим начал чеканить в 222—205 годах до н.э., в том числе достоинством в 60, 40 и 20 ассов. *Аурей* лишь при Цезаре превратился в основную золотую монету.

Когда во время второй Пунической войны (218—201 гг. до н. э.) при Каннах римские войска были наголову разбиты Ганнибалом, в Риме началось то, что мы сегодня назвали бы всеобщей мобилизацией. Происходило и «похудание» монет. Сенат, законодательный орган республики, принял решение сократить на треть содержание металла в дидрахмах (квадригат, 6,98 *г* золота) и в весившем к этому моменту 81,9 *г* ассе. Это была чрезвычайная мера, направленная на то, чтобы максимально использовать монетный металл, находившийся в распоряжении казны. Одновременно сенат постановил, чтобы в аэрариум (государственное хранилище металлов, используемых для чеканки монет и других ценностей) были сданы все золото, серебро и медь. В частных руках могло оставаться не свыше 1 фунта серебра и 5000 ассов.

Подобное «утончение» денег еще не было прямым обманом. Республика превратила свои монеты в разновидность кредитных денег, и римляне знали об этом. Конечно, находят монеты, выпущенные в это время достоинством в 20 ассов и покрытые позолотой, но с медной «начинкой». С завершением трех Пунических войн (146 г. до н. э.) в Риме были восстановлены прежние денежные соотношения. Денарий, правда, весил теперь только 3,88 *г*, а асс — 34,9 *г*. Очевидно, произошло изменение в стоимостных соотношениях золота и серебра. Золото подешевело, и это привело к уменьшению веса серебряных монет. Конечно, это только предположения. Победив Карфаген, римляне присвоили его богатства, включая склады драгоценных металлов и рудники, имевшиеся на Сардинии и в Испании. Только на рудниках Нового Карфагена (сегодняшняя Картахена в Испании) в 180 году до н. э. 40 тыс. рабов добывали для Рима золото и серебро. Асс и без того был всего лишь символом фактической цены меди по отношению к благородным металлам, то есть фактически теми же кредитными деньгами, за постоянный курс которых ручалось государство.

Времена кризисов Римской республики, а потом и

Римской империи с почти синхронной точностью и монотонной регулярностью можно определять по состоянию монетной системы.

Прежде всего это демократическое реформаторское движение Гракхов (133—121 гг. до н. э.). Братья Тиберий и Гай Гракхи попытались вопреки сопротивлению большинства в сенате противодействовать упадку сельского хозяйства Рима, вызванному гибелью свободных крестьянских хозяйств и беспрепятственным расширением латифундий аристократии с массированным использованием рабского труда, проведением аграрной реформы в интересах свободного крестьянства. Их попытки не удались. Победила аристократия. Но еще на протяжении целого столетия Рим сотрясала непрекращавшаяся борьба за социальные и политические перемены.

Примерно в 122 году до н. э. в Риме начинается первый серьезный кризис денежного хозяйства. На рынок в больших количествах выбрасывались субаэратные денарии, так что в конце концов уже никто не мог достоверно определить, какой денежной суммой он обладает. Ширилась общая неуверенность, стали расти цены, и частные фальшивомонетчики внесли свой вклад в общую сумятицу. Вряд ли было для них более безопасное от расследований время. Вскоре развернулась так называемая Союзническая война (91—89 гг. до н. э.). Италийские племена, всегда считавшиеся союзниками, когда речь шла об оказании Риму военной помощи, поддержке его легионов вспомогательными войсками или кавалерией, хотя в другое время им давали понять, что римлянами италийцы не являются, потребовали равноправия или независимости. В это же время римский сенат постановил, что каждый восьмой отчеканенный денарий должен быть субаэратным. Когда война закончилась и италийские племена, несмотря на поражение, получили равные с римлянами права, денарии снова стали чеканить без субаэратов. В подтверждение этого на краях новых денариев появилась насечка. Несомненно, это должно было вызывать бóльшее доверие к денариям со стороны иноземных купцов, хотя наряду с зубчатыми монетами (получившими название *«серрат»*) чеканились и обычные полновесные монеты. Тацит (56—120 гг.), знаменитый историк Рима, в своем труде «Германия» пишет, что германцы предпочитали зубчатые монеты другим.

Выпуск фальшивых монет, однако, продолжался. В 87 году до н. э., когда борьба между оптиматами (аристокра-

тическая партия сената) и популярами (противники господства сенатской аристократии, выступавшие за реформы в целях спасения политической системы) достигла своего пика, римское денежное хозяйство также находилось в тяжелом кризисе. Современник этих событий, автор предисловия к комедии «Казина» известного поэта Плавта (238—184 гг. до н. э.), комментирует падение театрального искусства так: «Новые комедии, которые создаются в наши дни, еще хуже, чем новые деньги». В это время действовал строгий указ, предписывавший принимать любые деньги, запрещалось даже проверять их на звук.

Цицерон (106—43 гг. до н. э.), легендарный оратор и писатель, а затем и Плиний сообщают, что Марий Грацидиан — претор (председатель совета присяжных, одна из ступеней карьеры сенатора) — в 87 году до н. э. издал эдикт, по которому учреждалась специальная государственная служба контроля за качеством монет. Каждый уличенный в том, что расплатился фальшивой монетой, подвергался наказанию. Подлинный текст эдикта до нас не дошел. Но, по свидетельству Цицерона, римляне восприняли эдикт с большим подъемом и засыпали Мария знаками благодарности. Из эдикта следовало, что государство брало на себя замену «плохих» денег на «хорошие». Гражданская война со всеми ее ужасами между тем продолжалась. Когда в 83 году до н. э. Корнелий Сулла, ненавидимый популярами вождь оптиматов, захватил Рим, он предпочел кровавые казни всем другим формам борьбы со своими противниками. Убито было около 10 тыс. сторонников популяров. Его противник консул Гай Марий в 87 году до н. э. обошелся с приверженцами партии оптиматов ненамного гуманнее. Сулла не оставил камня на камне и от подарка, сделанного римлянам претором Марием Грацидианом, — стабильности монеты. Отныне снова вступил в силу закон, согласно которому все деньги, изготовленные в государственных монетных мастерских, должны были приниматься к платежу.

Денарии легионов

«Триумвир Антоний сплавил денарий с железом», — читаем мы в 33-м томе «Естественной истории» Плиния (23—79 гг. н. э.). Возникает, правда, техническая проблема: сплав железа и серебра? Речь идет о денариях, которые Марк Антоний велел изготовить для своих легио-

неров в 31 году до н. э. перед морским сражением при Акции — мысе в Адриатическом море.

Марк Антоний был едва ли не одной из самых ярких и одновременно противоречивых фигур эпохи, когда Римская республика находилась в агонии. Историками он был оценен несколько предвзято. Тот, кто позднее писал об Октавиане Августе — первом императоре могущественной империи, не мог проявить благосклонности к его сильнейшему противнику.

Рим переживал пору наслаждения быстротечной жизнью. После десятилетий кровавой гражданской войны вопрос о власти, кажется, решен. Гай Юлий Цезарь, руководитель популяров, правит в Риме с 48 года до н. э., имея полномочия диктатора. Де-факто Рим уже монархия, вскоре Цезарь провозглашается пожизненным диктатором.

Марк Антоний сейчас — осенью 48 года до н. э. — властелин города на Тибре, являющегося центром мира, его население приближается к миллиону человек. Диктатор пребывает в Египте, правительница которого молодая Клеопатра не без успеха привечает стареющего Цезаря.

Боевая колесница, запряженная двумя львами, мчится по узким улочкам Рима, по которым согласно указу сената не должен скакать ни один всадник. Марк Антоний представляет себя народу, который, к неудовольствию столпов общества, встречает его с нескрываемым восторгом. 34-летний Марк Антоний, как потомок Геркулеса, одет в скромную одежду из простой ткани, которая не скрывает его мощной стати. Отчаянный храбрец на поле брани, жизнелюб под мирным небом — таким предстает этот человек в хрониках. Не кто иной, как Шекспир, обратился к этой фигуре в своих драмах «Юлий Цезарь» и «Антоний и Клеопатра».

Родившийся в 82 году до н. э. в богатой аристократической семье, Марк Антоний в 24-летнем возрасте, преследуемый кредиторами, вынужден покинуть Рим. Он отправляется в Грецию, где проявляет свой полководческий дар и бесстрашие воина. Овеянный боевой славой, он возвращается в Рим и в 49 году до н. э. избирается народным трибуном, после чего становится верховным судьей, а затем, в 48 году до н. э., — консулом. Каким образом Марк Антоний смог набрать необходимую сумму денег (посты в Риме покупались; чтобы принадлежать к высшему сословию, необходимо было иметь состояние не меньше 400 тыс. сестерциев; с 89 по 44 г. до н. э. 1 сестерций стоил 4 асса, или $^1/_4$ денария), так и осталось неизвест-

ным. Марк Антоний любит роскошь и деньги, хотя легко расстается с ними. Он вселяется во дворец Помпея, конфискованный Цезарем. Необходимой для внесения платы суммы денег у него нет, но дворец остается за ним.

Китерис, самая знаменитая актриса Рима той поры, давно стала верной возлюбленной трибуна, знатока всех злачных мест Вечного города. В жены он взял Фульвию — первую даму Рима. Женитьба — это прежде всего вопрос власти и денег, — так по крайней мере считал Марк Антоний. Что же до супружеской верности, то для властей предержащих подобных предрассудков не существовало уже в те времена.

15 марта 44 г. до н. э. страшная весть разносится по улицам столицы мира на Тибре: Цезарь убит приверженцами партии сената. Сторонники Цезаря, а это прежде всего 150-тысячный плебс — обнищавшие крестьяне и ремесленники, но свободные люди, граждане Римской республики, имеющие право голоса, возмущены. Именно они становятся опорой нового правительства-триумвирата: Марка Антония, Октавиана и Лепида. Последний был полководцем Цезаря. Октавиану всего 19 лет.

Казна пуста. Там же, откуда она получала до сих пор бóльшую часть продовольствия, — в Азии и Македонии стоят войска убийц Цезаря Брута и Кассия. Кровавая беспощадная гражданская война вспыхивает с новой силой. Именно Октавиану, который так высокопарно восхвалялся верноподданными историками, пришла в голову мысль об уничтожении 120 сенаторов и 3000 представителей крупных земельных собственников и денежного капитала. Цицерону, публично и гневно выступавшему против Марка Антония, также мечом указывают путь в лучший мир.

Захваченной добычи все же не хватает, хотя реквизируется даже имущество храмов. Мастера монетных дел получают указание экономнее расходовать серебро. Появляются субаэратные, с медной «начинкой» денарии.

В Македонии 20 легионов Марка Антония в конце концов одерживают победу над войсками убийц Цезаря. Брут и Кассий тоже испытывают нехватку денег для оплаты своих легионов. Выход — фальшивомонетничество. Подделывать серебряные монеты было просто и безопасно, золотые же монеты, напротив, чаще перевешивали. О том, что за посеребренной поверхностью того или другого денария была спрятана медь, легионер не подозревал.

Брут и Кассий бросились на собственные мечи. Марк

Антоний триумфатором возвращается в Рим. Он делит империю между членами триумвирата. Себе он берет Балканский полуостров, Малую Азию, Сирию и Египет. Лепид получает Африку, Октавиан становится властителем Италии, северных и западных провинций.

У Цезаря были обширные планы. Римская империя должна была простираться вплоть до Индии, все золото мира должно было стекаться в Рим. Первый удар следовало направить против Персии, против парфян. Смерть Цезаря прервала подготовку к походу.

Марк Антоний вернулся к этим планам. Но ему нужны деньги, чтобы поддерживать боевой дух в войсках, где процветало мародерство и росло недовольство. Его взор обращается к Египту.

За восемь лет до этого Цезарь разрешил борьбу за власть, которую в этой стране вели Клеопатра и ее брат Птолемей XIV, в пользу прекрасной дамы. Она, в свою очередь, подарила могущественному римлянину свою благосклонность и сына. На финансовую сторону взаимоотношений Египта и Рима это, правда, мало повлияло: с Египта в пользу Рима, Цезаря и его легионеров было взыскано 10 млн. денариев, включая золотой столовый прибор Птолемея и сокровища многих египетских храмов.

С 46 по 44 год до н. э. Клеопатра содержала блестящий двор в Риме. После убийства Цезаря она вернулась в Египет, полуколонию Рима.

Блеск и тщеславие Клеопатры не могли скрыть экономический и социальный кризис, в котором уже длительное время находилась ее страна. Еще отец Клеопатры Птолемей XII, прозванный «флейтистом» (Аулет), был всего лишь марионеткой Рима. За свое воцарение он заплатил Риму 6 тыс. талантов (36 млн. денариев). Но уже через год, в 57 году до н. э., после восстания в Александрии, он вынужден был бежать и искать убежище в Риме.

Уже в древности в том, что свергнутый правитель, покидая страну, забирал с собой и государственную казну, не было ничего необычного. В конце концов надо было о себе позаботиться, игрой на флейте на жизнь не заработаешь. Кроме того, римские покровители должны были помочь изгнанному вернуться и возвратить себе трон. Помощь была оказана, но, конечно, небескорыстно. За все заплатил Аулет. За 10 тыс. талантов (60 млн. денариев) наместник Рима в Сирии Аул Галин согласился восстановить королевский порядок в Египте для вассала

Рима. В 55 году до н. э. Птолемей XII смог вновь услаждать слух своих подданных игрой на флейте. Хозяйство Египта, и без того истощенное непомерными налогами, было полностью разрушено. Во взаимоотношениях Египта с соседними государствами превалировал простой товарообмен. Дело в том, что продукция его монетных дворов была слишком медной, для того чтобы пользоваться авторитетом у иностранных купцов.

Марк Антоний знал о громадных суммах денег, притекавших в Рим с берегов Нила, был он знаком и с ослепительной Клеопатрой. Нищета Египта его не интересовала. Осенью 41 года до н. э. Марк Антоний прибывает в Александрию, начинается одна из самых нашумевших в мировой истории романтических династических любовных интриг.

Марк Антоний уже не тот символ античной красоты, каким он был в молодые годы. Ему 41, он далеко не так строен, как раньше, но он позволяет египтянам воздавать себе почести, как богу Дионису. Клеопатра, которой 28, полагает, что вновь заполучила в супруги самого могущественного из римлян. Любовь прекрасна, но казна Египта пуста, а время идет.

Только весной 40 года до н. э. до Марка Антония доходит известие о событиях, происшедших в Риме. Фульвия, не знавшая о делах, которые ее неверный супруг вершил в Александрии, вместе с братом Марка Антония Лукрецием Антонием поднимает вооруженный мятеж против Октавиана. Единоличным властелином Рима должен был стать Марк Аврелий.

Мятеж успеха не имеет. Фульвия бежит в Грецию, где и умирает в 40 году до н. э. Вновь реальной становится угроза гражданской войны. На этот раз Октавиана удается умиротворить. Марк Антоний заявляет о своей готовности скрепить союз с Октавианом женитьбой на его сестре Октавии. Зимой 39/38 года до н. э. молодые отправляются в свадебное путешествие в Афины. Отцы города чествуют Марка Антония, как супруга божественной Афины. Он пользуется случаем и требует от города приданого в тысячу талантов, что составляет 6 млн. денариев.

Спустя два года неутомимый римлянин женится на Клеопатре. Ему нужны деньги Египта, пусть их гораздо меньше, чем он рассчитывал. Победа над парфянами должна сделать его триумфатором в Риме. Поход в 36 году до н. э. оканчивается неудачей. И позже правителям Рима

не удавалось победить парфян. Неудача меняет отношение к Марку Антонию в Риме. Звезда Октавиана, напротив, сияет все ярче. Марк Антоний настаивает на закреплении сложившегося положения, хочет разделить империю, а если возможно, готов на полное отделение Востока от Рима. Востоку Рим не нужен, но Риму нужен Восток. Намерения Марка Антония становятся известными в Риме; его письмо к Октавии, в котором он заявляет о разрыве отношений, становится символом раскола. Теперь Октавиан вооружается для похода против неугодного соправителя. В начале сентября 31 года до н. э. происходит морское сражение при Акции. Победа сопутствует Октавиану. Марк Антоний кончает жизнь самоубийством. Позднейшая фантазия обставила отношения Марка Антония и Клеопатры, как и их смерть, многими романтическими деталями. Что привлекает наше внимание в конце этой остросюжетной истории, так это приведенная в начале этой главы цитата из Плиния. «Железные денарии» — это знаменитые денарии легионеров Марка Антония, на лицевой стороне которых была изображена галера, на оборотной стороне — номер легиона: LEG I и т. д. (до LEG XXX) (легион в то время состоял из 300 конных и 4 200 пеших воинов. Причины, по которым до сих пор не найдены денарии с номерами легионов XXVII и XXVIII, неизвестны). Эти денарии на $^1/_5$ состояли из меди. Некоторые экземпляры были субаэратными. Их ядро состояло из меди. Но попадались и с ядром из железа. Плиний не был специалистом в монетном деле и мог спутать «наполнение» со сплавом. Как писал сам Плиний, он опирался на 20 тыс. имевшихся в его распоряжении источников, от морского сражения при Акции его отделяет целое столетие. Мы не знаем, сколько денег Марк Антоний выплачивал своим легионерам. Но если каждый из них получил хотя бы по одному полноценному денарию (3,88 *г*), всего потребовалось бы 524 *кг* серебра. Но ни один воин не станет подвергать себя смертельной опасности за какой-то один жалкий денарий.

Денарии легионеров Марка Антония считались настолько плохими, что еще при императоре Траяне (98—117 гг.) их даже не принимали в переплав для изготовления новых монет. Только тогда, когда при Марке Аврелии (161—180 гг.) начался закат монетного хозяйства Рима, эти денарии пошли в переработку.

Императорские деньги

При первом римском императоре Октавиане Августе (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.) Римская империя переживает эпоху консолидации. Август учредил военную диктатуру, еще сохранявшую демократическую видимость, хотя фактически сенат, как и народное собрание, деградировали в теневой парламент.

Все экономические реформаторские движения времен республики иссякли. Хотя система рабовладения достигла, бесспорно, некоторого прогресса в развитии производительности, она никогда не обеспечивала Римской империи собственной экономической базы.

Военная добыча и ограбление других народов были главными опорами римской экономики, а тем самым и денежного хозяйства. Рим еще могуществен, и в предстоящие 150 лет еще ничто не предвещает его распада. И все-таки. О том, на каких слабых ногах стоял колосс римского государства уже к началу империи, недвусмысленно повествует биограф императора Светоний (70—140 гг.), говоря о поражении римлян в битве с германцами в Тевтобургском лесу (в 9 г. н. э.): «Империя была почти на краю пропасти, так как три легиона... были полностью уничтожены» (при Августе один легион насчитывал 6100 пеших воинов и 726 конников, а также несколько сотен воинов с легким вооружением и вспомогательные войска. К концу правления Августа постоянная армия империи состояла из 25 легионов).

Для укрепления денежной системы Август ввел новый монетный порядок, который продержался до конца III века. Согласно ему аурей — золотая монета весом 7,79 *г* ($^1/_{42}$ фунта) — равнялся 25 денариям, каждый по 3,9 *г* ($^1/_{84}$ фунта при чистом содержании серебра в 97 %), или 100 сестерциям (латунным монетам весом по 27 *г*). Один сестерций равнялся четырем ассам (медным монетам, каждая по 10,8 *г*).

Очевидно, финансовые эксперты императора считали соотношение ценности драгоценных металлов столь же неизменным, как и «августейшую» форму правления. Тем не менее начавшийся в конце II века закат римской монетной системы не имел с этими мнениями ничего общего.

В первые два века нашей эры денежное хозяйство и торговля Рима находились еще в полном расцвете. Но они обслуживали в первую очередь паразитическое потребление, стремление к роскоши привилегированных слоев. Осо-

бенно торговля с Востоком представляла собой для казны бездонную бочку. Купцы с Востока за привозимые ими специи, драгоценные камни, слоновую кость, шелк, а также за экзотических животных — слонов, обезьян, попугаев — стремились получить прежде всего золото. Плиний оценивает ежегодный отток золота из Рима минимум в 100 млн. сестерциев, а это почти 8 *т* золота.

Эта оценка, конечно, может быть оспорена. Летописцы античности были склонны к преувеличению. К тому же не исключено, что Плиний включил в свои расчеты и серебряные деньги, которые из Рима через германцев доходили до берегов Балтийского моря. И тем не менее это непродуктивное помещение денег постоянно подтачивало бюджет Рима. Вывоз из Рима льняных тканей, свинца, меди, железа, стекла и не в последнюю очередь рабов не покрывал потери денег из драгоценных металлов.

Мы не знаем того, что ежегодно приносили Риму иберийские и галльские рудники. Подобная оценка поступления золота в Рим из Испании составляет 6,5 *т*.

Но средство против оттока золота все-таки известно. Прежде всего в Индии позже было обнаружено множество субаэратных золотых монет, отчеканенных во времена Августа. Происходили ли они из императорских или частных мастерских, нам не известно.

Нерон

С конца III века до н. э. на римских серебряных и медных монетах (позже и на золотых) появились имена «монетных» чиновников. Когда Рим стал империей, на монетах стали появляться изображения императоров и соответствующие надписи. Впоследствии это, конечно, облегчило жизнь нумизматам, которые легко могли разместить монеты по соответствующим эпохам. Но уже в 1663 году нумизматы столкнулись с группой из 10 монет, которые не соответствовали этому правилу. Загадка происхождения подобных монет, которых сейчас насчитывается 139 типов, разгадывается до сих пор.

Перенесемся во времена Клавдия Друза Германика Цезаря Нерона (37—68 гг.). Петроний Арбитр, «арбитр изящества» и придворный Нерона, в своем «Сатириконе» оставил нам зарисовки нравов Рима тех времен. Раскомплексованный и импульсивный император прививал «хорошему обществу» извращения и расточительство. «На ог-

ромные траты помимо уверенности в своей власти императора подвигала непроизвольно вселившаяся в него надежда на находку спрятанных неисчислимых сокровищ», — пишет Светоний. Так же считали и имущие слои. «Тримальхион владеет землей во всех странах света, денег у него полным-полно. У его привратника больше серебра, чем у кого-нибудь — всего имущества. Рабы у него тоже есть... Клянусь Геркулесом, только десятая часть из них когда-нибудь видела своего господина» — так живописует Петроний Арбитр в «Пире Тримальхиона» быт своего героя, вольноотпущенного без гражданских прав. Тримальхион, конечно, — фигура символическая. Замахнуться на высшие слои общества, к которым он сам принадлежал, Петроний Арбитр в условиях империи, особенно при Нероне, не мог, это означало бы опалу с непредсказуемыми последствиями.

В июле 64 года в Риме полыхает страшный пожар. Шесть суток город находится во власти огня. 10 из 14 районов Рима сгорели дотла. Император, находясь в безопасном удалении, ночью с башни с наслаждением созерцал катастрофу. Еще античные писатели выдвигали предположение, что поджигателем явился сам Нерон. Оно оспаривается, хотя пожар был на руку Нерону. Теперь в его распоряжении было достаточно места для возведения громадного дворца — «Золотого дома», который удовлетворил бы подверженного одновременно и мании величия, и мании преследования императора. «Вестибюль был таким, что в нем размещался 35-метровый великан — статуя Нерона. Величина дворца была настолько чудовищна, что его портик, колонны в котором стояли в три ряда, растянулся на полтора километра... В самом здании кругом была позолота, драгоценные камни и перламутр». Это только отрывок из описания, сделанного Светонием. Дворец был оснащен по последнему слову античной техники, все было предназначено для исполнения любой прихоти владельца. «Когда он въехал в свой роскошный дворец по завершении строительства, то бросил фразу: «Наконец-то я начинаю жить, как человек». Одновременно со строительством резиденции императора необходимо было восстановить сгоревшие районы города.

Все это потребовало огромных расходов. Надежды на обнаружение ценного клада не оправдались. Государственная казна была опустошена настолько, что Нерон вынужден «отложить даже выплаты легионерам и пенсии ветеранам, прибегнув к надуманным обвинениям и гра-

бежам» (Светоний). Известный со времен гражданской войны метод ограбления имущих слоев, при котором истреблялись целые семьи, а их собственность присваивалась власть имущими для пополнения государственных средств, широко применялся и во времена империи. Начавшиеся гонения христиан, обвиненных в поджоге Рима, можно не в последнюю очередь объяснить общей нехваткой денег.

Античная хроника не сообщает о первом факте ухудшения уже в это время монетного стандарта, установленного Августом. Перед лицом глобальной нехватки денег уменьшается содержание золота и серебра в выпускаемых монетах, чтобы из того же количества драгоценных металлов получить больше монет. Отныне средний вес аурея составлял 7,29 *г*, денария — 3,43 *г*. К тому же на 5—10 % масса денария состояла из меди.

Римляне сначала не заметили подмены. По крайней мере до нас не дошло свидетельств о жалобах на рост цен, если оставить в стороне подорожание зерна, что бывало и раньше из-за неурожаев. Прибытие в 62 году из Африки судна, груженного вместо зерна песком для боевой арены, в немалой степени способствовало окончанию страшной эры правления Нерона. Возмущение охватило не только плебс, массу неимущих, живущих за государственный счет. Но все это не имело непосредственного отношения к подделке денег. По-прежнему для того, чтобы не испытывать чувства голода, хватало пары ассов. Столпы общества также не испытывали никаких ограничений для своего благополучия. Лишь Индия перестала принимать в оплату своих товаров римские денарии, и германцы предпочитали монеты донероновской поры.

Распутство извращенного властителя, его «свадьба» с мальчиком-кастратом, его не оставшаяся неизвестной для римской публики сексуальная связь с собственной матерью и ее убийство, санкционированное сыном-императором, его женоподобные манеры и смехотворная склонность к помпезности (всегда приходилось сгонять людей в толпу, которая должна была ликовать в связи с его появлением), непрекращающиеся казни большого числа именитых и знатных римлян, в том числе происходивших из его собственного рода, — все это в конце концов привело к волнениям в войсках — той части римского общества, которая менее других впала в летаргическое состояние. Легионер воевал и грабил от имени своего богоподобного непогрешимого правителя. Но чаша терпе-

ния, кажется, переполнилась. Нерона приводили в бешенство все и вся, кто казался ему подозрительным, включая недостаточный восторг, который вызывала у аудитории его артистическая деятельность. В действительности большого труда стоило с ликованием приветствовать подобную карикатуру на Геркулеса, которому, как императоры и до него и после, уподоблял себя Нерон. Раздутый от неумеренного чревоугодничества живот, тонкие ноги, голова, покрытая редкими светлыми волосами, серо-голубые глаза, лишенные всякого выражения, — таково описание человека, в течение 14 лет правившего мировой империей. Его талант певца, музыканта и поэта был более чем скромным. Но он был императором и претендовал на внимание своих подданных.

Примерно 20 марта 68 г. в Галлии начинается восстание легионеров. Они срывают со своих щитов символы власти Нерона и открыто выражают неповиновение извращенцу и убийце. Наместник Галлии Гай Юлий Виндекс направляет Нерону обличительное письмо и призывает наместника провинции Испания Тарраконская Сервия Сульпиция Гальбу объединиться с ним против Нерона. 72-летний Гальба, облысевший на императорской службе, побывавший наместником нескольких провинций, имя которого стояло в проскрипционных листах Нерона, инертен. Вся его жизнь подтверждает пословицу: «Тот, кто не делает ничего, не делает и ошибок». Но Гальба может сослаться на свой древний и славный род, что дает ему основание в глубине души претендовать на императорский трон. Виндекс, чья родословная не позволяет ему даже в мечтах воспарить так высоко, знает это. Он призывает Гальбу двинуть свои легионы против Нерона под лозунгом «За спасение рода человеческого». 3 апреля союз достигнут.

Когда Нерон узнал о восстании в войсках в Испании и Галлии, он приказал мобилизовать в войска, готовящиеся к походу против изменников, рабов и даже проституток. «Одновременно все слои общества должны были сдать в казну часть своего имущества, кроме того, даже те, кто, не имея своего жилья, арендовал его, должны были выплатить в качестве налога годовую арендную плату. При этом казна принимала только полноценные серебряные и золотые монеты, на этом основании отклонялись многие платежи...» (Светоний). Нерон, таким образом, требовал подлинных монет, которые к этому времени уже ушли с рынка в частные хранилища. Плохие мо-

неты не годились для оплаты иностранных наемных войск, а именно в них нуждался отчаявшийся правитель. Силами проституток и не обученных военному делу рабов кампанию было не выиграть.

Но и войска Гальбы и Виндекса, начертавших на своих знаменах девиз «За спасение рода человеческого», сильно нуждались в деньгах. Они также стремились привлечь на свою сторону новых союзников, и прежде всего Рейнскую армию, во главе которой стоял Руф Вергилий.

В результате в Галлии и Испании автономно и анонимно чеканятся золотые и серебряные монеты во многих полевых монетных мастерских. Мастеров, конечно, не хватает, но техника чеканки монет еще непритязательна и несложна. К тому же фальшивомонетничество в Испании было распространено уже в течение нескольких веков, ведь из провинции Новый Карфаген поступала ощутимая часть драгоценных металлов, из которых чеканились римские монеты. Мобилизованы были для этого и резчики по камню (правда, в самой Испании к этому времени разрешалось чеканить только медные монеты).

Надписи на монетах являются одновременно до известной степени лозунгами борьбы. Наряду с уже цитированным девизом «За спасение рода человеческого» были и другие: «Общественная свобода», «Восстановленная свобода», «Гению римского народа», «Марс-мститель».

Сегодня известны примерно 520 монет этого типа, которые были отчеканены в основном в лагере Гальбы. При этом бросается в глаза обилие субаэратных монет — примерно 12 %. Это относится лишь к известным, дошедшим до нас монетам. Часть из них сейчас известна лишь по каталогам.

М. Х. Крауфорд, признанный международный авторитет в кругах нумизматов, утверждает, что в принципе все субаэратные монеты происходят из частных фальшивомонетных мастерских, хотя и он делает одно исключение: периоды гражданских войн. Этот тезис активно оспаривается. И в других ситуациях государство прибегает к подделке монет. С другой стороны, сомнения высказываются и по поводу гипотезы П.-Х. Мартина, руководителя монетного кабинета в Карлсруэ, который считает, что неполноценные монеты из числа монет Гальбы периода гражданской войны были произведены по указанию свыше. Он ссылается на «идентичность штампов» на полноценных и субаэратных монетах. Эта идентичность — еще не доказательство. Субаэратные монеты действитель-

но могли произвести только те, кто имел достаточно опыта в этом деле: профессиональные фальшивомонетчики, которых привлек Гальба.

Впрочем, эти деньги не слишком помогли в попытках мошенников привлечь на свою сторону Рейнскую армию. Войска Вергилия нанесли сокрушительное поражение легионам Виндекса (по всей вероятности, в конце апреля 68 г.). Каким образом события подвели к этому сражению, остается загадкой; предполагают, что в этот момент Вергилий, входивший в число заговорщиков против Нерона, потерял власть над своими войсками. Во всяком случае позже он был одним из доверенных лиц императора Гальбы. Что ж, мы многое знаем об истории Древнего Рима, но она не является для нас книгой, любую страницу которой можно прочесть.

В конце II века начинается распад римского монетного хозяйства, что отражало кризис экономики, основанной на рабском труде. В конце III века денарий, который наряду с ауреем претендовал на роль мировых денег, превратился в белую медную монету, содержание серебра в которой колебалось между 2—5 %. (Технология производства этих монет, по-видимому, была разработана римлянами. Было выяснено, что раствор поваренной соли и винного камня вступает в реакцию с медью, но не с серебром. Медная заготовка для монет, в которой присутствовало небольшое количество серебра, погружалась в раствор до тех пор, пока серебро на незначительную глубину не освобождалось от меди. Из прошедших обработку заготовок чеканились монеты. Так как тонкая поверхность быстро снашивалась, позднее она укреплялась цинком и свинцом.) Цены выросли почти в тысячу раз. Денежное хозяйство, торговля и ремесло пришли в упадок. Римская империя превратилась в собственную тень. Среди правителей еще встречаются громкие имена: Аврелий, Диоклетиан и, наконец, Константин, который в начале IV века ввел в оборот знаменитую золотую монету «солид», вес которой составлял 4,55 *г*, и в 330 году перенес столицу Римской империи в Константинополь. В 395 году происходит окончательный раскол Римской империи. Западная Римская империя через восемь десятилетий пала под натиском варваров. 4 сентября 476 г. вождь германцев Одоакр сместил последнего римского императора Ромула Августула. По иронии истории, согласно легенде, при одном Ромуле произошло рождение Рима, при другом Ромуле он падет под давлением внутренних противоречий, проистекающих

из заката системы рабовладения. Складывалось феодальное хозяйство, составившее опору Восточной Римской (Византийской) империи. Соседние с Римом народы переняли то, что оставалось от его денежной системы, но даже самым развитым государственным образованиям потребовалось почти тысячелетие для того, чтобы деньги в их жизни стали играть роль, сравнимую с той, которая принадлежала им в городах Римской империи. Деньги понастоящему начинают править миром лишь с окончательной победой буржуазных отношений над феодальными.

Грехи Филиппа Красивого

Семь веков миновало с того октябрьского дня 1285 года, когда народ Парижа приветствовал 17-летнего юношу. Это был Филипп из рода Капетингов, который с соблюдением торжественного церемониала был помазан на французский престол.

Филипп IV, так он теперь мог называться, недолго демонстрировал свое королевское величество парижанам, ему нечего было им сказать. Бросив невидящий взгляд поверх ликующей толпы, он развернулся и скрылся, окруженный придворными. Если от него ждут чего-то еще, пусть это сделают те, кто находится на его службе. Он, Филипп, король божьей милостью, не станет говорить с чернью.

Филипп Красивый, названный так вскоре своими современниками, под этим именем и вошел в историю.

Филипп был отпрыском древнего рода, власть и успехи его предков на государственном поприще были весьма различного свойства. Род Капетингов три столетия вел борьбу за единство королевства. Основателем рода был Хуго Капет, правивший в 987—996 годах. В те времена в королевстве власть местных феодалов практически ничем не ограничивалась, они имели право на чеканку монет и собственные монетные дворы. Хуго в лучшем случае был первым среди равных, монеты с его изображением чеканились только в Париже и Орлеане.

С тех пор утекло много воды. После свадьбы в 1284 году 16-летнего Филиппа с Иоанной, наследницей наваррского престола (она не знала ни слова по-испански) и графиней Шампани, число его псевдонезависимых владений сократилось до четырех: Фландрия, Бретань, Аквитания и Бургундия. Филипп Красивый был захвачен честолюбивым замыслом подчинить оставшиеся области абсолютной власти короля, чтобы не кто другой, а только он был вершителем мирских и духовных дел во всей Фран-

ции. Обстоятельства этому отнюдь не благоприятствовали.

Условия для монетного дела, создавшиеся со времен Людовика IX (1226—1270 гг.), способствовали экономическому развитию французских городов. Чеканившиеся с тех пор золотые и серебряные монеты (турнозы) — «золотые барашки» (названы по изображенному на монете ягненку) и «золотые стулья» (названы по изображенному на монете королю, сидящему на готическом троне) — были деньгами, имевшими хождение и в соседних странах, где их также изготовляли.

Этим, правда, и исчерпывались позитивные деяния Филиппа III, отца молодого короля. Проигранная война с Арагоном, огромные долги и неустойчивая южная граница — таковы были реалии французского королевства. Доходы короны складывались лишь из поступлений от ее владений, от случайных традиционных пожертвований баронов, клира и городов, когда член королевской фамилии вступал в брачный союз, посвящался в рыцарский сан или же когда необходимо было готовиться и вооружаться для крестового похода.

Мы знаем немного о планах, которые вынашивал Филипп до 90-х годов XIII в., о его «внутренней жизни» история также умалчивает. До конца своих дней он оставался бездушно нейтральным сфинксом. Поколения историков и литераторов ломали головы над тем, что подвигало его на столь противоречивые действия. Амплитуда выносимых ему оценок столь же велика: он и алчный деспот, и прогрессивный, обогнавший свое время правитель.

Герцогство Аквитания на юго-востоке Франции, находившееся в вассальной зависимости от английского короля, и богатое графство Фландрия на севере с самого начала были ближайшими целями политики объединения королевства, проводимой Филиппом IV, политики, которая соответствовала и финансовым притязаниям короля.

Деньги были и целью, и средством его политики. А денег ему не хватало до самого последнего дня. Филипп нуждался в деньгах, чтобы укрепить свою власть над принадлежавшими ему территориями. Был создан огромный по тем временам чиновничий аппарат, чтобы воля короля реализовывалась во всех уголках страны.

От услуг советников Филиппа III юный король вскоре отказался. Ему нужны были энергичные люди, всецело преданные его целям, способные юристы во главе с Пьером Флоте, Гийомом де Ногаре и блестящим умницей, полностью сознающим свою власть Ангерраном де Ма-

риньи. Это были люди, не всегда чисто дворянского происхождения, отдававшие все свои силы на службу интересам короны.

Фальшивомонетчик

У Филиппа было и второе прозвище: фальшивомонетчик. Оно осталось за Филиппом IV до наших дней, хотя многие правители потом превзошли его в этом ремесле. Свое прозвище король заслужил тем, что был «политическим кузнецом из Реймса», как говаривал брат короля Карл Валуа. Этот «реймсский кузнец» привлек внимание и Данте Алигьери, который, выпустив в «Божественной комедии» немало саркастических стрел в адрес Капетингов, посвятил несколько строк денежным манипуляциям Филиппа и связал смерть Филиппа от клыков кабана с королевской подделкой монет. (Филипп умер 29 ноября 1314 г. в результате нескольких ударов, первый из которых настиг его 4 ноября на охоте. Легенда о том, что он упал с лошади и подвергся нападению кабана, была в свое время широко распространена.)

Уже в 1292 году начинается *первый грех* французского короля. Он вводит всеобщее обложение налогами своих подданных, распространяющееся и на клир. Мирская знать облагается в объеме сотой доли своего имущества (в некоторых частях страны налог повышается до $^{1}/_{50}$), города выплачивают налог с оборота в размере одного денье с каждого ливра, церковь обязана выплачивать в королевскую казну десятину не только в годы войны и в других чрезвычайных обстоятельствах, но и в обычное время. Здесь же и «налог с очага» — шесть солей с каждого домашнего хозяйства, а также «ломбардский налог», распространяющийся на итальянских купцов и денежных менял во Франции, и «еврейский налог».

Только «ломбардский налог» принес казне в 1292—1293 годах около 150 000 ливров.

Без сомнения, это обложение было вызвано не только плачевным состоянием финансов двора. Филипп вооружался для войны за Аквитанию и Фландрию.

В 1294 году войска Филиппа вторглись в Аквитанию, и Эдуард I направляет войска из Англии для защиты своего герцогства. Это была «нешумная» война, и уже в 1296 году противники договорились о прекращении военных действий. Договоренность подкреплялась намерения-

ми королевских семей породниться. Династические браки часто охраняли народы от кровавых столкновений, но они никогда не были гарантией мира.

И тем не менее Гасконская война, как стала называться эта кампания, была для Франции весьма дорогой. До окончательного мирного договора, заключенного в Шартре в 1303 году, в Аквитании дислоцировались французские войска, что обошлось казне в 2 млн. ливров.

Сегодня миллионные, миллиардные суммы операций государственного бюджета, имущества корпораций, предприятий и даже частных лиц не вызывают нашего удивления. Но в конце XIII века миллион ливров — это была подавляющая, невообразимая величина. Расчеты шли в ливрах, солях и денье. 12 денье (д) равнялись 1 солю (с), а 20 солей — 1 ливру (л). Ливр представлял собой только счетную единицу, монеты достоинством в 1 ливр не было, самыми ходовыми монетами были денье и полденье.

Во времена Филиппа IV во Франции существовали две валютные системы: старая, парижская (п) и новая (н). Четыре старых ливра равнялись пяти новым.

Искусный ремесленник в день получал в лучшем случае 18 новых денье (нд), или 27 новых ливров (нл) в год. Жалованье королевского служащего недворянского происхождения (за исключением высших чиновников) составляло 2—5 солей в день, рыцаря — 10 солей.

Доходы высших чиновников исчислялись на годовой основе. Жалованье верховного судьи или высшего чиновника королевского двора составляло от 365 до 700 нл. Мастер королевского монетного двора, одновременно советник короля по монетным делам Бэтен Косинель получал только 250 нл. Самый высокооплачиваемый человек на королевской службе Ангерран де Мариньи получал 900 нл в год.

Документ, составленный примерно в 1296 году, дает представление о том, из каких источников предполагалось изыскать средства для финансирования Гасконской войны:

200 000 нл — твердые доходы от королевских владений
249 000 нл — десятина, удерживаемая из доходов церкви
315 000 нл — налог на баронов ($^{1}/_{100}$ имущества)
35 000 нл — налог на баронов в Шампани ($^{1}/_{50}$)
65 000 нл — налог на ломбардцев
60 000 нл — налог с торгового оборота городов (в большинстве случаев в виде «налога с очага»)
16 000 нл — налоги на сделки между ломбардцами во Франции

225 000 нл — налог на евреев, включая удержанные штрафы
200 000 нл — займы у ломбардцев
630 000 нл — займы у зажиточных подданных
50 000 нл — займы у прелатов и королевских служащих
50 000 нл — доходы от «облегчения монет»

Итого: 2 105 000 нл

Некоторые позиции (например, обложение евреев), безусловно, завышены. Некоторые не полностью раскрыты: перечень городов, из которых казна получает налоговые поступления, явно не полный.

Были ли эти деньги получены, мы не знаем, как не знаем и того, на какой период эти поступления были рассчитаны. Лишь церковная десятина соответствовала годовой сумме. Из займов в 1295 году было получено 632 000 нл, причем не всегда и не везде ненасильственным путем. В целом королевский призыв помочь казне в «оборонительной борьбе» имел большой успех. О том, что планировалось начать войну самое позднее в 1292 году, народ, естественно, не знал.

Но повторить то, что удалось в 1295 году, было практически невозможно. Особенность займов состоит в том, что их надо возвращать, выплачивая, к тому же, проценты. Некоторые города, на собственном горьком опыте познакомившиеся с финансовой моралью короны, смогли добиться уменьшения сумм размещаемых королевскими чиновниками займов, отказавшись при этом от их последующего возмещения. Так, в 1295 году из города Сентон-Пуату 44 910 нл поступило в качестве даров и только 5666 нл — в качестве займов.

Филипп IV и позднее обращался к внутренним займам, но с меньшим, чем в 1295 году, успехом. С этого года налоговый пресс стал так жестко закручиваться, что зажиточные подданные предпочитали воздерживаться от добровольных пожертвований. Условия платежей по полученным займам французские короли никогда не принимали всерьез. Когда речь шла о военных займах, кредиторы так или иначе должны были принять к сведению, что рассчитывать на получение своих денег, пока идет война, бессмысленно.

В приведенном документе, без сомнения, любопытной позицией являются доходы от «облегчения монет». Уже в 1293 году король имел доверительную беседу с искушенным в денежных делах ломбардцем Мускиатто

Гуиди о преимуществах и недостатках манипуляций с монетами. Мускиатто не советовал королю пускаться в это рискованное предприятие, ибо последствия подобных действий для хозяйства отрицательны, доходы короны в конечном счете превращаются в потери. Но Филипп не слишком понимал потребности экономики страны. Его главный советник по монетным вопросам Бэтен Косинель, который был главой парижского монетного двора, тоже не был знатоком в данном деле. Он мог подсчитать лишь прямой сиюминутный выигрыш короны от уменьшения содержания в монетах драгоценных металлов. В отличие от Мускиатто, он был, к тому же, преданным слугой своего господина. У него были все основания для того, чтобы быть полезным своему королю. При многих дворах было принято «экономить» драгоценный металл при изготовлении монет. Во всяком случае Косинель взялся за выполнение указания короля чеканить новую крупнейшую французскую монету (соль) с номинальной стоимостью значительно выше прежней, бывшей в обращении, одновременно существенно снизив содержание в ней драгоценного металла. Жак Димер, ревизор парижского монетного двора, подчинился «высшим силам».

Крупнейшая монета, бывшая в обращении в период пика махинаций — в 1305 году, имела нарицательную стоимость в 36 денье (вместо 12), что в конечном счете должно было вызвать соответствующий рост цен. Правда, это не могло произойти за одну ночь. Экономика в средние века реагировала на изменения в денежном хозяйстве гораздо медленнее, чем в наши дни. Король смог таким образом посредством выпуска фальсифицированных и завышенных по сравнению с реальной стоимостью монет быстро освободиться от трети своих долгов. Баронам и горожанам приходилось гораздо хуже. Им доставалась лишь треть ренты, которую они рассчитывали получить из предоставленных королю займов.

Чтобы предупредить беспорядки, король уже в 1295 году поручил своим чиновникам разъяснять народу проводившуюся денежную политику как своего рода военный заем: как только прекратится состояние войны, ухудшенная и завышенная по сравнению с реальной стоимостью монета будет полноценно обменена на новые деньги.

Филипп выполнил это обещание по-своему. До 1306 года он пять раз изымал монеты из обращения, чтобы заменить их новыми, улучшенными, и восстановить преж-

нее состояние. Указы, в соответствии с которыми все полновесные монеты, имевшие хождение в стране и вне ее, а также изделия из золота и серебра подлежали обмену на плохие королевские монеты, дополняли эти мероприятия короны, которая, кроме того, присваивала и доходы от военных трофеев.

Масштаб махинаций с серебряными монетами виден из следующих данных. При Людовике Святом (1226 г.) из определенного веса серебра чеканились монеты, стоимость которых более чем в три раза уступала объявленной рекордной стоимости монет, отчеканенных в апреле 1305 года из того же веса серебра.

Доход королевской казны от денежных махинаций в 1296 году был обозначен скромной цифрой в 101 435 нл. Всего через два года, между 24 июня 1298 г. и 24 июня 1299 г., он составил уже 1,2 млн. нл. Мысль о том, что в подобной ситуации следовало бы поднять денежные доходы своих подданных, была абсолютна чужда Филиппу и его советникам. Напротив, в их представлении каждый солдат за прежнее жалованье должен был быть втрое усерднее, а так долго продолжаться не могло.

В 1297 году войска Филиппа выступили против Фландрии. Северное графство благодаря трудолюбию своего народа считалось самым богатым из вассальных владений французского короля. И не только правитель Фландрии Ги де Дампьер, но и богатые города Гент, Брюгге, Лилль, снабжавшие всю Европу своим полотном, считали себя вполне независимыми. Филипп же строил иные планы. Атаки на Аквитанию (1294 г.) в первую очередь преследовали цель заставить Англию, традиционного союзника Фландрии, отказаться от защиты графства. И английский король Эдуард I, руки которого были связаны внутренними делами, подавлением шотландских мятежников, доставил Филиппу это удовольствие. В 1300 году Фландрия была «умиротворена», ее спокойствие и порядок должны были обеспечивать французские оккупационные войска.

Мародерство плохо оплачиваемых французских оккупантов и налоги, которыми Филипп обложил города, привели ко всеобщему восстанию в мае 1302 года. На его подавление Филипп отправил 7 тыс. всадников и 20 тыс. пехотинцев. В кровавой битве при Кортрейке французские войска были наголову разбиты. Это самое сокрушительное поражение Филиппа за все время его правления.

Парижский двор переживал в эти дни подавленность и разочарование. Идет поиск причин происшедшего, и не-

годующему королю осторожно пытаются дать понять, что на исход битвы, возможно, оказало влияние низкое жалованье отлично вооруженных солдат. Филипп не принимает никаких объяснений: поражение от восставшей черни ничем нельзя извинить. Кроме того, у него нет денег: «Сборщики налогов обманывают нас на каждом шагу, они собирают гораздо больше, чем сдают в казну».

Это первый и единственный случай, когда король обвиняет в нечистоплотности находящихся на его службе. Он знает, что его обвинения ни на чем не основаны. Доходы казны от налогов и манипуляций монетного двора по большей части идут вовсе не на выплаты войскам. В огромные суммы обходится расширение королевского дворца, дворцовые празднества, щедрые подарки иностранным властителям, чтобы обеспечить невмешательство в военные предприятия короля.

Чеканка фальшивых монет, или, лучше сказать, манипуляции с монетами, — это *второй крупный грех* Филиппа Красивого, в котором его обвиняет история. *Третий грех* короля из рода Капетингов никогда не будет ему прощен в Риме.

В 1296 году Филипп требует от французской церкви удвоить взнос десятины в казну для поддержания защиты королевства. До сих пор Филипп никогда не отказывал церкви в «ответных дарах», прежде всего в форме расширения ее земельных владений, учитывая, что церковная десятина в трудные годы составляла от четверти до трети всех государственных доходов. Однако в этот раз церковь требует от Франции бóльших привилегий. Неожиданно еще до начала переговоров в это дело вмешивается римский святой отец папа Бонифаций VIII, запрещающий в своей булле любые контрибуции с церкви в пользу мирских властителей.

Священный престол в те времена был отнюдь не всехристианским институтом. Веками он боролся с королевскими домами за власть еще на этом свете. Его верным оружием до сих пор были отказ от благословения, угроза или реальное отлучение от церкви. Это означало, что «отлученный» оказывался вне любых мирских и духовных законов. Мощь папского проклятия испытали на себе Генрих IV (1056—1106 гг.) и Фридрих II (1212—1250 гг.).

Бонифаций VIII, 199-й папа в истории церкви, властолюбивый и вспыльчивый человек, был избран папой в 1294 году. В этом году ему исполнилось 76 лет, возраст по тем временам прямо-таки библейский.

На папскую буллу Филипп IV ответил запретом на любой вывоз золота и драгоценных металлов из Франции. После обмена письмами, в которых каждая из сторон отстаивала свою точку зрения, папа в конце концов уступил и заявил, что его булла на Францию не распространяется. И тут произошло то, что временно приостановило постоянную, то тлеющую, то разгорающуюся, как вулкан, борьбу священного престола за мирскую власть.

Пармский епископ

Бернар Сэссэ, епископ Пармский, верный сторонник папы, неоднократно выступал против деспотизма и своевластия Филиппа, снискав тем самым аплодисменты не только в Риме. О монетах Филиппа он отзывался так: «Эти деньги дешевле грязи. Они нечистые и фальшивые; неправедно и нечестно поступает тот, по чьей воле их чеканят. Во всей римской курии я не знаю никого, кто дал бы за эти деньги хотя бы горсть грязи».

Эти речи вызывали живой отклик у его паствы. Но по-своему реагировали во дворце. Филипп не терпел никаких оппонентов, он ждал лишь удобного повода, чтобы заставить замолчать своего противника. Сэссэ вскоре сам предоставил королю такую возможность, когда он облеченного саном божьего наместника во Франции короля сравнил с совой, «самой красивой из птиц, которая ни на что не годится... Таков и наш король, самый красивый мужчина в мире, который, однако, не может ничего иного, как лицезреть окружающих». Это было открытое оскорбление королевского величества, государственная измена. В конце октября 1301 года Бернар Сэссэ был взят под стражу и предстал перед судом. Это был своеобразный процесс. В свидетелях, подтверждающих крамольные высказывания обвиняемого, недостатка не было. Он был даже лишен защитника. И все же Сэссэ был посланником папы. В любом случае решение суда было весьма мягким. Нашлись и такие свидетели, кто призывал не принимать все всерьез. Епископ — пожилой человек со скверным характером, который, глотнув из бутылки, бывает, сболтнет лишнее. Другие не без иронии говорили, что он прост «до святости». В приговоре были учтены «смягчающие обстоятельства». Филипп фактически ограничился тем, что лишил Сэссэ епископского сана и имущества стоимостью в 40 000 нл, которое «с согласия» Сэссэ было передано

одному из монастырей. Своих денег Сэссэ никогда больше не увидел, хотя через семь лет ему был возвращен епископский сан.

Хроники сообщают, что Филипп не был доволен процессом, и не без оснований. Ему нужна была церковная десятина.

Реакция Священного престола не заставила себя ждать. Уже 5 декабря 1301 г. (приговор датировался концом ноября) папские послы привезли буллу Бонифация (это послание под красноречивым названием «Внемли, сын» было подготовлено еще до начала процесса против Сэссэ), в которой он называл себя верховным судьей. Бонифаций уведомлял «короля французов» о ликвидации всех привилегий, которые французский двор имел во взаимоотношениях со святой церковью. Наиболее болезненным для Филиппа было аннулирование выторгованного в 1297 году у Рима права обложения французской церкви десятичным налогом без согласия папы. Филипп был раздражен и содержащимися в весьма объемной булле нападками на его политику. Речь шла и о его запретах на вывоз, о выборе королевских советников, о королевских указах, о финансовой политике и манипуляциях с монетами. Бонифаций, правда, воздерживался от того, чтобы прямо назвать Филиппа IV фальшивомонетчиком.

В более поздних источниках, посвященных этому историческому единоборству, неизменно сообщается о том, что Филипп в феврале 1302 года распорядился принародно сжечь папскую буллу. Однако убедительных доказательств не приводится, к тому же это вообще маловероятно. Филипп поручил разобраться в этом деле своему первому министру Пьеру Флоте, который проинформировал о содержании буллы только узкий круг советников. Оно осталось неизвестным прежде всего для наиболее верных соратников папы из королевского окружения. Вместо подробного уведомления Флоте резюмировал римские упреки одной фразой: «Знай, что ты наш подданный и в мирских, и в духовных делах». Бонифаций так не писал, но это следовало из содержания его послания. И именно по этой фразе о папской булле предстояло судить на собрании Генеральных штатов 10 апреля 1302 г.

Этот апрельский день — весьма любопытная дата во французской истории. В первый раз приглашены представители не только дворянства и духовенства, но и третьего сословия в лице горожан. Этот ход обеспечивал по-

беду королю, и Флоте в знак признательности был пожалован титул хранителя большой королевской печати.

Старик, восседавший на Священном престоле, узнав о решении, принятом на собрании трех сословий в Париже, был вне себя. Он созывает церковный собор, на который прибывает лишь половина из французских епископов (39 из 79), и проклинает Флоте, «которого бог уже покарал частичной физической слепотой и полной слепотой духовной». Флоте назван вторым Ахитофелем, говорится и о том, что он разделит участь последнего. Предсказание папы очень скоро подтвердилось: Пьер Флоте погиб 11 июля того же года в битве при Кортрейке. Какое впечатление произвела его гибель на французских епископов, нам неизвестно.

Преемником Флоте стал такой же энергичный и даже еще более скрупулезный в выполнении воли короля Гийом Ногаре, которому вскоре король пожаловал дворянство. Морис Дрюон в своей книге «Проклятие из огня» характеризует этого поджарого темноволосого человека с беспокойными глазами как беспощадного и «неотвратимого, как коса смерти» слугу короля, который смахивал на черта и был дьявольски настойчив в проведении политики своего господина.

18 ноября 1302 г. следует новая булла Бонифация, в которой он развивает постулат о том, что любое существо между небом и землей подчинено Священному престолу: «Мы заявляем, провозглашаем и определяем, что каждый человек с необходимостью является подданным римского понтификата, если ему дорого бессмертие его души».

Обращаясь с этим посланием, Бонифаций переоценил свои силы, хотя оно выдержано в гораздо более миролюбивом тоне по сравнению с предыдущей буллой. У Филиппа были влиятельные союзники и в Италии. Это прежде всего представители рода графов Колонна, чье имущество было секвестрировано Бонифацием в пользу членов его семьи, жадных до власти и богатства. В свою очередь, Гийом Ногаре знал от Колонна об обвинениях, выдвигавшихся против Бонифация в период не совсем обычного отречения от престола его предшественника Целестина V. Содержание обвинений сводилось к тому, что Бонифаций якобы подвержен ереси, сексуальным извращениям и другим грехам. Едва ли что-нибудь из этого перечня отвечало действительности. Однако законники Филиппа были изощренно опытны в схоластически-крючкотворческих

баталиях и фразу Бонифация, которую он и в самом деле мог в запальчивости произнести: «Я лучше буду собакой, чем французом», — повернули против него же: «У собаки нет души, но у самого последнего француза она есть. Другими словами, Бонифаций не верит в бессмертие души. Он еретик».

13 июня 1303 г. на собрании представителей дворянства и духовенства в Лувре было оглашено немало подобных находок, которые дали повод для предложения о созыве церковного собора, на котором предстояло обсудить ересь Бонифация. Вопрос о том, где и когда созывать собор, остался открытым.

Бонифаций тем временем пишет очередную буллу, которая 8 сентября доставляется в Париж и предается оглашению. Содержание буллы следующее: Филипп Французский отлучается от церкви, ибо он запретил французским прелатам направляться в Рим, дал убежище отступнику Стефано Колонна и потерял доверие своих подданных.

В тот же день король доверительно беседует с хранителем своей печати: «Ногаре, об этом послании не должен знать никто. Мы не ограничиваем тебя ни в чем, но папа должен предстать перед церковным собором». Гийому Ногаре не требовалось много слов, а рукопожатие, которым его удостоил король, означало, что судьба короля теперь в его руках. Ногаре не теряет времени, он выбирает самых надежных и самых смелых рыцарей и вместе с ними направляется в Ананьи, личное владение папы. Там при поддержке семьи Колонна он фактически берет в плен 86-летнего папу. По-видимому, Бонифаций подвергался весьма жестокому обращению. Во всяком случае, спустя четыре недели после того, как жители Ананьи освобождают его, он умирает в Ватикане. Но угасающих сил Бонифация хватает на то, чтобы отлучить от церкви Гийома де Ногаре.

Данте находит горькие слова для описания нападения в Ананьи, квалифицируя его как убийство, хотя и Бонифаций не вызывает у него особого сочувствия.

В борьбе за власть с Римом победителем оказывается Филипп IV. Но какой ценой? В 1301—1303 годах его казна не получает церковной десятины, а это потеря почти 800 000 нл. Бенедикт XI, вновь избранный папа, настроен миролюбиво и готов дать согласие на взимание французским королем церковной десятины при условии, что Филипп на святом писании принесет клятву в непричаст-

ности к покушению в Ананьи. Филипп клянется, но это ложная клятва.

200-му папе, Бенедикту XI, было суждено лишь год оставаться на Священном престоле. Его преемником был ставленник Филиппа архиепископ Бордо Бертран де Го, избранный папой в 1305 году благодаря усилиям французской короны и принявший имя Климента V. Через четыре года он переносит свою резиденцию в Авиньон, где папы пробыли в так называемом «вавилонском изгнании» [по аналогии с пленением в Вавилоне народа Израиля Навуходоносором (597—538 гг. до н. э.)] до 1377 года.

23 декабря 1305 г. Климент V освобождает Филиппа от проклятия Бонифация и дает ему отпущение грехов, связанных с многочисленным вымогательством церковных денег и манипуляциями с монетами. Он превозносит милостью божьей короля Франции как «самую яркую звезду среди всех католических монархов». Филипп, отнюдь не глухой к лести, отвечает тем, что объявляет себя защитником тех епископов и аббатств, по отношению к которым Климент V был слишком жесток, но сам начинает собирать с них налоги и принудительные займы. Король легко раздает ответные дары — грамоты о предоставлении привилегий и свобод — и так же легко о них забывает. Его законники должны позаботиться о лазейках, а они свое дело знают.

За третьим грехом — нападением на Священный престол — непосредственно следует *четвертый.*

Трагедия тамплиеров

Уже год, как воцарился мир. 18 августа 1304 г. войска Филиппа разгромили у Монс-эн-Певель ополчение Фландрии, а спустя год (в июне 1305 г.) с ней был заключен выгодный для Франции мир. На Фландрию накладывалась контрибуция в 400 000 нл. Герцогство Ретель (не относящееся к Фландрии) должно было ежегодно выплачивать французской короне 20 000 нл. До тех пор, пока контрибуция не будет выплачена, Лилль, Дуэ и Бетюн остаются оккупированными. И все-таки Фландрии удалось, признав верховую власть французского короля, отстоять свой полунезависимый статус.

Спустя год после подписания мира его величество «император Королевства, самый просвященный монарх в Европе, помазанник божий, наследник Карла Великого и Лю-

довика Святого, наместник бога во Франции» решил вернуться к чеканке «хороших денег». Об этом объявили герольды, посланные во все провинции. Вес серебряных монет, выпускавшихся с 1 октября 1306 г., увеличивался. В церквах служили благодарственные молебны, но восторженных толп они не собирали. Слишком долгое время подданные подвергались мощному давлению, чтобы не почувствовать сразу нового удара.

Нельзя не признать следующее. Повышение стоимости денег, очевидно, произошло совершенно внезапно. Люди, которые обзавелись имуществом или получили кредиты во времена, когда стоимость денег была завышена, должны были теперь платить проценты и возвращать долги деньгами, которые стоили лишь треть того, что на них недавно чеканилось.

Летописцы сообщают, что Филипп любил, облачившись простолюдином, затесаться в толпу, походить по базарам, послушать, о чем толкует народ. Его не останавливали даже сообщения о происходивших то здесь, то там беспорядках. Однажды вблизи замка ордена тамплиеров его узнают, и король оказывается в опасном положении. Слышатся угрозы, сжимаются кулаки, короля окружают, сначала осторожно, потом все увереннее толпа смыкается вокруг него. Филипп Красивый бледнеет, стоит без движения, его взгляд замирает.

Спасение приходит в последний момент. Появляется группа людей в белых накидках, с красными крестами на груди. Своими щитами они сдерживают толпу, по образовавшемуся проходу король шествует в замок тамплиеров, давших ему убежище.

Позднее король узнает, что волнения охватили и другие города, в том числе Шалон. В Париже чернь ворвалась в дом префекта Этьена Барбе и похитила его.

«Христианнейший император Франции» перестает понимать людей.

Наконец он совершил доброе дело, а его народ отвечает покушением на жизнь непогрешимого величества. Разносу подвергаются советники короля и ответственные за поддержание порядка.

Филипп жестоко отомстил парижанам за их, как считал король, неслыханную дерзость. На улицах без разбору хватали мужчин, у которых инквизиторы мучительными пытками добивались признания в принадлежности к бунтовщикам, после чего их вздергивали на виселицах, установленных у городских ворот.

Советникам Филиппа приходится с головой уйти в работу, чтобы найти способы отрегулировать в виде законов последствия утяжеления монет для кредитной системы страны и поземельных платежей. На это ушло немало времени. Чтобы доставить предписания властей во все провинции, гонцам требовались недели, а уже из провинций предписания направлялись во все уголки государства.

В беспокойные дни накануне введения нового денежного масштаба Гийому Ногаре пришла мысль о том, в какое русло можно направить брожение народа. Во всяком случае именно Ногаре играл главную роль в развернувшемся в 1306 году изгнании евреев из Франции. Еврейские погромы происходили и ранее, при Капетингах. Были произведены массовые сожжения людей на Еврейском острове, расположенном на Иль-де-ля-Сите.

На этот раз коварный министр сделал ставку на особую ненависть к евреям, особенно к ростовщикам и менялам из их числа, простых людей, считавших последних причастными к финансовому обнищанию королевства. Имущество евреев конфискуется, долговые обязательства переходят во владение короны и бесчисленных продажных чиновников. Доходы казны относительно невелики. До 1310 года эта акция приносит около 200 000 нл, хотя в военное время порой удавалось «выжать» у евреев такую же сумму за год.

Спустя год, 13 октября 1307 г., последовало событие, которое на целые столетия разделило историков на два враждебных лагеря, — удар по ордену тамплиеров.

Орден рыцарей храма Иерусалима был основан в 1119 году для защиты паломников и святынь Палестины. Члены ордена, помимо прочего, должны были дать обет избегать любых контактов с женщинами, даже с ближайшими родственницами. Они целиком посвящали себя служению Иисусу Христу. 20 тыс. рыцарей ордена, облаченные в белые балахоны с красным крестом на груди, полегли в крестовых походах, принеся своему ордену несметные богатства. За свою службу орден собирал золото со всей Европы. К тому же орден был крупнейшим землевладельцем. Вскоре верхушка ордена нашла ему новое поле деятельности. Орден тамплиеров превратился в самого крупного банкира своего времени. Могущественнейшие из монархов Европы были его клиентами. Когдато очень жесткие для членов ордена самоограничения быстро смягчились, сказались и позаимствованные на Вос-

токе привычки и воззрения. Выражение «ругается, как тамплиер» вошло в Париже в поговорку.

Филипп IV, как и его предшественники, долгие годы рассматривал замок тамплиеров в Париже в качестве «своего» банка, который занимался финансовыми делами двора. Сокровища французской короны также хранились у тамплиеров.

Хотя орден тамплиеров подчинялся исключительно Священному престолу в Риме, он оказался готовым вступить в августе 1303 года в союз с Филиппом против Бонифация VIII, «того, кто сейчас возглавляет Римскую церковь», выступая на стороне короля даже тогда, когда в Риме требовали устранения Филиппа.

Король Филипп IV отплатил за услуги тамплиеров черной неблагодарностью. Три года спустя — современники считают, что план возник тогда, когда рыцари ордена тамплиеров спасли короля от натиска толпы и доставили его в замок тамплиеров и он был уязвлен пышной роскошью его внутреннего убранства, — король задумывает, вероятно, самую грязную интригу времени своего правления. В июле 1306 года король настоял на том, чтобы папа отозвал великого магистра ордена Жака де Молей с Кипра (где находилась штаб-квартира ордена) и направил его во Францию, где ему предстояло ответить перед судом. Климент V, как утверждают, дал свое согласие при условии, что только он единолично может решать судьбу тамплиеров, которые в любом случае должны быть выданы Ватикану.

13 октября 1307 г. по воле короля проводится молниеносная акция по захвату замка тамплиеров в Париже. 140 находившихся там тамплиеров были арестованы. На следующий день начались допросы и пытки. Самое малое, в чем должны были признаться подвергаемые изощренным пыткам тамплиеры, — это в контактах с нечистой силой. Если же кто-то на суде отказывался от вырванных под пытками признаний, то сразу же попадал в руки палача. За 1309 год 54 рыцаря ордена были заживо сожжены как вероотступники. Папа Климент V в 1312 году распустил орден тамплиеров во всех странах. В марте 1313 года на медленном огне сгорает великий магистр ордена. Его при этом произнесенное проклятие — папа Климент, Гийом Ногаре и король умрут в течение года — сбывается. Климент умирает 20 апреля 1314 г., Ногаре умирает четыре недели спустя, отравленный бывшим тамплиером. Филипп проживет чуть дольше отпущен-

ного магистром срока. Его настигает серия апоплексических ударов, и он умирает 29 ноября 1314 г.

По сравнению с тем, что тамплиеры в свое время сделали для французской короны, финансовые результаты насильственного устранения ордена для Филиппа были более чем скромными. Климент V, комментировавший казни тамплиеров словами: «Король заставляет вспомнить кротость своих предков», воспротивился желанию Филиппа создать новый орден под своим главенством, что означало бы передачу всего имущества разгромленного ордена расточительному королю Франции. Клименту удалось вернуть имущество ордена его госпиталю. Выигрыш королевской казны от разгрома ордена тамплиеров составил около четверти миллиона ливров.

Разгром ордена тамплиеров — это, вероятно, самый тяжкий грех Филиппа Красивого.

Ни одно из предпринятых неблаговидных действий не пошло на пользу королевству. Вырванная с фламандцев контрибуция в 400 000 ливров не окупила расходов на войну с Англией и Фландрией, составивших по крайней мере 4 млн. нл. Изгнанием евреев Филипп перекрыл надежный источник ежегодных поступлений в казну. Ликвидация ордена тамплиеров лишила его надежного финансиста и кредитора.

Кошельки баронов также оставались недоступными для казны: налогообложение дворянства осуществлялось лишь в военное время. Климент V в 1310 году характеризовал французское королевство как «денежный вакуум». У Филиппа имелся еще один выход: ухудшение золотых монет, которые до сих пор оставались неприкосновенными. Он распоряжается с 22 января 1310 г. вместо монет достоинством в 44 ливра чеканить из того же веса золота 55 ливров, 10 солей и 4 денье. Речь шла о самых распространенных монетах — флоринах с изображением ягненка, имевших хождение в зажиточных кругах, среди крупных купцов, особенно ломбардцев, которые, подвергшись репрессиям и арестам в годы войны, больше не оказывали никакого сопротивления.

Через год король предпринимает последнюю попытку пополнить свою казну за счет махинаций с монетами. Он объявляет, что буржуа — монета достоинством в 1 денье по новой системе обращения отныне имеет достоинство в 1 денье по старой парижской системе. Как мы помним, соотношение между старыми и новыми деньгами составляло 5:4, теперь гражданин должен был всюду платить

на 20 % больше. Вероятно, этим маневром король был обязан второму по могуществу человеку во Франции Ангеррану де Мариньи, на которого спустя год Филипп возложил решение всех финансовых вопросов.

Казалось, что народ только и ждал новой аферы. Разразилась буря протестов, и в 1313 году Филипп был вынужден отступить.

Кончина короля Филиппа (29 ноября 1314 г.) унесла с собой и то, что всю жизнь поддерживало его абсолютную власть: его божественную миссию. Достоянием гласности становятся измены двух невесток короля. За казнью Жака де Молей вскорости следуют казни и любовников невесток, также принадлежавших к высшей знати. Божественный нимб над королевским домом померк окончательно.

Жоффруа Парижский в 1313—1319 годах составил состоящую из 8 000 стихов хронику, описывающую события 1300—1316 годов. Жоффруа, лицо духовное, изложил в ней, соблюдая необходимую осторожность, мнение простого народа о своем короле: «Ты брал сотую часть, ты брал пятидесятую, ты брал так много займов, король... В твоих закромах должны быть деньги тамплиеров, евреев и ростовщиков. Ты обложил налогами и податями ломбардцев. Никогда до тебя короли не обращались так плохо со своим народом... На смертном одре короля охватило раскаяние... В его время больной была вся Франция, и у народа мало причин для того, чтобы оплакивать его кончину».

Как и многие его современники, Жоффруа объясняет действия короля грехами его советников. Даже Бернар Сэссэ вплоть до своего ареста считал, что именно советники несут ответственность за ошибочную политику Филиппа. На процессе о государственной измене Бернара Сэссэ в ноябре 1301 года один из свидетелей дал показания, что «он сам часто слышал, как епископ заявлял, что король на охоте, когда ему лучше было бы заседать в королевском совете. У него нет хороших советников, люди короля оказывают справедливости сомнительные услуги».

Подобные суждения всегда имели хождение в народе. Применительно к Филиппу они частично оправданы. Такие же его подданные, как Флоте, Ногаре, Мариньи, как личности были на голову выше Филиппа. Но они знали его программу и всеми силами способствовали ее претворению в жизнь. Последнее слово при этом, конечно, оставалось за властителем. Основная цель Филиппа IV, состоявшая в объединении Франции под его единым началом,

в создании четкой системы управления, весьма прогрессивная в то время, не была реализована и оказалась дискредитированной так же, как и средства, которыми Филипп пользовался. После смерти Филиппа IV, как это часто бывает, анафеме было предано и то, чего король успел достичь в объединении королевства и в государственном управлении. Почти символичной для «новой политики» была казнь Мариньи, последовавшая в 1315 году.

Король определяет, что такое деньги

«Вавилонское изгнание», переселение папы в Авиньон, избавило французских монархов от тягостного вмешательства папского престола в их дела. Махинации с монетами, принесшие Филиппу дурную славу, стали при его сыновьях, правивших до 1328 года, но особенно при представителях династии Валуа, пришедших к власти вслед за ними, правом короля. Филипп VI (правивший в 1328—1350 гг.) выразил воззрения заката Римской империи о том, что высшая власть императора распространяется и на денежное хозяйство, следующим образом: «Ни у кого не должно быть сомнений в том, что только Мы и Наше королевское величество определяем порядок чеканки монет, их изготовление, вид, запасы, только Мы издаем ордонансы о том, по какой цене они поступают в обращение, исходя из своих собственных интересов и желаний».

То, за что Филипп IV получил ругательное прозвище «фальшивомонетчик», ныне превратилось в предписанную законом прерогативу короля. Уже второй Валуа на французском троне — Иоанн II (правивший в 1350—1364 гг.) продемонстрировал, что Филипп Красивый был всего лишь начинающим любителем. Только за четыре месяца (с 27 ноября 1359 г. по 31 марта 1360 г.) самая ходовая серебряная монета менялась восемь раз. Таким образом из одного веса серебра вместо первоначальных 12 изготавливалось 102 монеты. Но воздадим Иоанну Доброму, а под этим именем он вошел в историю, должное. В эти месяцы король находился у своих родственников в Англии, и не совсем по своей воле. Шла Столетняя война (1337—1453 гг.). 19 сентября 1356 г. в битве при Моперти Иоанн Добрый потерял «победу и свободу», как сообщают хроники.

Король Эдуард III Английский (правивший в 1327—1377 гг.) взял своего кузена к себе (Иоанн был внуком

Карла Валуа, брата Филиппа Красивого. Эдуард был внуком Филиппа по материнской линии. Претензии Эдуарда на французский престол явились поводом для начала Столетней войны), чтобы продиктовать ему свои условия мира: отказ от владения несколькими провинциями и выплата контрибуции в 3 млн. золотых монет — таким был для Франции мир, подписанный в 1360 году в Бретиньи. Иоанн вернулся во Францию, не встретив там никого, кто готовил бы ему теплый прием.

Во время недобровольного отсутствия Иоанна у власти во Франции был дофин, впоследствии ставший королем Карлом V (Мудрым). Успехи его правления были весьма сомнительны. Опустошения, принесенные войной, жестокие налоги и принудительное рекрутирование вызывали крестьянские восстания и выступления в городах, которые в июне 1358 года были жестоко подавлены лишь при вмешательстве Карла Злого, короля Наварры. После того, как «спокойствие» было таким образом восстановлено, дофин распорядился заняться чеканкой неполновесных монет.

В начале 1364 года Иоанн Добрый, подавленный, вернулся в Англию, где вскоре и умер. Он не смог выполнить условия мирного договора. Территориальные претензии Эдуарда были в целом удовлетворены, хуже обстояли дела с денежными выплатами из-за хозяйственной разрухи во Франции. Преемник Иоанна, к которому военная фортуна была благосклоннее, оставил в память о себе не только королевскую библиотеку, но и Бастилию, которая, правда, стала королевской тюрьмой лишь спустя три столетия.

Подделка монет продолжалась во Франции в течение всей Столетней войны. Только Карл VII (правивший в 1422—1461 гг.). позаботился о том, чтобы упорядочить монетные дела. К 1430 году цена серебра настолько поднялась, что монетные аферы, характерные для разгара махинаций Филиппа Красивого в 1305 году, теперь считались нормой. Иначе обстояли дела с чеканкой золотых монет. Если рекорд Филиппа IV составлял 55 флоринов из исходного веса золота (марки), то при Карле VII из него же чеканили от 80 до 100 флоринов, что считалось нормальным. Монеты стали меньше.

Позднее, при Бурбонах, сомнительные игры с монетами возобновляются. Людовик XIV — Король-Солнце, правивший в 1651—1715 годах, — превращает поддержание роскоши своего двора в государственную политику. И во всей

Европе, даже в самых мелких графствах, он нашел последователей. Ремесла и начатки промышленности развиваются по двум основным направлениям: производство предметов роскоши и удовлетворение потребностей непрекращающихся войн. Но для Молоха государственной казны этого недостаточно. В 1693 году Король-Солнце возвращается к давно апробированной практике выпуска новых монет. (Изъятие из обращения старых и стертых монет и замена их новыми практиковались еще в XI веке в Богемии в связи с приходом к власти новых правителей. Очень скоро власти предержащие усмотрели в этом прекрасную возможность получения дохода путем увеличения платы за чеканку большего количества монет из одного и того же объема.) Людовик изъял из обращения луидоры (луидор — золотой Людовик), а потом, облегчив, вернул их на рынок с более высокой номинальной стоимостью. Это была та же игра, которой охотно развлекался Филипп Красивый.

Против нарушений правил чеканки монет, ведущих к обогащению властителей, выступил в своем труде «Принципы государя» знаменитый философ Фома Аквинский (1225—1274 гг.). Он писал, что монета предназначена исключительно для того, чтобы содействовать хозяйственному обороту. Фома Аквинский был фанатичным поборником папских притязаний на мировое господство. И более поздние представители этих рациональных взглядов и требований, не совместимых с жаждой обогащения мирских правителей и заключавшихся в подчинении денег исключительно экономическим задачам, происходили из рядов духовенства: Николай Орезмский, епископ в Лисо (умер в 1382 г.), Габриэль Биэль, аббат и профессор в Тюбингене (умер в 1495 г.). Их представления сводились к тому, что все деньги должны быть полноценными и служить исключительно мерилом находящихся в обращении товаров. Обесцененные монеты допустимы лишь в годы войны, только с согласия народа и должны рассматриваться как разновидность кредитных денег, которые после окончания военных тягот подлежат полноценному обмену. Однако подобные воззрения оставались гласом вопиющего в пустыне.

Фальшивомонетчики крупные и помельче

История знает немного высокопоставленных фальшивомонетчиков, которые были привлечены к ответственности по закону. Виновными почти всегда признавались исполнители: монетных дел мастера и их подручные или случайные «любители». Хотя было, правда, и туманное «золотое время», когда мышеловка захлопывалась не только за «маленьким человеком», — в Англии XII века.

Правом чеканки монет пользовались тогда король и крупные лендлорды, герцоги, графы, бароны. Они должны были изображать на деньгах своих монетных дворов собственную печать или геральдический знак. Однако искушение пополнить кассы не вполне праведным образом было слишком велико. При этом содержание металла в монетах фальсифицировалось, а сами они получали опознавательные знаки монет господина другой территории.

Генрих I (правивший в 1100—1135 гг.), вероятно, не без оснований получивший прозвище «прекраснолицый ученый», судя по всему, не был склонен спускать с рук подобные шалости. В рождественский вечер 1125 года он собрал в Винчестерском замке владельцев всех английских монетных дворов, которые должны были доказать чистоту своих монет. По-видимому, некоторым это удалось, однако 94 гостя покинули Винчестер однорукими.

Эта история была поведана в изданной в Москве в 1982 году книге Георгия Польского «Рыцари фальшивых банкнот», но источники своей информации автор предпочел не разглашать.

Генрих I и в самом деле был озабочен искоренением фальшивомонетного промысла в Англии. Он предпринял две крупные акции: в 1108 и 1125 годах. Об этом сообщают современники короля Флорентин Вигорненский, автор хроники событий вплоть до 1118 года, и Генри Хантингдон, описывавший события до 1154 года. Правда, в этих хрони-

ках нет ни слова о том, что среди пострадавших оказался хотя бы один знатный англичанин. Флорентин сообщает, что разоблаченным фальшивомонетчикам, подделывавшим мелкие монеты, «выкалывались глаза и отрезались половые органы». Генри, который не склонен превозносить деяния своего короля, описывая события 1125 года, делает следующую запись: «Стоит прислушаться к тому, как жестоки распоряжения короля. Он пришел к мысли, что всем мастерам монетного дела в Англии, кто тайно подделывал монеты, следует отрубать правую руку».

В хронике Джона Уорчестера, охватывавшей события с 1118 по 1140 год, подтверждается сообщение Флорентина: «Монетным мастерам, схваченным в Англии за чеканку фальшивых монет, по эдикту короля отрубается правая рука и отрезаются нижние части туловища».

Генрих I вошел в историю Англии как мудрый законодатель. Если, к тому же, учесть, что он активно боролся за власть с баронами, то логично предположить, что позже народная молва распространила подобные королевские наказания и на них.

Иначе объяснить действия, описанные в книге Польского, нельзя, настолько они несовместимы с тогдашним сословным правом.

В годы правления Эдуарда III (1327—1377 гг.), того самого, кто на четыре года заставил принять королевское гостеприимство своего французского кузена Иоанна II, имел место правдивый инцидент аналогичного рода. Это дело аббата Массандрона, который практически не скрывая выпускал фальшивые монеты. У самого Эдуарда были подобные трудности на собственном монетном дворе, к тому же, он был убежденным противником папства. Это и решило судьбу предпринимателя в сутане. Из камеры пыток Массандрон попал прямо на виселицу. Между тем это были исключения.

«Скверные и неправедные монеты»

Император Рудольф I в рейхстаге в Майнце в 1285 году провозгласил подделку монет тяжким преступлением, караемым беспощадно. Наказуемы и сознательный сбыт и укрывание фальшивых монет, а также укрывательство фальшивомонетчиков в замках знати. Император Альбрехт II возобновил этот эдикт в 1438 году (в рейхстаге в Нюрнберге). В эдикте говорилось, что человек, пойманный на

самовольной выплавке монет, подлежит суровому наказанию, как и его господин.

Сословные различия проявляются, тем не менее, совершенно отчетливо. Каким было суровое наказание для «господ», показывает случай, имевший место за 100 лет до описываемых событий в Трире.

В датированной 13 июня 1341 г. грамоте говорится о привлечении господина Хартрада фон Шёнэка к имперскому суду за подделку монет: «Господин Хартрад фон Шёнэк в день, следующий за днем святого Килиана, 27 июля, должен дать ответ императору Римской империи Людвигу за чеканку скверных и неправедных монет. Ему присудят то, что решит император».

За этим следовала дата, печать и приписка: «С теми же уликами указываются граф Вильгельм фон Вид, господин Готтфрид фон Фаллендар, Герлах и Филипп фон Изенбург, Герман фон Хельфинштейн, Вальпод фон Нойербург, Теодор фон Зеельбах, Генрих фон Эренбург».

Очевидно, от императора нельзя было ожидать слишком многого, он не мог противопоставить себя целой орде своих рыцарей, которая нарушила мир в его владениях. Выборочные наказания взбудоражили бы и без того внимательно присматривающихся к происходящему жителей. И вот писарь государственной канцелярии уже 15 июня 1341 г. составляет следующее заключение, которое может быть суммировано так: «Господа покаялись в своих грехах и торжественно обещали впредь не подрывать чеканку монет своего сюзерена». Граф фон Вид, например, обязался «никогда не чеканить монет и не позволять делать это в своих владениях. Если же эти обещания будут нарушены, мы готовы отдать себя в руки суда».

Вероятно, господа сдержали данное слово. Однако 40 лет спустя отпрыск Филиппа фон Изенбурга, проходившего по делу фальшивомонетчиков, Эберхард фон Изенбург оказывается пойманным за фальшивомонетничество. Но и он отделывается данными трирскому архиепископу Куно заверениями, что «никогда, тайно или явно, не будет заниматься или поручать заниматься чеканкой монет».

Один из редких случаев наказания высокопоставленного фальшивомонетчика известен нам из истории Франции начала XV века. В течение долгих лет графиня Иоанна Булонская и Овернская в подвале собственного замка в Тулузе в специально оборудованной мастерской чеканила поддельные монеты, лично наблюдая за работой своих ремесленников. В 1422 году ее мастерская была обнаружена.

Предприимчивая графиня оказывается за решеткой, ее дальнейшая судьба неизвестна.

Мы не знаем того, какая участь постигла подручных графини. Но вряд ли им повезло больше, чем монетных дел мастерам английских баронов при Генрихе I, которые по приказу своих господ занимались подделкой монет.

В дальнейшем чеканщики монет «поумнели», они стали запасаться письменным распоряжением своих господ на изготовление фальшивых денег, снабженным их печатями. Именно так поступил в 1350 году монетных дел мастер Якоб Швет из Кёнигсберга.

Маркграф Бранденбургский Людвиг I 12 июля 1347 г. ввел новый монетный порядок. Из марки серебра (куска серебра весом 14,5 лотских унций) изготовлялось теперь 28 шиллингов и 4 пфеннига, всего 340 пфеннигов. В указе Людвига говорилось: «Никто, ни христиане, ни иудеи, не должны делать монет. Кто будет пойман за этим занятием, будет судим как фальшивомонетчик и повешен».

Любые действия самого маркграфа, связанные с выпуском монет, по тому же указу имели законную силу «при поддержке государственного совета и совета сословий». В нашем случае ведение денежного хозяйства определялось именно советом сословий (за два года до этого совет сословий отклонил порядок устранения системы ежегодного изъятия монет и выпуска новых, открывавшей возможности ухудшения качества монет). Но доходы, получаемые в ходе изъятия монет, уже не удовлетворяли Людвига. 1 января 1350 г. он приказал Якобу Швету, не определяя веса монет и содержания в них серебра, чеканить из марки серебра 35 шиллингов или 420 пфеннигов. Три дня спустя мастер получил и письменное распоряжение.

Это распоряжение, сделанное за спиной совета сословий, было открытым фальшивомонетничеством. Людвиг приказывал монетному мастеру из Кёнигсберга превратиться в фальшивомонетчика, если вспомнить его же закон двухлетней давности. Якоб Швет мог, вероятно, уклониться от выполнения этого приказа. Но, конечно, своя рубашка ближе к телу, да и откуда он мог знать, согласовано ли решение маркграфа с кем бы то ни было или нет. Во всяком случае он принял приказ к исполнению и взялся за чеканку.

Почти год в маркграфстве ходили фальшивые пфенниги, пока 30 ноября 1350 г. совет сословий не предъявил обвинения Якобу Швету в подделке денег. Якоб смог до-

казать, что действовал по указанию маркграфа. И все равно суд решил, что виновен именно Якоб Швет, и выслал его из страны.

В тех случаях, когда можно было доказать, что фальшивомонетчик действовал ради личного обогащения, судьи теряли бдительность. Здесь же надо было всего-навсего ответить на вопрос «как?». И тогда для толпы устраивалось настоящее представление.

Покарать смертью

Мастер монетного двора и его помощники издавна относились к числу самых опытных ремесленников. Повседневное общение с драгоценными металлами, которое доверялось им, покрытые тайной для большинства людей средневековья и начала нового времени выплавка и легирование металлов, а главное — сверхъестественная власть над людьми золота и серебра ставили чеканщиков монет в особое положение в тогдашнем обществе. К тому же мастера монетных дел по своему статусу не входили в цеха и имели дело непосредственно с правителями или с магистратом. Особенно тщательно города следили за тем, чтобы их монетных дел мастера имели рекомендации и во всяком случае происходили из полноценных семей, по крайней мере не были внебрачными детьми, прошли положенное четырехлетнее обучение. Лишь после этого на правах подмастерьев они вступали в братство чеканщиков монет.

Работа гравера, выполнявшего рисунок на образце монеты, с которого делали отпечатки, доверялась особенно искусным и почетным мастерам работы по золоту. В Нюрнберге XVI века таким гравером был Венцель Ямнитцер (1508—1585 гг.), ставший «названным» членом Большого совета и действительным членом Малого совета этого города. Дело отца продолжил его сын Ганс.

И тем не менее фальшивомонетчиками становились именно представители этих двух профессий. Письменные свидетельства говорят о том, что чаще всего мастер-монетчик и его подмастерья являлись единственными фигурами, замешанными в подделке монет. Конечно, ни в какие времена этот вид преступлений не был исключительной привилегией только одной профессиональной группы. Тем бóльшая опасность исходила от этих преступлений для городов, для герцогств, княжеств и графств, для всей империи.

Строгие предписания для монетного ремесла во многих местах с течением времени становились все гибче благодаря прежде всего неутихающему стремлению местных властей нарушить имперские правила. Местный властитель предпочитал видеть на своем монетном дворе не столько безусловно честных, сколько понятливых людей.

Указ императора Максимилиана II (правившего в 1564—1576 гг.) от 13 октября 1571 г. должен был в очередной раз навести порядок в монетных дворах. По этому указу привилегии подмастерьев-монетчиков должны были распространяться только на тех, кто прошел обучение исключительно в указанных имперских мастерских и носил в процессе обучения «дурацкие колпаки». Но к этому времени ни один из правителей не был готов действовать в соответствии с этими предписаниями. Подмастерья лишь приносили присягу соблюдать имперские правила чеканки монет, а уже в следующем веке на княжеских монетных дворах появились представители других профессий. В свою очередь, и некоторые мастера монетных дел сменили свою профессию.

Естественно, на первых порах этот процесс в меньшей степени затронул города, находившиеся в непосредственном подчинении императору. Они следовали принятым в империи правилам чеканки монет вплоть до начала Тридцатилетней войны, когда, обгоняемые событиями, присоединились к этому недоброму занятию, чтобы не упустить последней возможности выжить.

Нет материалов для сравнений, которые позволили бы выявить местности, где промысел подделки денег был наиболее распространен. Мы можем только показать, как со временем постоянно растут количество «монетных преступлений», власть и влияние буржуазии и потребность в деньгах. Из документов городского совета и других нюрнбергских хроник мы узнаем, что между 1414 и 1584 годами только в этом городе было раскрыто 20 случаев изготовления фальшивых монет, в которых участвовали монетчики, мастера по золоту, менялы, владельцы постоялых дворов, один ткач, один оружейник, один мясник, один художник и т. д.

При Карле Великом, во времена, когда деньги играли в хозяйстве страны сугубо подчиненную роль, удовлетворялись тем, что разговаривали с разоблаченным фальшивомонетчиком сквозь зубы, в худшем случае ставили ему клеймо на лоб. Возникший в начале XIII века свод законов Саксонии — самый значительный юридический документ

средневековой Германии — дает уже совершенно иные оценки: «Если монетчик изготовляет фальшивые монеты с тем, чтобы пустить их в оборот, он рискует своей шеей». Речь шла о виселице. В Китае за те же преступления живьем закапывали в землю, в Японии распинали на кресте.

Уже к концу XIII века к фальшивомонетчикам стали применяться еще более жестокие наказания. У Данте мы читаем о горькой жалобе мастера Адама из города Брешиа, урожденного англичанина, о его страданиях в аду, куда он попал с костра, на который, в свою очередь, его привела стезя фальшивомонетчика. Сюжет заключался в том, что Адам по поручению графов Гвидо, Алессандро и Агинольфо из Романьи подделывал золотые гульдены с изображением Иоанна Крестителя с содержанием золота в 3 карата вместо 21 и за это был публично сожжен в 1281 году. В суде его высокопоставленные хозяева отказали ему в поддержке. Даже в аду мысли о мщении не покидают Адама. Он знает, что Гвидо из Романьи уже в аду. Но Адам, мучимый жаждой, уже не способен сделать ни шага, адская справедливость свершилась.

С экономическим прогрессом и расширяющейся торговлей буржуазия все больше осознает опасность, носителем которой является фальшивомонетничество. «Фальшивомонетчик грабит духовенство, господ и всех людей и является самым злостным вором», — говорится во Фризском праве. Нанесение ущерба собственности и имуществу, а также подрыв доверия общества к деньгам — вот основные параметры подхода к разбирательству подобных преступлений и приговоров по ним. Обратимся вновь к свидетельству Данте, который блестяще передает глубину падения фальшивомонетчика в глазах человека к началу позднего средневековья. Вспомним диспут, происходящий в аду между греком Синоном, обманом уговорившим троянцев ввести в город деревянного коня, и знакомым нам мастером Адамом. «Я говорил, а ты чеканил ложь» — такова позиция Синона. И хотя грек погубил целое государство, он считает, что Адам греховнее черта.

Ужесточение наказаний против «обворовывающих весь мир», как говорилось в комментариях к законам города Гамбурга, происходило прежде всего под влиянием буржуазии, без того изрядно натерпевшейся от денежных махинаций знатных господ.

В Германии города и крупнейшие феодалы карали фальшивомонетчиков по своим собственным законам или по законам, распространявшимся на союзы городов (например,

Любекское право), хотя эдикты императоров, принимавшиеся рейхстагами, предписывали определенные нормы наказания. Единого имперского уголовного права еще не существовало, но смертная казнь предусматривалась везде. Различались лишь способы умерщвления: петлей, топором, костром, кипящей водой и т. д.

Лишь в 1532 году на рейхстаге в Регенсбурге принимается единое для всей Германии уголовное уложение — кодекс Карла V, известный также как «пеньковое право». В ст. 136 этого кодекса дается развернутое толкование фальшивомонетного промысла: 1) подделка внешних данных монеты, 2) использование нечистого металла, 3) облегчение веса монет. Изготовителей фальшивых монет карали сжиганием заживо на костре. Те же, кто имел сведения о фальшивомонетчиках или участвовал каким-либо образом в их махинациях, подвергались наказаниям от тюрьмы до виселицы.

Любопытна и ст. 111 кодекса Карла V, которая устанавливает, что наказанию подлежит не только сам фальшивомонетчик, но и организатор промысла. При этом, несмотря на некоторую невразумительность для современного читателя средневековых формулировок, в них совершенно отчетливо прослеживается разница между степенью риска фальшивомонетчика-ремесленника и фальшивомонетчика-господина. Если первому грозила мучительная публичная смерть, то «господин» лишь утрачивал свое право чеканки монет.

Ганс Ленгенфельдер и другие

Ни одно из ремесел не было представлено в Нюрнберге в XV—XVII веках так широко, как работа по золоту и серебру. В конце XV века город, насчитывавший 25 тыс. жителей, располагал сотней золотых дел мастеров. Только немногие из них жили в достатке. Конкуренция была чрезвычайно жесткой. Некоторые ремесленники покидали город. Золотых дел мастер из Нюрнберга — эта рекомендация служила визитной карточкой во всей Германии и за ее пределами. И тем не менее эта Мекка ювелирного искусства, как магнит, притягивала к себе подмастерьев из разных местностей Германии, которые хотели получить свою грамоту мастера именно в Нюрнберге.

Даже Венцель Ямнитцер (1508—1585 гг.) — самый известный в Германии эпохи Ренессанса мастер по золо-

ту — значительную часть жизни прожил в нужде. Его брат Альбрехт, также прекрасный мастер, покончил жизнь самоубийством в 1555 году из-за того, что не смог уплатить долг в 800 гульденов. Ганс, сын Венцеля, постигавший у знаменитого отца секреты ремесла, в 40 лет оказался должником своего родителя.

Не лучше шли дела и у другого нюрнбергского мастера — Ганса Ленгенфельдера. С июля 1490 года он полноправный мастер. Его главной заботой сделался поиск дома с мастерской, который он хотел бы купить или построить. Нужны были деньги, и немалые, около 1000 гульденов. Их можно было взять в долг, но за высокие проценты. Ганс пошел по этому пути и угодил в замкнутый круг. Нужны были средства на содержание семьи (по положению подмастерье вначале женился, а уже после этого мог претендовать на экзамен на звание мастера), а для этого надо было покупать драгоценные металлы для работы. К тому же проценты съедали почти все заработанные деньги.

Какие именно события предшествовали 27 февраля 1492 г., доподлинно не известно, но в этот день писарь совета города Нюрнберга делает роковую запись об обвинениях, выдвигаемых против Ганса Ленгенфельдера неким Майером (в последующих бумагах именуемым также Байером), который сообщил, что в доме Ленгенфельдера чеканят фальшивые гульдены.

После этого допроса Ленгенфельдер оказался в пресловутой «яме» нюрнбергской ратуши. Вскоре были арестованы и его сообщники: Хайнц Шюрштаб, мастер по изготовлению поясов Кох и служанка Ленгенфельдера.

29—30 ноября 1492 г. писарь протоколирует: «Продолжить содержание под стражей Хайнца Шюрштаба, мастера по золоту Ленгенфельдера и мастера по поясам Коха. Выведать под пытками, какой металл и инструмент они использовали для изготовления гульденов.

Также держать под стражей и служанку. Расспросить, как и сколько гульденов она разменивала, знала ли о творимом обмане. Если Шюрштаб или кто-нибудь другой покажет, что она знала об обмане, применить к ней испанский сапог и деревянный камень (орудия пыток).

Произвести обыск у Ленгенфельдера и Коха, искать заготовки и образцы фальшивых монет».

Итак, Ленгенфельдер и Шюрштаб находились под подозрением в чеканке фальшивых гульденов, а служанка — девица Фойрер — подозревалась в распространении заве-

домо фальшивых денег. Удивительным образом нигде не названа профессия Шюрштаба. Вероятно, он происходил из могущественной купеческой семьи Шюрштабов, которые не хотели быть замешанными в судебном процессе. Ленгенфельдер и Шюрштаб пускали в оборот не золотые, а лишь позолоченные монеты.

Протокол от 1 декабря 1492 г. рассказывает о продолжении расследования. Найдены орудия преступного промысла. Продолжаются допросы с пристрастием. Сняты обвинения против Коха, и он оставлен в покое. Следователей нельзя упрекнуть в халатности. Они находят ответы на возникающие вопросы. Откуда, например, у Шюрштаба орудия взлома и другой воровской инвентарь. Под пыткой он признается в совершенном ограблении. В качестве улики фигурирует письмо, написанное Ленгенфельдером соучастнику.

7 декабря Хайнцу Шюрштабу и Гансу Ленгенфельдеру выносится приговор: казнь через обезглавливание. Это событие подтверждается в нюрнбергской хронике (1488—1506 гг.) Генриха Дайкслера.

Такова история Ганса Ленгенфельдера.

Что же касается приговора, вынесенного отпрыску влиятельного клана Шюрштабов, то это не было чем-то из ряда вон выходящим. Совет города Нюрнберга трудно заподозрить в коррупции. Так, в 1469 году один из его членов Никлас Муффель за присвоение средств совета был приговорен к повешению.

Хайнц Шюрштаб был приговорен к смерти как «пособник фальшивомонетчика». Для наказания достаточно было уже того, что он знал о преступлении. В 1564 году один из мастеров-монетчиков был обезглавлен только за то, что «стоял на стреме», в то время как его подмастерья отливали фальшивые монеты. За четыре года до этого неприятности были у самого Венцеля Ямнитцера. Каспар Хойсснер, один из подмастерьев знаменитого мастера, вынес из мастерской немного серебра и, самостоятельно сделав форму, отлил несколько монет. Кто и как «обезвредил» находчивого юношу, хроника не сообщает. Ямнитцер к тому времени уже в течение четырех лет принадлежал к числу почетных граждан города, к 14 избранным членам Большого совета. Доказав собственную непричастность к преступлению Хойсснера, Ямнитцер выступил защитником своего подмастерья, который, без сомнения, мог бы попасть в руки палача. Закон не проводил различий между взрослыми и детьми.

После шестинедельного пребывания в городской тюрьме, где Каспару Хойсснеру пришлось испытать на себе искусство заплечных дел мастеров, ему был вынесен приговор, согласно которому смертная казнь «из милости» была заменена пожизненным заключением. Ямнитцер был строго предупрежден о том, чтобы впредь не допускал подобных оплошностей.

Об особенно жестоком виде казни (даже по тем далеко не милосердным временам) — сварении приговоренного в кипятке, что практиковалось с 1285 года, повествует книга записей распоряжений городских властей Штральзунда. В книге приводится указ о розыске Николауса Винкельдорпа, прибывшего в Штральзунд вместе с купцом Германом Ольдендорпом. Это распоряжение принято по решению суда в соответствии с Любекским правом. Винкельдорпу, обвиненному в подделке денег, удалось сбежать. Проходивший по тому же делу Клаус Эльмхорст тем же судом был приговорен к смерти в котле с кипящей водой. Фальшивые пфенниги, завезенные обвиняемыми в Штральзунд, были обнаружены под кроватью Винкельдорпа, которого ожидал тот же приговор, что и Эльмхорста. Указ датируется 31 марта 1431 г.

На старой рыночной площади Штральзунда, жители которого в октябре или ноябре 1431 года были свидетелями этой ужасной казни, в те времена организовывались народные увеселения. Эти развлечения большей частью были не тем, что мы понимаем под этим сегодня. Так, в 1414 году гвоздем программы «увеселений» было насаживание кошки на позорный столб. Кому это удавалось, публично провозглашался «кошачьим рыцарем». На следующий год штральзундцы потешались, наблюдая, как слепые пытались бить дубинками свинью и попадали друг в друга.

И все равно то, что произошло с Клаусом Эльмхорстом, еще долго оставалось в памяти горожан. Рассказы об этом событии передавались из поколения в поколение. О нем сообщает в своей хронике умерший в 1560 году преподобный Иоганн Беркманн, который, вероятнее всего, не был знаком с цитированной ранее книгой записи решений городских властей Штральзунда. Беркманн описывает казнь фальшивомонетчика и упоминает, что котел, где он еще на этом свете принял адские муки, оставлен в назидание потомкам на своем месте.

Для последующих поколений было само собой разумеющимся, что казненный тогда фальшивомонетчик сам при-

надлежал к клану мастеров монетного дела. Между тем настоящая профессия Эльмхорста в хрониках не указана.

Следует упомянуть и еще об одном немаловажном обстоятельстве: с юридической точки зрения в описываемом случае налицо откровенный судебный произвол. В положениях Любекского права, на которое, как мы помним, ссылались как на обоснование решения суда по обвинению Николауса Винкельдорпа и Клауса Эльмхорста, не рассматривался такой вид преступлений, как подделка денег. По Любекскому праву фальшивые деньги — лишь улика, наказание — денежный штраф или в худшем случае снятие с головы волос вместе с кожей.

Вместе с тем было бы ошибкой оценивать подобные казни с позиций современных представлений о цивилизации и морали. Жестокость была в духе того времени: преступления против нарождавшегося капитала карались сурово и публично.

Орел или решка?

14 декабря 1620 г. Полдень. В городские ворота Пренцлау въезжает фургон, запряженный парой гнедых. Проехав по городу, он останавливается перед домом гражданина Пренцлау Эртманна Шмидта. Кучер слезает с козел и стучит в дверь. Хозяин дома появляется на пороге: «Элиас Хеннинг, собственной персоной! Заходите, заходите... Может быть, промочите горло с дороги?» Хеннинг не собирается рассиживаться. Надо обтереть лошадей, ну и от доброго глотка он, конечно, не откажется. Это способствует путешествиям. Фургон полон мотков польской шерсти, их надо доставить в Гамбург. Эртманн усмехается: «Ну, конечно, ничего подозрительного. Подручный монетных дел мастера в роли торговца шерстью».

Они переходят к делу. Из рук в руки передаются туго набитые мешочки. Появляется пустая бочка, в которую Хеннинг складывает свою добычу. Бочку аккуратно прикрывают шерстью, и фургон снова трогается в путь. Но беда уже не за горами. Через полтора часа у деревни Бойтценбург всадник преграждает дорогу и грубо требует, чтобы Элиас ехал в поместье господина фон Арнима. Хеннинг не сопротивляется, хотя от страха его прошибает пот, а губы безостановочно шепчут «отче наш».

Люди Георга Арнима кипа за кипой перебирают шерсть. Наконец, когда вся шерсть выгружена, они наталкиваются на бочку. «Что здесь?» — угрожающе спра-

шивает хозяин поместья. «Смотри сам», — отвечает Элиас, отворачиваясь. «Ого, в бочке остались камни?! Зачем они тебе?» Но наступает роковой момент: бочку опустошают, и в руках у фон Арнима оказываются три кошелька. Он собственноручно пересчитывает монеты, а они все крупные, тяжелые. Итог: 2109 гульденов.

Напрасны протесты Элиаса Хеннинга. Он говорит, что это честно заработанные деньги, они получены за товары францбургских ремесленников и крестьян. Его никто не слушает. Георг фон Арним оставляет деньги у себя.

Элиас Хеннинг кое-кому уже примелькался. Слишком часто он курсировал из Померании в Бранденбург. Но это еще не повод, чтобы присваивать его деньги.

На следующий год в Пренцлау начался судебный процесс. Хеннинг требовал вернуть ему деньги. У противоположной стороны нашлось множество свидетелей, которые заявили, что подручный монетчика из Францбурга выменивает крупные монеты и занимается он этим не в одиночку. Эртманн Шмидт оказывает ему помощь в получении мелких монет. Наконец, было доказано, что Хеннинг через Шмидта заказал у двух пренцлауских столяров весы-качели. Торговец Кристоф Вильде показал, что видел в доме Эртманна Шмидта подобные «качели», приспособленные для работы с монетами разного достоинства.

Вот так. Элиас Хеннинг оказался под подозрением. Собственно говоря, речь шла даже не о нем, а о мастере монетного дела города Францбурга Михаэле Мартенсе, по указанию которого Хеннинг обменивал тяжелые монеты на мелкие, сношенные или легированные медью и заказывал в Пренцлау орудия фальшивомонетного промысла. Но Мартенс не фигурировал на процессе: Францбург находился во владениях герцога Филиппа Юлиуса фон Поммерн-Вольгаст, в то время как Пренцлау — в Бранденбургском курфюрстве и с 1360 года имел право собственной чеканки монет. На открытый конфликт с герцогом город не отважился. Мишенью негодования горожан по поводу «плохих» францбургских монет и «вывоза» добротных померанских денег стал незадачливый Элиас Хеннинг.

Процесс подделки монет нам уже частично описал торговец Кристоф Вильде. Монеты определенного достоинства помещались на верхнее плечо «качелей» («качели» были специальными для каждого вида монет). Если монета полноценна и прежде всего полновесна, «качели» приходят в движение; плохая, «легкая» монета оставляет

их в прежнем положении. «Хорошие» деньги вплавлялись затем в плохие монеты.

О том, что подобное происходило и в самом Пренцлау, говорил на суде столяр Шрёдер: «Год назад меня подозвал кузнец и попросил сделать «качели» для тяжелых монет».

К сожалению, мы не знаем, чем закончился этот процесс. Скорее всего, Хеннинг не получил назад денег своего мастера, но сам не только уцелел, но и остался на свободе, так как спустя некоторое время он сообщил бранденбургскому курфюрсту, что в случае, если последний соблаговолит учредить монетный двор в Ландсберге-на-Варте, Хеннинг готов предложить свою кандидатуру на пост мастера монетных дел.

Михаэль Мартенс знал и поддерживал намерения своего патрона герцога Филиппа Юлиуса ухудшить качество монет. За три месяца до вступления Мартенса в должность, 7 мая 1618 г., герцог выслушал в Лейпциге на окружном собрании представителей сословий своих подданных упреки в том, что во Францбурге «неправедно» чеканятся монеты достоинством в два и четыре шиллинга.

Эти претензии были перечислены на обратной стороне договора герцога с Мартенсом. Самые важные из них заключались в том, что старые полновесные монеты малого достоинства уходят из обращения, их переплавляют на более мелкие монеты. Новые же монеты достоинством в четыре шиллинга слишком малы.

Все это должно было насторожить Мартенса. Ему не следовало доставлять новые неприятности своему господину. Надо сказать, что францбургские монеты с самого начала были в какой-то степени ненастоящими, так как не соответствовали общегерманским правилам чеканки монет, принятым в Аугсбурге в 1559 году. Право чеканки предоставлялось монетным дворам крупных центров при использовании ими самостоятельно добываемого серебра. Этот принцип был подтвержден в имперском законе 1572 года. Закон должен был препятствовать традиционной практике курфюрстских, герцогских, княжеских, графских, епископских и прочих монетных дворов, где шли в переплав хорошие монеты. Но цель была совершенно нереальной. В Северной и Западной Германии не было запасов серебра, что не останавливало вельмож. Закон просто игнорировался. Совершенно отчетливо это прослеживается в договоре по поводу основания города Францбурга, заключенном между герцогом Богиславом XIII и восемью представителями знати «второго эше-

лона». В договоре, несмотря на закон 1572 года, со ссылкой на практику других городов отмечалось, что его участники принимают на себя ответственность за выпуск монет, которые будут удовлетворять и императора, и местные сословия. Позже герцог Филипп Юлиус был вынужден выслушать жалобы своих подданных на то, что монетный двор Францбурга не имеет права на существование.

Но время добротных монет миновало. Мартенс должен был присоединиться к всеобщей практике выплавки из хороших денег плохих. На вопрос герцога, нельзя ли обойтись без переплавки старых монет, Мартенс ответил (7 ноября 1619 г.): «Так поступали раньше. Сейчас это невозможно, талер резко вырос в цене, а старые монеты мелких сортов остались теми же, что и четыре года назад. 12 шиллингов, выплавленных из одного талера, — это самые лучшие монеты из тех, что делаются сейчас в Германии».

Золотое время «перечеканки» монет

Афера в Пренцлау произошла на пороге золотой поры великой «перечеканки» монет, которая в исторических трудах датируется между 1621 и 1623 годами. На самом же деле практика переплавки хороших монет началась задолго до этого. Она известна нам еще со времен Римской империи, даже раньше — с самых первых шагов чеканки монет. Легирование металлов всегда вдохновляло и государственных мужей, и частных лиц на снятие навара с чеканки монет.

В течение XVI века римско-германские императоры введением общеимперских норм чеканки монет (1524, 1551, 1559, 1572 гг.) стремились навести порядок в разношерстном монетном хозяйстве и подчинить себе многочисленные монетные дворы, находившиеся в распоряжении не только различного рода территориальных владык, но и городов, имевших собственные монеты. Но уже первая из этих попыток (1524 г.) провалилась, так как предлагавшееся содержание серебра как в крупных [гульден — серебряная монета, чистое содержание серебра — 27,41 *г*; она разменивалась на монеты достоинством в половину, четверть, одну десятую гульдена, на мелкие монеты: грош ($^1/_{21}$ гульдена), полугрош ($^1/_{42}$) и мелкий грош ($^1/_{84}$)], так и в мелких монетах было слишком велико. Серебра повсеместно не хватало, его цена росла. Хотя Саксония,

Тироль, Гарц и Богемия имели преимущества благодаря своим серебряным рудникам, но даже здесь к концу первой трети XVI века перешли на чеканку «плохих» монет. Известный «монетный спор» между курфюрстом Иоганном и его партнером по денежному союзу герцогом Георгом дошел до нас в трех источниках и является тому убедительной иллюстрацией (см. Ludwig G., Wermusch G. Silber. B., 1986).

В 1525 году начинается выпуск новой крупной монеты — талера, содержание серебра для которой в 1551 году было определено в 27,5 *г*. Талер был приравнен к 72 кройцерам. Саксонский талер был дешевле и стоил 68 кройцеров, или 24 гроша. С тех пор имперский талер отличался от саксонского.

Основной недостаток имперских правил чеканки монет состоял в том, что никак не удавалось стабилизировать стоимостное соотношение между крупной и мелкими серебряными монетами. Чеканка большого количества мелких денег обходилась непропорционально дороже по сравнению с выпуском крупных, и мелкие монеты не приносили прибыли. Поэтому так называемые низкие монетные дворы (не подчинявшиеся непосредственно императору) стали активно искать пути компенсации недополучения своих доходов. Мелкие монеты стали чеканить по собственным образцам, ухудшая содержание металла. К началу Тридцатилетней войны (1618 г.) практически было столько же разновидностей монет, сколько монетных дворов. Периодический контроль, который осуществлялся на заседаниях окружных земельных собраний, каждый раз обнаруживал упущения в деятельности тех или иных монетных дворов, но оставлял их без серьезных последствий. Например, окружной конвент во Франкфурте-на-Одере в мае 1612 года принял решение о закрытии монетного двора во Францбурге. Поводом для такого решения послужил запрет герцога своему тогдашнему мастеру по монетам Каспару Ротермунду сдавать монеты на пробу. У герцога были для этого основания: францбургские монеты достоинством в два шиллинга были настолько плохи, что одна из них на глазах у герцога, «упав на стол, разломилась пополам». Вызванный Ротермунд сухо ответил, что «подобное случается даже с арабскими деньгами». Герцог Филипп Юлиус остался верен себе и не стал обременять себя выполнением решений конвента: чеканка монет шла своим чередом.

Цена кройцера в 1611 году упала с 68 (как было

установлено в 1551 г.) до 90 за 1 талер. Через восемь лет за 1 талер платили уже 108 кройцеров. Содержателен в этом смысле отчет, представленный герцогу Филиппу Юлиусу 23 апреля 1619 г. подполковником Книпхузеном: «Один мастер за неделю может изготовить 8000 талеров, за год — 424 000. Талер разменивается на 24 гроша. Из того же талера в Брауншвейге и других местах делают 120 грошей, выигрыш в расчете на 1 талер составляет 86 грошей, что за неделю составит 688 *кг* серебра».

В этих условиях и сырье — серебро — магическим образом притягивалось туда, где хозяева монетных дворов успешно занимались фальсификацией монет. Конечно, хозяева платили за доставку полновесными талерами. Возможно, и наш знакомый Элиас Хеннинг рассчитывал сделать свой гешефт: попутно с выгодой сбыть два-три своих кошелька во время путешествия в Гамбург.

Что же касается Михаэля Мартенса — мастера из Францбурга, то ему следует воздать должное. В своем уже упоминавшемся письме от 7 ноября 1619 г. он добавляет, что надеется честно чеканить монеты до тех пор, пока на всех таможнях действует приказ, запрещающий вывоз из страны серебра и тяжелых монет. В остальном он полагается на своего герцога, который должен решить, будет ли он получать прежний доход со своего монетного двора. Если все будет по-прежнему, то герцог должен решиться вести дела так же, как и в соседних землях. Чеканка монет лучших, чем у соседей, приведет к тому, что они пойдут в переплав в печах последних.

19 июля 1621 г. Мартенс просит герцога об отставке потому, что «негде получить серебро, нечего платить подмастерьям и на выплату ренты герцогу приходится доплачивать свои личные деньги». Он был бы согласен остаться на своем посту, но работать становится невозможно из-за того «конфуза», в котором находится монетное хозяйство: «штральзундский талер сейчас приравнивается к восьми маркам и двум шиллингам, в других местах чеканят монеты меньшего размера». И все-таки Мартенс остался во Францбурге.

К началу Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.) денежные соотношения на территории римско-германской империи пришли в состояние хаоса. Армии требуют жалованья. Потребность в деньгах неизмеримо возрастает. Те, у кого еще уцелели старые добрые серебряные монеты, тут же их припрятали. Недостатка серебра в те времена

не было. В Западной Европе цены растут из-за того, что слишком обилен поток серебра из Америки. Параллельно развивается и экономика, исключение, правда, составляют Испания и Португалия. Испания, ежегодно ввозящая из своих заокеанских колоний огромную массу золота и серебра, буквально захлебывается от медной инфляции.

Коперник еще в 1526 году сформулировал закон, позднее вошедший в историю как «закон Грешэма» (назван по имени сэра Томаса Грешэма (1519—1579 гг.), основателя лондонской биржи): «Хотя нарицательная стоимость и реальная ценность монет не совпадают и все более расходятся, из-за этого их производство не прекращается. Так как средств для того, чтобы выпускаемые монеты соответствовали тем, что находятся в обращении, не хватает, каждая последующая монета, поступающая в обращение, всегда хуже предыдущей. Плохие деньги вытесняют хорошие». Хорошие монеты в обмен на хорошие товары уходят за границу или просто оседают в частных хранилищах.

Так и развивалось денежное хозяйство, прежде всего в восточных районах. Война шла дальше. Обширные территории пришли в запустение. Ремесло и торговля были парализованы.

«Пустые монеты и полные карманы»

Апогей кризиса монетного хозяйства приходится на период 1621—1623 годов, на годы расцвета фальсификации монет. Повсеместно в Германии наряду с легальными монетными дворами появились подпольные производства, которые большей частью работали для обогащения герцогов, князей или графов и т. п. Хроники почти всегда умалчивают о реальных работодателях, к тому же знать такие монетные дворы сдавала в аренду ремесленникам или купцам. Только на территории герцогства Ангальт находилось по крайней мере девять городов и деревень, где чеканились фальшивые деньги и перечеканивались старые монеты. В Бранденбурге таких «точек» было 18, в Брауншвейге — 32, во Франконии — 17. Графы Мансфельды на территории всего в 14 кв. миль содержали 40 пунктов фальшивомонетного промысла. Доказано, что в Тюрингии их было 36. Кройцеры, шиллинги, гроши и другие монеты все больше «краснели» — повсеместно использовался прием проверки монет кипятком, известный

еще в Древнем Риме. В хронике города Зангерхаузена, написанной Самюэлем Мюллером (умер 1662 г.), по этому поводу сказано: «Новые деньги почти всегда были медными, лишь слегка подбеленными. Такими они оставались дней восемь, потом монеты становились огненно-красными. Котлы, трубы, утварь, даже духовые инструменты — все сделанное из меди превращалось в деньги. Честный человек не верил самому себе, не отваживался кого-нибудь пустить в дом переночевать, так как не был уверен, что гость поутру не унесет с собой печной дымоход. Если в церкви имелась какая-то медная купель, она отправлялась в переплав, и никакая святость ее не спасала, ее продавали те, кто в этой купели принимал крещение». В 1620 году имперский талер стоил 180, а в сентябре 1622 года — уже 1000 кройцеров. Народ был взбудоражен. Ни один крестьянин не отваживался нести на рынок свою ветчину и колбасы. Во многих местах происходил возврат к натуральному хозяйству и обмену по типу: одна рубашка против двух фунтов ветчины. Появились сотни преимущественно анонимных листовок. И как в свое время Мартин Лютер клеймил безбожных ростовщиков, так и сейчас духовенство подняло свой голос против фальшивомонетчиков. В качестве примера приведем мнение Тобиаса Хенкелиуса, который предоставлял своей общине в Хальберштадте судить о том, «имеет ли кто-нибудь право с чистой совестью переплавлять лучшие полновесные монеты или посылать людей, чтобы они выменивали эти монеты, из которых чеканятся плохие, неправильные монеты?»

Виновные в подобных действиях, а среди них были и епископы, имевшие право чеканить монеты, правда, прямо не назывались. Сочинялись и обличительные куплеты:

«Они азартны и быстры,
Они менялы и купцы,
В их монете
Гуляет ветер,
Их карманы полны,
А монеты пусты».

Доставалось и законникам, которые, вместо того чтобы остановить «качели» фальшивомонетчиков, крайне вежливо позволяют раскачивать их все сильнее.

Тот же, кто хотел вскрыть реальное положение вещей, должен был оставаться анонимным. Мы не будем упоминать о многочисленных анонимных письмах-листовках. Вместо них назовем труд «Экспургацио, или В защиту

честного имени фальшивомонетчиков, составленный Книпхардумом Виппериумом. Фрагфурт, 1622 г.» (псевдоним автора этого памфлета созвучен старонемецкому обозначению занятия фальшивомонетным промыслом — kippen und wippen). В нем говорится следующее: «Мне ни разу не доводилось увидеть ни одного пфеннига, не говоря уж о более грубых монетах, на которых значилось бы имя фальшивомонетчика, его герб или другой отличительный знак... Обычно на этих монетах мы видим знакомую символику, а их автор не подумал хотя бы о двух буквах, чтобы увековечить свое имя... Вполне возможно, что какой-нибудь старый котел, в котором выстаивалась брага, или старый ковш, из которого сделан не один добрый глоток пива, были переплавлены и обращены в звонкую монету. И сделали это не обязательно какие-то забывшие бога фальшивомонетчики, но люди, пользующиеся уважением в обществе. Есть люди, не имеющие права чеканки монет, но как ищейки или охотничьи собаки выслеживающие тех, у кого это право есть. Но даже если они добиваются своего, занимаются искомым промыслом с чьего-то согласия или по прямому приказу, они заслуживают меньшего презрения, чем те, кто злоупотребил своим полученным от империи правом во вред немецкой земле, на которой живут.

Никто уже не хочет вешать на кошку колокольчик или по примеру древних говорить власть имущим правду о них самих. На бедных мошенников-фальшивомонетчиков ополчились все, хотя они сами не могли бы развернуться без ведома, поддержки и одобрения свыше».

Совершенно точные слова. Действительными фальшивомонетчиками были «благородные господа», которые пользовались услугами фальшивомонетчиков для грабежа народа.

Но не будем впадать в крайности. Фальшивомонетничество действовало как лавина, подминающая под себя все монетные мастерские. Михаэль Мартенс, как мы видели, представлял это вполне отчетливо. Далеко не каждый «монетный господин» выигрывал от ухудшения качества монет, потому что плохие деньги текли и в его казну. Так, в бухгалтерских книгах курфюрстских касс в Дрездене в 1622 году зафиксированы потери в 159 740 талеров, а в 1523 году — в 835 731 талер.

В выигрыше в эти годы «великой» фальшивомонетной лихорадки оставались только самые могущественные из князей империи, вплоть до самого императора Фер-

динанда II (правившего в 1619—1637 гг.). В 1622 году он сдал в аренду все монетные дворы в Богемии, Моравии и Нижней Австрии своеобразному консорциуму, в который входили и герцог Лихтенштейн, и полковник Валленштейн. Арендный договор был заключен на год (с 16 февраля 1622 г. по 16 февраля 1623 г.). За этот год только полковник Валленштейн приобрел за фальшивые деньги свыше 50 земельных угодий в Северной Богемии. Остальные члены консорциума не отставали от него.

После того, как сначала в Австрии, а потом и во всей «Священной Римской империи германской нации» дело дошло до открытых бунтов, да и сами князья не могли уже плохими деньгами оплачивать ни расходы своих дворов, ни наемные армии (шла Тридцатилетняя война), в 1623 году повсеместно произошел возврат к старым монетам.

Почетные монетных дел мастера

На период между 1670 и 1690 годами приходится так называемое время малого фальшивомонетничества. 27 августа 1667 г. в местечке Цинна бранденбургский и саксонский курфюрсты договорились о том, что введут в обращение новый масштаб весов для монет. Серебро стало слишком дорого для того, чтобы по старым образцам придерживаться нормы в 9 талеров из кельнской марки серебра. Новый масштаб составлял 10,5 талера из одной марки. Но так как никакого общего имперского решения на этот счет не было, никто не отважился чеканить монеты по этому новому масштабу; монеты чеканились исходя из того, что 60 кройцеров приравнивались к $^2/_3$ нового талера, или к одному расчетному гульдену. Чеканились монеты в $^1/_3$ и $^1/_6$ талера.

Но этим дилемма не была устранена. Прежде всего там, где князья не прибегали к использованию собственных запасов серебра и тем самым сдерживали рост цены на добываемое серебро и чеканка новых монет не приносила крупных доходов. И вновь началось фальшивомонетничество. Мелкие князьки, владельцы саксонского Кобурга, Ангальта, Лауэнбурга, Штольберга, Сольмса и т. д. стали чеканить монеты исходя из 16 талеров из кельнской марки, что, в свою очередь, вело к удорожанию серебра. Но не только они делали свою «коммерцию». И высокопоставленные монетчики тоже не упускали своего.

Из того времени до нас дошел любопытный документ под названием «Разоблаченная монета. Или о том, как занимаются встречающимся на каждом шагу фальшивомонетничеством чеканщики монет, их клиенты и поставщики. Открыл Филаргириус MDCXCI (1691 г.)».

Это анонимное сочинение человека, которого сегодня мы с полным основанием назвали бы автором сенсационного репортажа. За 70 лет до этого появилось также анонимное и уже известное читателям сочинение Книпхардума Виппериума, где в выходных данных названо мифически-саркастическое место издания «Фрагфурт» (от немецкого fragen — спрашивать. — *Прим. пер.*). Филаргириус вообще пренебрегает какими бы то ни было географическими уточнениями. Почему — вопрос риторический. И все же он подверг себя меньшему риску разоблачения по сравнению со своим предшественником Книпхардумом (вероятно, потому, что Фрагфурт легко прочитывается как Франкфурт. — *Прим. пер.*).

Филаргириус просит своего друга как бы посвятить его в дела монетной мастерской. В общем и целом он знаком с тем, какими должны чеканиться монеты. Но его интересует, как же мастеру удается получать навар, если серебро дорого, а вес монет определен.

Монетчик уже не в первый раз выпивает из стакана и становится словоохотливым: «Да-да, мой господин, не без того... Серебро, оно действительно дорого, очень дорого. Скажем, талер равняется 30 грошам. Но хозяевам нужен доход. Что же делать бедному монетчику? Господа не хотят, чтобы я видел, откуда берутся их деньги. Но слепой монетчик не нужен никому. Вот-вот, мой господин. Да... Если я из каждой марки буду чеканить на четыре гроша больше, то за неделю это даст больше 8 талеров, я могу еще уменьшить вес денег на полграна (тогда это разрешалось), это принесет еще до 10 талеров в неделю. Если кто-нибудь повторит все это за мной, то это будет его честный заработок, просто он будет чуть поразворотливее остальных. К тому же невредно знать, для чего предназначаются монеты. Если я знаю, что деньги отправятся, скажем, в Польшу, то я смело облегчу их еще. Всего на чуть-чуть...»

В общем все друг друга обманывают. Менялы, те, что доставляют серебро на монетные дворы, везут их в мокрых мешках, да и не брезгуют подсыпать в них песку. Мастер-монетчик умело манипулирует весами, а иногда и просто подкладывает на чашу весов тонкую

свинцовую пластинку. Подмастерья обкрадывают мастера, подмешивая медные опилки в угольную пыль, служащую восстановительным материалом. Мастер обкрадывает плавильщика, так что тот выплавляет слишком мало серебра, за что должен выплачивать штраф.

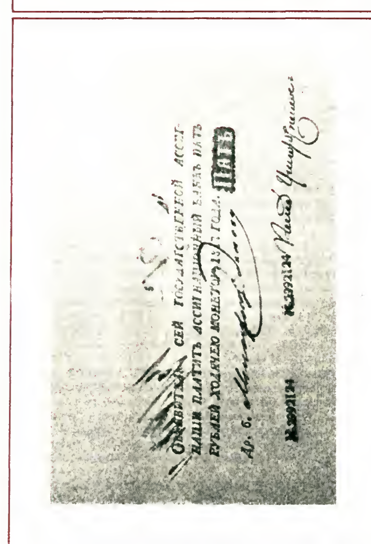
Затуманенный винными парами монетчик посвящает Филаргириуса во все тайны ремесла фальшивомонетничества и манипуляций с монетами.

Хроники, похоже, подтверждают, что времена, когда подобные обманные деяния монетчиков и их подмастерьев карались огнем и мечом, миновали. «Богатый монетчик» Нюрнберга еще в 1467 году был обезглавлен на овощном рынке за то, что его монеты при проверке «оказались белыми», то есть за преступление, за которое теперь полагался только денежный штраф.

Так было, конечно, не во всей Германии. И тем не менее нравы стали заметно мягче и снисходительнее. С середины XVI века повсеместное распространение облегченных монет достигло такого размаха, что в какой-нибудь «отдельно взятом случае» судьи не могли не слышать аргументов обвиняемого, хотя далеко не всегда учитывали их. Мастер-монетчик вынужден присоединиться к всеобщей практике! Тот, кто продолжал чеканить монеты по всем правилам, скоро оставался без материала для своего производства. Так, вероятно, и обстояли дела у монетчика из Арнштадта Пауля Пфайля, который 28 июня 1564 г. был приговорен к сожжению на костре. Мастер до последнего момента отстаивал свою невиновность. Может быть, поэтому у курфюрста проснулась совесть, и он помиловал своего монетчика, велев заклеймить его и выслать из страны. Но когда Пауль Пфайль не согласился и с этим приговором, «кляузнику» просто отрубили голову.

Это произошло, однако, за 127 лет до репортажа Филаргириуса о положении дел на германских монетных дворах. Оставим в стороне тот факт, что хозяева монетных дворов сами по уши погрязли в фальшивомонетничестве. Это мы уже знаем.

Международные фальшивомонетчики

Средневековый замок в городе Корреджо на севере Италии в свое время был родовым гнездом княжеской семьи Корреджини, которая владела этими местами с XI века.

Право чеканки монет Корреджини получили относительно поздно, в 1559 году, от императора Фердинанда I. Императорская грамота — документальное подтверждение пожалованного права — была началом конца славного рода Корреджини.

К тому времени многие влиятельные вельможи Северной Италии, такие как господа Дезана, Фринко, Лаванья, Массерано, Массаньо, Монтанаро, Пассерано, уже давно и прочно вросли в фальшивомонетничество. Многие из них только для того и обзавелись монетными дворами, чтобы подделывать иностранные монеты, а затем «экспортировать» их. Основные «рынки сбыта» находились во Франции, в Швейцарии, Германии, Голландии и даже в Дании. Конечно, эти монеты не были полноценными, иначе прибыль знатных господ была бы неприлично мала. В конце концов изготовление денег было основным источником их доходов.

Неоднократно и с разных сторон слышались обвинения в адрес сиятельных фальшивомонетчиков. Канцелярия императора была вынуждена несколько раз специально заниматься вопросами фальшивомонетного промысла и принимать меры против предприимчивых князей. Но всегда фальшивомонетчикам с помощью взяток и интриг удавалось выходить сухими из воды, «доказав» свою невиновность.

И вот в этой сплоченной группе появился новичок — Сирус Аустриакус де Корреджо, не вполне законный отпрыск Камилло де Корреджо от его не освященной церковью связи с некоей Франческой Меллини. Когда

Камилло умер в 1605 году, княжеский титул перешел Сирусу, которому тогда исполнилось не то 13, не то 14 лет. Его опекуном был регент Умберто Цукарди, граф Фуэнте.

Когда Сирус приступил к чеканке чужеземных монет — не известно. Во всяком случае до конца 1629 года он в компании со своим мастером-монетчиком Риваролой занимался подделкой монет. Именно в это время канцелярия императора начала свое очередное расследование. Сирусу было определено находиться в замке Новарелла. В марте 1630 года был оглашен приговор: имперский суд объявил Сируса Аустриакуса де Корреджо виновным в фальшивомонетничестве и лишил его всех прав на княжество. Сирус заявил протест. Все дела ушли в Вену, где и было найдено поистине соломоново решение. Приговор суда был подтвержден, но Сирусу была предоставлена возможность выкупить свои владения за 230 тыс. золотых гульденов. Ни один из богатейших князей, вплоть до короля, не располагал такой суммой. Даже император Карл V для того, чтобы собрать деньги, которые пошли на взятки для его избрания в 1520 году императором, занял 543 585 гульденов у Фуггеров, крупных банкиров своего времени.

В княжеских кругах да и среди буржуа приговор был расценен как несправедливый, и за ним усматривали габсбургского императора Фердинанда II (правившего в 1619—1637 гг.), его личные интересы. И действительно, княжество досталось Францу I, герцогу Моденскому, который заплатил за него требуемую сумму.

О Сирусе Аустриакусе хроника сообщает, что он умер в нищете и забвении в 1645 году в Мантуе. Род Корреджини прекратил свое существование в 1711 году, за год до того, как на свет появился король, названный современниками и потомками «великим» и даже «единственным».

Снаружи — Фридрих, внутри — Эфраим

Чеканка иностранных монет сама по себе не была фальшивомонетничеством, если при этом соблюдались все характеристики монет, хотя это, конечно, было вмешательством в суверенное право другого государства. В истории подобное встречалось часто. Самыми излюбленными образцами для подражания были флорентийские золотые гульдены, французские тюрно и английские стер-

линги. Гёзы в Нидерландах во время освободительной войны с Испанией между 1568 и 1588 годами в больших количествах чеканили испанские, португальские и германские монеты.

Прямое фальшивомонетничество имело место тогда, когда, как в случае с североитальянским княжеским картелем, чужеземные монеты чеканились в ухудшенном виде. Здесь господин не мог сослаться на свое право чеканить монеты, которое еще с античных времен легализовало его мошенничество, если оно ограничивалось территорией своего государства.

Так уж получилось — и это явный абсурд, что в исторических трудах вплоть до сегодняшнего дня Филиппа IV Французского называют «королем фальшивомонетчиков». Главные фальшивомонетчики взошли на историческую авансцену лишь столетия спустя. Это были прусский король Фридрих II, английский король Георг III и Наполеон Бонапарт.

Фридриха Великого потомки называли блестящим правителем. Когда он занял прусский трон в начале лета 1740 года, его считали не только образованным, открытым и терпимым, но и сказочно богатым. Терпимость короля, правда, не простиралась дальше декретированной еще его прадедом — «великим курфюрстом» свободы вероисповеданий, оставлявшей некоторую свободу и для еврейского населения. Сказочное богатство состояло из 8,7 млн. талеров и серебряных сокровищ берлинского замка, который сестра Фридриха Вильгельмине Фридерике Софи фон Байрейт оценила в 6 млн. талеров.

Спустя пять лет вся наличность прусского короля была спущена в первой (1740—1742 гг.) и второй (1744—1745 гг.) Силезских войнах. Первоначальный капитал, необходимый для новой кампании, в которой Фридрих в союзе с Англией и некоторыми германскими государствами боролся за обладание Силезией и Саксонией против коалиции Австрии, Франции, России, Швеции и большинства германских княжеств, был оценен финансовыми экспертами Фридриха в 5,5 млн. талеров. Безжалостные налоги принесли в казну 2,3 млн. талеров. Часть серебряных сокровищ была направлена в переплав, это дало еще 1,5 млн. талеров. Оставалось собрать 1,5 млн. талеров, и этого могло хватить лишь в случае быстрого окончания кампании. Безвыходное положение заставило всегда рационально мыслящего и просвещенного короля обратиться за помощью к одной из жриц

алхимии с почти символическим именем Нотнагель (фамилия из разряда «говорящих», может быть переведена как «аварийная игла». — *Прим. пер.*), которая заверяла его, что может «сделать» золота на 1 млн. талеров. Конечно, эксперимент не удался. Так как все дело было совершенно секретным (правда, в него был посвящен Фредерсдорфф — камердинер короля), судьба производительницы золота осталась неизвестной.

Завоевание Саксонии было первой целью прусской армии. Необходимые для войск мелкие монеты для покрытия первых потребностей уже были изготовлены по образцу лейпцигских монет в Кёнигсберге и Бреслау, пока в строгом соответствии с саксонскими нормами.

29 августа 1796 г. 61 тыс. прусских солдат вторгается в Саксонию. Начинается третья Силезская война, или, как ее потом назвали, Семилетняя война. Саксонская армия, насчитывавшая всего 19 тыс. человек, уже к середине сентября оказывается побежденной.

Прусское генеральное военное командование на занятой саксонской территории должно было заботиться о том, как пополнить свои войска саксонскими солдатами, а прусскую казну — саксонскими деньгами.

Контрибуция была установлена в размере 5 млн. имперских талеров, то есть в том объеме расходов, который был определен финансовыми экспертами Фридриха на саксонскую кампанию. Но это еще не все. 5 ноября появился королевский приказ о включении лейпцигского монетного двора во владения прусской короны, что было вызвано, в частности, тем, что саксонский арендатор монетного двора Фреге остерегался ухудшать качество монет. Новый арендатор нашелся в лице берлинской фирмы «Эфраим и сыновья», которая за чеканку миллиона имперских талеров в разменной монете была готова уплатить королю 200 тыс. имперских талеров. «Монетная стопа» этих монет, их весовые и качественные характеристики были гораздо ниже исходного уровня. При Фреге монетный масштаб составлял 14 талеров разменной монеты из марки серебра. Эфраим, чтобы вносить арендную плату, довел выпуск монет до 18 и даже 20 талеров. Обман жителей оккупированных территорий был усугублен тем, что на обесцененных монетах ставились довоенные годы выпуска — 1753 и 1754.

Когда прусские войска в конце концов остановились в Богемии, Эфраим предложил подделывать австрийские монеты достоинством в 7, 10 и 20 кройцеров из расчета

200 тыс. монет на 1 млн. талеров. Фридрих Вильгельм Борке, глава оккупационных властей в Саксонии, сопроводил эти предложения своим комментарием, который давал высокую оценку этой афере, так как тогда солдаты Богемии обойдутся дешевле, и направил их Фридриху II. Последний не удовлетворился предложенным. Он потребовал 350 тыс. талеров за разрешение на чеканку. «Эфраим и сыновья» согласились, но при условии, что им будет позволено изготовить монет на общую сумму в 1,5 млн. талеров. Контракт состоялся. Фальшивые монеты должны были чеканиться в Дрездене и Праге. К счастью, население Богемии не слишком пострадало. После поражения под Кёльном (1757 г.) прусские войска оставили основную часть Богемии.

Продукция саксонских монетных дворов под давлением лавинообразно нарастающих требований короля катастрофически обесценивалась. Вместо первоначальных 14 талеров из 1 марки серебра стали чеканить 45 талеров в мелких монетах. В летописи фальшивомонетничества наступила пасха. Фридрих II, однако, в каждом договоре со своими монетными арендаторами специально оговаривал, что саксонские монеты не должны попадать в Пруссию. Обесцененные монеты в восемь грошей, а также саксонские 6- и 3-грошевые монеты были основными деньгами войны. Около 25 млн. талеров Фридрих II получил от чеканки фальшивых денег, что составило $^{1}/_{6}$ того, во что обошлась ему вся Семилетняя война. Эти монеты были названы «эфраимитами». Название было унаследовано прусскими монетами в $^{1}/_{3}$ талера, которые стали чеканиться в Дрездене с 1757 года, и 12-грошевыми монетами. Оно отражало разочарование прусского населения, страдавшего, правда, в меньшей степени, чем население Саксонии или Польши, от «похудения» денег. Эфраимиты вскоре стали настолько непопулярными, что на улицах Берлина им посвящали куплеты: «Прекрасны снаружи, ужасны внутри, — Фридрих снаружи, Эфраим внутри».

В возрождение широкомасштабного фальшивомонетничества с удовольствием включались и другие «монетные господа». Первым среди них был граф фон Вид, который в своей мастерской в Нойвиде чеканил недоброкачественные 4-грошевые монеты, сбывая их в основном в Саксонии, где граф составил конкуренцию прусскому фальшивомонетничеству. Мастерская была закрыта лишь в 1760 году по настоянию императора Франца I. За графом фон Видом следовал маркграф фон Ансбах, который организовал

производство фальшивых монет в своем родовом имении — в Ансбахе, как и князь фон Сайн-Виттгенштейн-Альтенкирхен, чеканивший монеты в Сайне. Особенно большие неприятности доставляла «старому Фрицу» монетная мастерская князя фон Ангальт-Бернбург Виктора Фридриха, функционировавшая с 1758 года. Прусский король с применением силы закрыл и опечатал ее уже в конце 1760 года. В ответ Виктор Фридрих не без угрозы заявил, что, если его лишат монетной мастерской, он впредь не будет платить налоги, связанные с войной. Угроза возымела действие. Виктор Фридрих получает разрешение возобновить чеканку монет, однако при недвусмысленном запрете направлять свои монеты, которые очень походили на прусские 8-, 5- и 2-грошевые монеты, в Пруссию.

Все транспорты купцов, двигавшиеся на запад, обыскивались, прусские деньги не подлежали вывозу. Вскоре другие господа присоединились к прибыльному делу: герцог Вюртембергский, герцог Саксонский-Веймарский-Айзенахский, граф фон Штольберг, герцог Мекленбургский-Шверинский и некоторые другие. Масштаб производимых ими денег увеличился до 45 и 44 талеров из марки.

Вину за монетные махинации возложили на евреев, так как арендаторами королевских и многих других монетных дворов являлись в основном представители этой нации. Конечно, и в их руках оседало немало из того, что они делали по приказу своих господ. Восстановленный дворец Эфраимов в одном из районов Берлина стал ярким свидетельством власти Эфраимов, которые при Гогенцоллернах были в большой чести, а глава предприятия получил ранг тайного советника. «Эфраим и сыновья» занимались денежным обманом, но действовали по указке своих господ. Они опасались последствий незаконного обогащения, как черт ладана. Разоблачение означало бы не только потерю предприятия, о чем свидетельствует судьба казненного в 1573 году монетчика Липпольда. И в том случае речь шла об узаконенном убийстве, потому что Липпольд мог доказать, что ни одного геллера не взял себе. Он должен был с позором умереть, потому что преемнику скончавшегося в 1571 году курфюрста Иоахима II был нужен повод для организации погромов и присвоения имущества живших в Бранденбурге евреев. Следующий эпизод доказывает, что не евреи были ответственны за фальшивомонетничество Фридриха II. Англия обещала Пруссии за кампанию против Франции, Австрии и России значи-

тельные субсидии, предоставление которых было начато в середине 1758 года: золото стоимостью 1 367 626 и серебро стоимостью 2 655 388 имперских талеров. Изготовление монет из полученных драгоценных металлов было поручено не арендаторам-евреям, а осуществлялось самим государством. Король узнал, что существуют способы облагораживания меди. И вот мы имеем возможность прочесть предписания короля тайному военному советнику Фридриху Готтхольду Коппену, Мейсен, дата 11 ноября 1760 г.: «Я располагаю информацией, что существует способ рафинирования меди, при котором обработанная рафинированная медь может использоваться вместе с золотом для чеканки монет, внутренняя ценность которых значительно выше, чем стоимость монет, сделанных из обычной меди. Если сейчас дополненные плохой медью монеты с изображением Фридриха (эти монеты должны были быть золотыми. — *Прим. пер.*) по своей ценности примерно соответствуют 2 талерам, 12 грошам, то использование рафинированной меди повышает их стоимость до 4 талеров... Так как это может дать значительную прибыль и увеличить доходы от чеканки монет, я пришел к решению, что все золото, субсидированное англичанами и пока не превращенное в монеты, должно быть использовано в соответствии с этим способом на монетном дворе в Берлине. Все должно оставаться в моей собственности, чтобы никакие евреи-монетчики не имели с этим ничего общего и не могли отчеканить ни одной монеты из оставшегося английского золота». В том же приказе король обязывает директора берлинского монетного двора и его главного мастера к строгой секретности.

Просвещенный абсолютный самодержец опять оказался в плену трюкачества алхимиков. Надо сказать, что приказ свидетельствует о том, что его автор не вполне в ладу с немецким языком да и знаниями английской литературы похвастать не может. В противном случае ему были бы известны комедии Бена Джонсона.

В появившейся в 1605 году и с тех пор известной почти каждому англичанину (речь, конечно, идет в первую очередь о современниках Фридриха II) комедии «Эй, к востоку» ее авторы Бен Джонсон, Джон Марстон и Джордж Чампен показали, как подмастерье Квиксильвер, обучающийся «золотым делам», дает шкиперу Сигаллу квалифицированный урок фальшивомонетничества: «Даже самый последний подмастерье знает, как это делается. Но я расскажу тебе, как ты сам можешь заставить медь по-

бледнеть. Возьми мышьяк — это прекрасный яд. Промой его три-четыре раза, потом помести в стакан с химией, пусть он превратится в отвар. Через 24 часа он будет готов. Этим твердым порошком нужно тщательно натереть хорошенько вычищенную медь. Дело сделано». Квиксильвер знает также рецепт утяжеления фальшивой монеты. Но давайте довольствоваться тем, что мы только что узнали.

«Химия» — это, по всей вероятности, винный камень. В 1626 году один фальшивомонетчик из Люксембурга признался, что если в расплавленную шведскую медь (медь с небольшим содержанием серебра) добавить мышьяк и винный камень, то она становится белой, как монета в три су.

Как прусский король собирался делать золотые монеты еще более золотыми — остается загадкой. Во всяком случае он распорядился новые золотые монеты с изображением императора Августа чеканить не в 11, а в 7 карат, после чего возмущался, почему его фокус не удался и никто не хочет брать плохую золотую монету по ее объявленной стоимости.

В соответствующей исторической литературе, где Фридрих II объявляется не только великим, но и «единственным», о денежных аферах короля не упоминается вовсе. В других трудах вся вина за эти преступления возлагается на евреев-монетчиков. Имена монетчика-арендатора Даниэля Итцига и банкира Натана Фейтеля Эфраима становятся в Берлине символом мошеннического «еврейского ростовщичества», вообще прозвищем евреев.

Бенжамин Фейтель Эфраим, сын Натана, оставил нам интересные воспоминания и зарисовки того времени, в особенности о том, что касалось отношения Фридриха к Польше: «Фридрих всегда рассматривал Польшу только как прусскую колонию, широко трактуя мудрую и хитрую фразу Соломона: милость к соседу — это грех.

К этому времени король решил произвести уменьшение содержания драгоценного металла в монетах. То, как он хотел это сделать, было неправильным. Он не хотел ничего слышать о том, что содержание металла в монете не может быть совершенно произвольным. Для того, чтобы разубедить его в этом, я привел пример с разменной монетой. Мне хватило мужества признаться в том, что я не внял его приказу, но, бог свидетель, я всегда следовал правилу, что из всех циркулирующих монет не больше $^{1}/_{10}$ должно приходиться на разменные монеты. Я не мог

предвидеть появления Шуленбурга (граф Фридрих фон Шуленбург (1742—1815 гг.), министр и генерал-почтмейстер Пруссии, оповестил берлинцев после поражения пруссаков под Йеной и Ауэрштедтом (1806 г.): «Спокойствие — это первая гражданская заповедь») и его партнеров, которые выпуском ущербных монет создали в стране бедственное положение.

Чеканку ущербных монет король обосновывал следующими соображениями: для того, чтобы не допустить подъема промышленности в Польше, необходимо привести в негодность основной измеритель, оценивающий и воплощающий в себе все предметы, — польские деньги.

С одной стороны, я не рискнул говорить ему о несправедливости этих действий. Он бы наверняка ответил: «Смотри-ка, еврей, а разыгрывает из себя честного человека». С другой стороны, они вполне совпадали с моими интересами...

Голод распространился на весь континент (имеется в виду засуха 1770—1772 гг.). Я должен был на фальшивые польские деньги закупать в Польше овощи и зерно».

Это честные слова. Эфраим не снимает с себя вины. Он подтверждает, что Фридрих был фальшивомонетчиком высокого полета: «Меня обвиняли, говорили, что я присвоил себе часть того, что было получено в результате чеканки и распространения голландских дукатов, рублей и т. д. Я же уверяю, что моей доли в этом деле нет».

Неважно, кто не только чеканил чужие монеты, но и облегчал их (Бенджамину Эфраиму во время подделки дукатов было 15 или 16 лет). Приказ исходил из королевского кабинета. «Тайный советник Прусского королевства» Бенджамин Фейтель Эфраим завершает портрет Фридриха великого, но не единственного (монарха-фальшивомонетчика) словами: «Привязанность большого человека чеканить в уменьшенном виде чужие монеты восходит еще к Семилетней войне. Эта страсть не покидала его, так как тем самым король находил не только необходимые для ведения войн средства, но и скрытым образом взимал контрибуцию со своих соседей».

Мы не хотим расставаться с большим прусским фальшивомонетчиком, не приведя суждение великого немецкого поэта о развитии денежных дел в Пруссии в дальнейшем. Генрих Гейне в своих «Путевых картинах» пишет: «В денежной политике Пруссия продвинулась далеко вперед. Там умеют, смышлено примешивая медь, сделать так, чтобы щеки короля на новой монете крас-

нели». Но это относится к тому времени, когда прусские серебряные сокровища из берлинского замка давно уже попали на монетные дворы, за несколькими редкими исключениями. А бравая прусская армия пережила не одно позорное поражение.

Наполеоновские фабрики фальшивых денег

Летом и осенью среди бурно разросшейся неухоженной зелени можно было рассмотреть только верхний этаж небольшой виллы, которая находилась невдалеке от Монружа, южного пригорода Парижа. Только старики могли припомнить, что когда-то она принадлежала состоятельному господину и в те времена вокруг нее был разбит небольшой парк, за которым с любовью следил садовник, дружелюбный невысокий человек. С 90-х годов дом стоял пустой, закрытыми были и ворота сада.

Кому-то все-таки показалось, и он не преминул сообщить куда следует, что в доме началась новая жизнь. Этот кто-то, прогуливаясь как-то погожим вечером, заметил свет за завешенными окнами, а потом расслышал и звуки, напоминающие стук. Дом будто бы оживал. Однако проходили недели и месяцы, но дом и сад оставались прежними. Видели нескольких мужчин, заметили карету, которая пару раз проезжала поблизости. Старая женщина, работавшая на огороде, видела и кучера и готова была поклясться, что разглядела у него копыта. При этом она истово крестилась.

Постепенно все больше людей целыми днями сплетничали о шуме в покинутом доме. Однажды летом 1811 года несколько жителей явились в жандармерию, чтобы рассказать о делах, творящихся на подозрительной вилле. Конечно, они не верят, чтобы там поселился сам сатана, но все равно что-то неладно. К тому же еще не была забыта история Луи Мандрэна и его банды, которая занималась фальшивомонетничеством.

Жандармы усмехались: «Шли бы вы по домам. Дом в полном порядке». Там работают люди и по поручению правительства ведут определенные изыскания.

Что в этой информации соответствовало действительности, так это то, что действительно в доме выполнялось правительственное задание. «Изыскания» же в просторечии назывались фальшивомонетничеством.

Домик в Монруже был фабрикой фальшивых денег, принадлежащей Наполеону Бонапарту. Первая продукция

фабрики — банковские билеты венского банка. Необходимый исходный материал был заготовлен в Вене, пока она была под властью Наполеона в 1805 году. Поставки банковских билетов на светло-серой бумаге, однако, были скоро остановлены, так как 2 апреля 1810 г. Наполеон женился на Марии-Луизе, дочери австрийского императора. И все-таки немногочисленные партии фальшивок дошли до Австрии.

Когда бдительные жители Монружа явились в жандармерию, фабрика работала над куда более объемным заказом: подделывались русские ассигнации.

Война с Россией самое позднее в конце 1810 года была решенным делом. Царь Александр I 26 декабря 1810 г. пишет своей сестре Екатерине: «Кажется, прольется новая кровь. Я по крайней мере сделал все, что было в человеческих силах, чтобы это предотвратить». 23 июня 1812 г. наполеоновские войска переправились через Неман. Начался русский поход властолюбивого корсиканца.

Оборудование типографии из Монружа было перевезено в Варшаву, где вскоре было запущено новое производство фальшивых денег. Позднее, после падения Москвы, его филиал был создан в одном полуразрушенном здании на Преображенском кладбище, которое в то время находилось за городом. Очевидно, существовал и еще один филиал непосредственно в Москве. Некий К. Мартенс, офицер русской армии, участник отражения французской агрессии, писал в своем дневнике: «Когда мы ехали по улицам второй столицы России, в одном из полусгоревших домов мы нашли хорошо оснащенную фабрику фальшивых денег со всем необходимым: машины, инструменты, а также массу готовых ассигнаций. Они были сделаны настолько искусно, что отличить от настоящих денег их было просто невозможно».

Здесь кроется небольшая загадка. Знал ли Наполеон о двух типографиях в Москве и под Москвой? Или это творчество на свой страх и риск французских офицеров?

Склад изготовленной в Монруже (и, наверное, в Варшаве) «продукции» располагался в Вильно. Но маркиз Коленкор, главный придворный конюшенный Наполеона, в своих воспоминаниях поделился с нами впечатлениями о том, как возвращающийся в Париж император с отчаянием воспринял известие о сдаче Вильно, его последнего бастиона в России. «С неописуемым нетерпением он ожидал приезда и доклада герцога Бассано (Г.-Б. Марэ, наполеоновский министр иностранных дел). В первую оче-

редь он хотел знать, удалось ли уничтожить фальшивые русские банкноты, хранившиеся в Вильно. «От наших людей можно ожидать, что они вполне могут забыть об этом, — говорил мне император. — Они могут и перепоручить это дело кому-нибудь, кто в поисках наживы может пустить их в оборот. Было бы неприятно, если в руки русским что-нибудь попадет». Он добавил, что от некоторых частных лиц знает, что после его проезда через Вильно эти банкноты были поделены, и это его беспокоило». Наполеон, вероятно, планировал пустить фальшивые деньги в обращение в качестве оккупационных денег только тогда, когда он был бы уверен в победе.

Ассигнации, преимущественно достоинством в 25 рублей, но были и 50-рублевые, крупными партиями поступили в обращение. Они были сделаны весьма тщательно, хотя не обошлось и без ошибок. Так, на некоторых экземплярах было напечатано *«госуларственная»* вместо *«государственная»* или *«холячей»* вместо *«ходячей»*.

Когда впоследствии русское правительство изъяло из обращения все 25- и 50-рублевые ассигнации, выяснилось, что в ходу было 70 млн. рублей фальшивых денег.

Мы подошли к важному рубежу, отделяющему раннюю историю фальшивых денег от современной. Уже в XIX веке начинается своеобразное соревнование: государство стремится использовать технический прогресс, чтобы с бóльшим успехом изготовлять фальшиво-надежные банкноты. В свою очередь, частные фальшивомонетчики тоже не стоят на месте, в духе технических новшеств развивают собственные технологии, чтобы надежно фабриковать фальшивые деньги. Критерием подлинности банкнот в конечном итоге становится бумага. Но и он ненадежен. Поль Эдель, французский эксперт в области фальшивых денег, уже в конце XIX века писал, что равнодушие общественности играет на руку фальшивомонетчикам. А что касается экспертизы бумаги, из которой сделаны банкноты, то его полный горького юмора совет состоит в том, что лучше всего сначала сжечь деньги, а потом анализировать пепел.

И еще одно достойное внимания обстоятельство. Частные фальшивомонетчики постоянно расширяют поле деятельности. И в настоящее время не проходит и года, чтобы за решетку не попало несколько десятков фальшивомонетчиков, а это лишь вершина айсберга. Но нельзя забывать, что фальшивомонетничество расцветает пышным цветом и на государственном уровне. Сегодня, правда,

используются более совершенные методы. Цель, к которой веками стремились цезари, Аларих II, Филипп IV и сотни их коллег, современников и потомков, — облегчить кошелек простых людей, реализуется сейчас гораздо проще и в куда больших масштабах. Конечно, сегодня это называется не слишком прозрачным словом — «инфляция». Но и международные аферы с бумажными деньгами, приводимые в движение от лица государства, достигли в XX веке такого размаха, что Фридрих II или Наполеон предстают неумейками-любителями.

Аферы вокруг коллекций

Считают, что между фальшивомонетчиком и тем, кто подделывает монеты, нет никакой разницы: все сказано самим словом. Криминалисты и нумизматы придерживаются иного мнения. Фальшивомонетничество было промыслом высокопоставленных и рядовых мошенников во времена монетного хозяйства, когда облегчался вес монет или уменьшалось содержание в них драгоценных металлов. Тем самым народному хозяйству и простым людям наносился ущерб. Позже под фальшивомонетничеством стали понимать и подделку бумажных денег.

Час изготовителей поддельных монет пробил лишь тогда, когда людям пришла в голову мысль собирать монеты разных стран и эпох. А это произошло примерно через 600 лет после того, как была отчеканена первая монета. Во всяком случае Светоний, биограф римских императоров, живший на рубеже I века н. э., упоминает, что император Август (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) любил в дни празднеств одаривать друзей старыми монетами. Плиний (23—79 гг.) в своей «Истории» сообщает, что фальшивые монеты вызывали большой интерес среди римских патрициев, и они охотно давали за один фальшивый денарий несколько настоящих. Вполне возможно, что такой спрос побудил римских фальшивомонетчиков, недостатка в которых не было, к расширению своих дел.

В полную силу подделыватели монет развернулись в эпоху Ренессанса, когда в кругах высшей знати модным стало коллекционирование монет, в особенности античных, и оборудование специальных «монетных» кабинетов.

Среди коллекционеров монет были и такие известнейшие личности, как Микеланджело Буонаротти, Джорджио Вазари, императоры Максимилиан I и Карл V, папа Пий IV, испанский король Филипп II, Эгмонт, Альба, Екатерина Медичи, Антуан и Иоанна Наваррские, архиепископы Кёльна и Майнца. Губрехт Гольций (1526—1583 гг.), голландский художник и историк, в своем

дневнике упоминает не менее 950 «монетных кабинетов», которые он посетил. Со своим трехтомным трудом «Памятники римской и греческой античности, заключенные в старинных монетах» он был одним из тех, кто заложил основы нумизматики как вспомогательной исторической научной дисциплины. В то время только в Риме была 71 крупная коллекция монет, в Неаполе — 47, в Париже и Аугсбурге — по 28, в Венеции — 25, в Брюсселе — 23 и в Антверпене — 22 коллекции.

Эта еще не вполне изученная наукой страсть представителей княжеских и буржуазных семей демонстрировать свою власть возможно полной коллекцией прежде всего античных монет не осталась безответной. Спрос удовлетворялся соответствующим производством, которое с самого начала сулило его мастерам весьма значительные доходы. Копирование особо редких и чрезвычайно привлекательных для коллекционеров монет и медалей и сегодня остается довольно прибыльным занятием.

Среди «крестных отцов» этого ремесла чаще других упоминаются Витторе Камелио (1460—1537 гг.), Джованни Кавино (1500—1570 гг.) и их общий друг Алессандро Бассиано. Среди нумизматов они не считаются собственно фальшивомонетчиками, так как их копии античных монет подтверждают искусство гравировщиков. К тому же, из их мастерских выходили и многочисленные «авторские» медали. Считается, что они продавали искусно изготовленные римские монеты в качестве копий и тем не менее имели большой успех среди коллекционеров. Античные монеты, изготовленные в мастерских Камелио, Кавино или Бассиано, позднее стали известными как «падуанские» и считаются подлинными медалями эпохи Возрождения. Однако не стоит отмахиваться от мнения скептиков, которые, конечно же, усомнятся в том, что эти мастера работали исключительно из любви к античному искусству. Преданность искусству — это излюбленное оправдание фальшивомонетчиков, призванных к ответу. Конечно, никто спустя 400 лет не угрожает Джованни Кавино судебным расследованием, он не нуждается в адвокате, который в суде отстаивал бы его исключительно благородные мотивы. Но тогда с тех же позиций надо подходить и к творчеству других мастеров, таких как, например, неаполитанский художник и архитектор Пирро Лигорио (1510—1583 гг.), который однозначно считается фальшивомонетчиком, хотя его подделки приравниваются к «падуанским».

«Пекарь античности»

«О-о, господин надворный советник, здравствуйте! Разрешите пожелать Вам чудесного дня! Так рано, а Вы уже по делам, господин надворный советник?» Маленький человек, стоящий на обочине дороги, приподнимает шапку и сгибается, когда тот, к кому он обращается, натягивает вожжи и останавливает двуколку.

«Куда, Коллин? Так куда ж еще мне везти моего господина? Да, кстати, у меня есть для него кое-что. Превосходная вещица, пусть поглядит, время обычное». Господин советник легко понукает своих лошадей, и двуколка трогается. Коллин еще долго смотрит вслед.

Идет 1822 год. Жители оживленного промышленного города Оффенбаха знают своего надворного советника и его пристрастие разъезжать на двуколке. Его шеф и господин князь Карл Фридрих Мориц фон Изенбург-Бирштейн, умерший два года назад, пользовался куда меньшим почтением, чем душевный Карл Беккер. Кем же был этот надворный советник, к почитателям которого принадлежал сам Гёте и который еще при жизни заслужил прозвище «античный Беккер» и вошел в историю как самый крупный фальшивомонетчик всех времен?

Карл Вильгельм Беккер родился 28 июня 1772 г. в семье члена городского совета и виноторговца Иоганна Вильгельма Беккера в старом городе — вотчине императора Шпейере, в котором был и монетный двор. Беккер учился в отличной школе, отец хотел, чтобы сын продолжил семейное дело. Но у молодого человека были свои планы, Карл хотел стать скульптором или заниматься художественным промыслом. Вместо этого отец послал его на учебу к одному виноторговцу в Бордо. Именно там Беккер начал изучать и рисовать старые монеты, а также получил первый опыт в искусстве гравировки, что легло в основу его дальнейшей работы.

В 1795 году Беккер открывает во Франкфурте собственную винную торговлю. Через три года он организует торговлю сукном в Мангейме. Но и то и другое начинания не принесли ему коммерческого успеха. В 1803 году Беккер обращается к художественному промыслу (М. Пиндер отмечает, что это были работы по золоту). Более точными сведениями о его деятельности в рассматриваемый период времени мы не располагаем. Весьма вероятно, что, занимаясь торговлей сукном, он уже много времени уделял художественным изысканиям. Позднее Беккер часто хва-

стался возможностями, которые открывались в Мангейме при правлении пфальцского графа Карла Теодора для тех, кто решил посвятить жизнь служению искусству. Мы находим следы деятельности Беккера в Шпейере, Мангейме и в конце концов в Мюнхене, где он работает на имперском монетном дворе, совершенствуя свое мастерство в изготовлении монетных печатей. Именно в Мюнхене произошел инцидент, натолкнувший Беккера на мысль о подделке монет. Барон фон Шеллерсгейм однажды продал ему фальшивую золотую монету времен Римской империи. В тот же день Беккер распознал подделку и отправился к Шеллерсгейму. Тот сразил его словами: «Все правильно. Если чего-то не понимаешь, то не следует этим и заниматься». С этого момента, как признался много лет спустя сам Беккер, он стал фальшивомонетчиком.

Первый образец продукции своей фальсификаторской мастерской Беккер через посредника, работавшего на Шеллерсгейма, обменивает на подлинную монету. Месть удалась. Но это было только начало. Описываемые события имели место в 1804 или 1805 году. С тех пор чеканка античных монет развертывается все шире и шире. На первых порах Беккер отдает предпочтение золотым монетам, скупает те из них, которые имели широкое хождение и достать которые не составляло особого труда, а затем переплавляет их по античным образцам. К той же практике он прибегает и позже, обратившись к подделке серебряных монет. Беккер хорошо изучил приемы античных монетных мастеров. Как и они, Карл чеканит монеты вручную, то есть не использует появившиеся в средние века специальные прессы, а возвращается к так называемой двойной чеканке. «Древние», когда чеканка получалась слишком слабой, прибегали к повторному использованию штампа, что приводило к появлению двойного контура. Изготовленная таким образом фальшивка не могла не выглядеть подлинной.

И тем не менее тогда же нашелся человек, который разоблачил фальшивомонетчика. Это был Георг Фридрих Кройцер (1771—1858 гг.), из-под пера которого вышло много трудов об искусстве и литературе античности. Уже в 1806 году «благодаря случаю» он получил в руки доказательство того, что «искусный Беккер копирует греческие королевские монеты».

Встревожился ли после этого Беккер? Ничуть. Предупреждение Кройцера осталось неуслышанным, как глас вопиющего в пустыне. Спустя год Беккер настолько осме-

лел, что изобрел новую древнегреческую монету — так называемый антипатер. Карл отправляется в путешествия, появляется в Швейцарии и Италии. В 1810 году он гостит у Гаэтано Каттанео — директора миланского «монетного кабинета» Брера и продает ему монеты на сумму 6986 лир.

В 1812—1813 годах Беккер по непонятным причинам снова становится виноторговцем, совладельцем одной из торговых фирм в Мангейме. Затем он открывает в Мангейме антикварный магазин для «повышенных запросов». В числе крупнейших клиентов Беккера — князь Карл Фридрих фон Изенбург-Бирштейн. Карл Фридрих принадлежал к Рейнскому союзу 16 князей, которые в 1806 году вышли из «Священной Римской империи германской нации» и присоединились к Наполеону. До этого он в чине генерал-майора находился на службе в прусской армии. Теперь, в 1806 году, Карл Фридрих рекрутирует из попавших в плен к французам прусских солдат полк наемников наполеоновской армии. Вместе со своим полком он участвовал в разграблении королевской кунсткамеры в Берлине. Биограф Беккера М. Пиндер в 1843 году сообщает, что из испанского похода наполеоновской армии князь привез «прекрасную коллекцию монет, и прежде всего полный комплект монет вестготов».

Князь находит приятным общество удивительно образованного любителя античности и в 1814 году приглашает его в Оффенбах, где Беккер получает должность библиотекаря и вскоре становится надворным советником.

При княжеском дворе Беккер попадает в общество людей, каждый из которых не прочь по-своему использовать его умение и искусство в своих далеко не бескорыстных целях. Пиндер особо упоминает в этой связи «барона фон Част... ра», подразумевая маркиза Иоганна Габриэля фон Частелера (1763—1825 гг.). Беккер отказывается от сомнительных предложений, видя в них попытку поживиться за его счет. К тому времени он располагает надежной сбытовой сетью, в которой занимают первое место известные еврейские банкирские и торговые дома. К ним относятся Коллины в Оффенбахе, Джованни Рикарди в Венеции, Оппенгеймеры и даже Ротшильды. Так, в 1806 году Беккер взял заем у фирмы «Мейер Амшель Ротшильд и сын», который погасил через пять лет фальшивыми монетами. Ротшильды подтвердили получение золотых монет словами: «Мы видим, что имеем дело с честным человеком».

Надворный советник изенбургского двора

Современники описывают советника княжеского изенбургского двора как приземистого брюнета с красивым задумчивым лицом и располагающими манерами. Единственная не вполне приятная черта — короткий, не всегда уважительный смешок, который часто прерывал его быструю речь. Тем не менее советник считался блестящим собеседником с неисчерпаемыми знаниями в самых различных областях, и прежде всего в истории искусств и нумизматике. К тому же он владел несколькими языками: французским, итальянским, латынью и древнегреческим, но для образованного человека «из лучшего общества» в те времена знание языков не было чем-то из ряда вон выходящим, для «профессии» же Беккера оно было совершенно необходимым.

В 1815 году Беккера навестил Иоганн Вольфганг фон Гёте, и эта встреча не оставила великого поэта безразличным. В дневнике Гёте делает следующую запись: «Надворный советник Беккер в Оффенбахе показал мне значительные картины, монеты и геммы, и при этом он иногда не отказывал в подарке гостю полюбившейся ему вещи». В книге «Искусство и древность» читаем: «Господин Беккер, высоко ценимый знаток монет и медалей, собрал значительную коллекцию монет всех времен, поясняющую историю его предмета. У него же можно увидеть значительные картины, бронзовые фигурки и другие древние произведения искусства различных видов».

Гёте, как известно, сам был собирателем монет, но изделия «фабрики» Беккера его не привлекли. В знак уважения Гёте переслал Беккеру экземпляр немецкого издания автобиографии известного итальянского золотых дел мастера Бенвенуто Челлини с посвящением: «Господину Карлу Вильгельму Беккеру с благодарностью от переводчика».

Поэт-князь еще однажды упоминает нашего надворного советника, причем дает понять, что он знает об основной деятельности Беккера. В письме Й. К. Эрманну от 20 марта 1816 г. Гёте спрашивает своего адресата, знает ли тот некого Беккера, который проживает во Франкфурте. Очевидно, последний, как и раньше, имеет «резиденции» во многих городах, для того чтобы продолжать развивать свое «монетное дело».

Карл Вильгельм Беккер был неутомимым тружеником. Ни разу для своих подделок он не использовал отливки

с настоящих монет, каждый раз чеканя монеты заново. А это значит, что для 330 монет ему требовалось свыше 600 штампов (для некоторых экземпляров он использовал аверс или реверс других монет). Некоторые монеты он делал, не имея перед глазами никаких образцов. Это его собственные изобретения, как уже упоминавшийся «антипатер».

«Пекарь античности» (Беккер в данном случае еще одна «говорящая» фамилия и в переводе с немецкого означает «пекарь». — *Прим. пер.*) не мог прибегать к помощи подмастерьев, что было бы неоправданно опасным для его промысла. Только в 1826 году, когда Беккеру начинает отказывать зрение и это сказывается на качестве работы, он нанимает помощника — Вильгельма Циндера. К этому времени чеканка Беккера уже не была тайной. Над некоторыми штампами, особенно для древнегреческих монет, он работал по 12 недель. Как Беккеру удавалось при этом выполнять обязанности библиотекаря, быть постоянным собеседником князя (до 1820 г.) и находить время для своих «деловых поездок» в Италию и Австрию, по-видимому, навсегда останется загадкой.

Продукция «пекарни» Беккера по тогдашним меркам представляла собой совершенные подделки, доведенные до грани высшего мастерства. «Ему подвластно все: элегантная грация греков, строгая красота римского искусства, оригинальность и причудливость средневековых монет» — так пишет о Беккере Поль Эдель, французский эксперт-криминалист XIX века, специализирующийся в области искусствоведения. Беккеровская серия фальшивых, или, как он сам позднее говорил, «скопированных», монет охватывала период с VII века до н. э. до XVIII века. Среди них были монеты из Сицилии, Греции, Древнего Рима и его итальянских провинций, из Карфагена, Тракии, Македонии, Крита, Пергамона, Сирии, Финикии, Египта, монеты вестготов, Меровингов, Каролингов, германских императоров и епископов из Майнца.

Для того чтобы придать своей продукции античную внешность, господин надворный советник разработал собственную технологию. На рессорах своей двуколки он разместил некую открытую емкость, в которой вперемешку с металлической стружкой, обильно пропитанной жиром, находились монеты. Когда двуколка проезжала по брусчатке или по непритязательной проселочной дороге, монеты принимали обильные пылевые или грязевые процедуры и быстро старились. В дневнике Беккера, который велся

с характерной для автора тщательностью, часто встречается запись: «Опять вывозил свои монеты».

Образцы для своих подделок Беккер заимствовал из богатой коллекции своего князя, к которой он имел доступ с 1814 года. При этом нередко происходила подмена подлинников, которые Беккер продавал по весьма высоким ценам. Аналогичный прием Беккер использовал, общаясь с другими, ничего не подозревавшими коллекционерами. Достаточно откровенно в этом смысле Беккер высказывается в своем письме, написанном еще в 20-е годы в Альтенбург, господину фон Габеленцу, известному своей коллекцией монет. Он пишет о посылке последнему монет. «Что касается «Юлии Тити», она настолько хорошо сохранилась, она так редка и изысканна, что мне трудно с ней расстаться. Прошу Вас проявить еще немного терпения. Вы обязательно получите ее и другие монеты, как я Вам и обещал. Делаю это потому, что рассчитываю и от Вас получить что-нибудь действительно редкое».

И в этом случае доверчивый партнер получил взамен своих подлинников продукцию Беккера. Юлиус Фридлендер (1813—1884 гг.), директор берлинского «монетного кабинета» с 1854 года, человек, пользовавшийся большим и заслуженным авторитетом в мире нумизматики, пишет в своем посвящении отцу Й. Г. Бенони Фридлендеру и о Беккере: «Он нашел в коллекции моего отца «свои» серебряные монеты, обрадовался и сказал, что это, наверняка, хорошие копии, раз в них поверил такой знаток! А на следующий день в качестве «доказательства» он прислал бронзовые экземпляры тех же монет, потому что тогда обстоятельства вынудили его признать, что изготавливает он античные монеты якобы для того, чтобы коллекционеры, которые не могут достать настоящие монеты, получили хотя бы их копии».

К 1829 году, когда были написаны эти слова, советник давно отказался от своего инкогнито и «легализовал» свой промысел.

В 1820 году умер его хозяин, князь Карл. Для Беккера начались трудные времена. Все чаще он сталкивается с разоблачением своих подделок. И директор императорского кабинета античности и нумизматики в Вене Антон фон Штайнбюхель фон Рейнвалль в 1822 году в венском литературном ежегоднике обращал внимание на подделки Беккера. Но никто не выдвигал против него обвинений, хотя некий господин К. А. Беттигер из Дрездена позднее

выдвинул предположение, что Гаэтано Каттанео еще в 1808 году рекомендовал вызвать Беккера в суд. Каттанео, однако, отказался от возбуждения дела. Беттигер ошибается по крайней мере в дате, так как Беккер встретился с Каттанео только в 1810 году, и расстались они, вполне довольные друг другом. И вот «пекарь античности» решается сам сделать первый шаг и упредить все обвинения. В 1824 году он предложил на продажу серию собственноручно сделанных серебряных монет за 300 дукатов. Он сделал другой шаг, предложив венскому кабинету купить у него его штампы, заявив о том, что никогда не преследовал корыстных целей. Посредником в этой операции по предложению Беккера выступил его знакомый Габриэль фон Фейервари. Ему же Беккер направил проект своего предложения, из которого, в частности, следовало, что он является жертвой алчных торговцев, которые выдавали его копии за оригиналы. Для того чтобы положить этому конец, Беккер решил предоставить свои штампы венскому музею всего за 8000 гульденов, хотя фирма Уильяма Фостера в Лондоне предлагала ему 2264 дуката. Кроме того, его чеканка лучше «падуанской», чьи штампы являются гордостью парижского «монетного кабинета». Штайнбюхель поддерживает сделку, затраты могли бы быть компенсированы продажей оловянных и свинцовых монет, сделанных по этим штампам, частным любителям и музеям. К тому же штампы представляли бы собой отличный сравнительный материал для выявления других подделок. В конце концов австрийский министр финансов отклонил сделку.

Факты свидетельствовали против Беккера. Общий комплект его подделок, согласно монетному каталогу, оценивался в 70 тыс. талеров, при этом торговые агенты Беккера могли провести эту сделку не один раз. Беккер сам при этом неплохо зарабатывал, даже при условии, что его торговцы присваивали себе бóльшую часть прибыли в качестве платы за риск. Кроме того, Беккер сам изобрел некоторые монеты, были у него и другие уникальные работы, которые представляли собой явную продукцию фальшивомонетничества.

К тому же и после венской попытки Беккер не прекратил свою деятельность, продолжив изготовление штампов для новых монет. Еще в Вене он встретился с неким Данцем, который предложил свои услуги в качестве продавца монет Беккера «на Востоке». В этом и кроется объяснение того, почему Беккер предложил венскому ка-

бинету 510 штампов, в то время как позднее у него было обнаружено свыше 600 штампов.

Что ни говори, а чутье не подвело Беккера, когда он в 1824 году официально предложил свою продукцию. Спустя год появляется прокламация, которая предупреждает о фальшивках Беккера, в 1826 году выходит в свет книга итальянца Доменико Сестини, посвященная современным фальсификациям монет. Для Беккера Сестини находит такие слова: «Этот человек обладает глубокими знаниями, к тому же он чрезвычайно одарен, талантлив и умел как гравер. Он изготовлял штампы для монет различных римских императоров и чеканил их из золота для того, чтобы поставлять английским коллекционерам. После этих первых операций Беккер продолжал изготовлять штампы различных редких монет, которые оказывались в королевском собрании в Париже. Во всех европейских музеях имеются беккеровские монеты».

По-видимому, в Оффенбахе обстоятельства складывались против бывшего надворного советника. В том же 1826 году он переезжает в Бад-Хомбург, где весьма скромно живет до конца своих дней. Беккер не оставил никакого наследства. После того как истинный характер его «производства» стал известен в мире специалистов по монетному делу и коллекционеров, торговцы отвернулись от Беккера: на его монетах уже нельзя было заработать. Даже штампы именитого мастера не находили покупателей. В 1829 году Беккер отправляется в Берлин, чтобы предложить их за 5 тыс. дукатов прусскому королю. Но и эта попытка не удалась, так же как и предложение о продаже штампов русскому царю за 6 тыс. дукатов в 1830 году. 11 апреля 1830 г. гениальный фальшивомонетчик скончался от инсульта. Его штампы перешли во владение хомбургской семьи Зайденштрикеров. Коллекция в 331 штамп была продана за 30 рейнских гульденов. Позднее часть этих штампов оказалась в «монетном кабинете» в Берлине, где они находятся и сегодня.

У Карла Вильгельма Беккера еще при жизни нашлись защитники. Среди них Вильгельм Доров, один из именитых в свое время немецких историков, который в 1827 году утверждал, что Беккер стремился лишь проиллюстрировать прогресс в производстве монет. Другие, например уже упоминавшийся директор венского императорского «монетного кабинета», придерживались противоположных взглядов. Но и спустя 100 лет нашлись люди, которые снимают вину с Беккера на том основании, что при жизни

против него ни разу не выдвигалось официальных обвинений и он не был под судом, а поэтому — честный человек.

У Беккера, несомненно, были золотые руки. Его копии имели лишь один дефект: они были слишком совершенны, слишком правильны. Кроме того, его серебряные монеты имели сине-черный оттенок, который их как бы слегка затуманивал. И тем не менее очень многие эксперты — современники Беккера были введены им в заблуждение.

Изенбургский надворный советник ни в коем случае не был последним в ряду «великих» фальшивомонетчиков. Многие из его не столь знаменитых коллег использовали менее трудоемкую технологию: они делали отливки настоящих монет, а потом в полученные формы заливали жидкий металл. Но таким путем никогда не удавалось достичь той степени идентификации, которая получалась при настоящей чеканке. Поверхность «слиточных» монет выдавала их происхождение, под лупой она выглядела зернистой, встречались и следы воздушных пузырьков. Но эти улики иногда удавалось скрыть за счет специальной техники старения монет, и тогда они легко находили доверчивых покупателей.

Подделка монет и сегодня является «золотой жилой». Современная техника облегчила труд бывших ремесленников, используется гальванопластика, специальное литейное и прессовое оборудование. Оборот достигает таких масштабов, о которых Беккер и другие старые мастера не могли и мечтать.

Огромные цены, которые любители нумизматики готовы выплачивать за раритетные монеты, подталкивают развитие и расширение бизнеса фальшивомонетчиков. В свою очередь, и уже известные подделки становятся раритетами. Есть специальная отрасль нумизматики: коллекционирование фальшивых монет.

Продукция известных мастеров-фальшивомонетчиков продается сегодня по вполне приличным ценам. Так, на проходившем во Франкфурте-на-Майне в 1972 году аукционе 11 монет, изготовленных Беккером, были проданы по цене от 180 до 800 германских марок каждая (здесь и далее, если особо не оговорено, имеются в виду марки ФРГ. — *Прим. пер.*).

Только в ФРГ на рынке ежегодно появляются сотни фальшивок, которые нередко оказываются настолько безупречными, что распознать подделку не удается и экспертам. Иногда их может выдать лишь микроскопически мел-

кая деталь. Многие фальшивые монеты как подлинные давно вошли как в частные, так и в государственные коллекции.

Любители розыгрышей и ловцы глупцов

Злорадство — это самая чистая радость. Для отдельных людей наслаждение, которое они получают, так или иначе обделяя своих сограждан, становится эликсиром жизненных сил.

Весной 1840 года среди коллекционеров библиографических редкостей поднялся ажиотаж. Некто, именовавший себя графом де Фортса, искусно сделал достоянием заинтересованной общественности информацию о том, что он обладает собранием из 38 суперраритетов — книг, сохранившихся в единственном экземпляре. Однако и книги, и их авторы существовали лишь в богатом воображении псевдографа.

На 10 апреля он назначил распродажу своих сокровищ. В его адрес поступило множество заманчивых предложений. Нашлись покупатели, готовые приобрести всю коллекцию оптом за баснословную цену. Кое-кто пошел и на немудреные уловки, заранее приложив к своей заявке на ту или иную книгу энную сумму денег в расчете на то, что «граф» зарезервирует соответствующий экземпляр, изъяв его из общего аукциона.

«Граф» развлекался по-королевски, никогда в жизни он не получал подобной корреспонденции. За два дня до назначенного срока шутник отменил аукцион и скрылся в неизвестном направлении. Больше всего он порадовался письму, автор которого утверждал, что имеет предлагаемую к распродаже книгу, но в его экземпляре не хватает нескольких страниц.

Подобные шутники были и в кругах нумизматов. Шутниками были люди, хорошо знавшие о трудностях в идентификации монет, которые чеканились на протяжении тысячелетий в различных странах и каждая из которых пережила не одну эпоху. Шутникам на руку было превращение нумизматики, как и филателии, в массовое движение, в котором подлинных знатоков, способных распознать подделку и обличить фальшивомонетчика, насчитывались единицы.

К самым известным авторам подобных «монетных розыгрышей», пользующимся весьма сомнительной попу-

лярностью среди нумизматов, без сомнения относится бельгиец Рене Шалон (1802—1889 гг.) — человек, имеющий крупные заслуги перед нумизматикой и одновременно нанесший ей своими эскападами значительный ущерб. Коммерческие соображения, по всей вероятности, были ему чужды. Шалон действовал из чистой любви к искусству, ему просто доставляло удовольствие водить за нос своих коллег. Шалон изобрел, например, галльскую монету, на которой вместо традиционного AVAVCIA было выгравировано TOIAC, что означало не что иное, как обратное написание фамилии директора музея в Намюре Кайо.

Пристрастие обывателя к мистике, ко всему внеземному и сверхъестественному родилось не вчера, живо оно и сегодня. Тысячи чудо-докторов или алхимиков и прочих обманщиков, а также писателей и в последнее время кинопродюсеров черпали вдохновение, отталкиваясь от неразумности своих современников. На этом пути оставил свой след и Рене Шалон, сохранивший во всех остальных исследованиях научную добросовестность. В 1853 году он под псевдонимом «д-р Вальраф» издает работу «Нумизматика ордена агатопедов».

Из этой книги читатель узнает о тайном обществе, возникшем в XVI веке, которое через 11 лет после ухода из жизни в 1837 году своего последнего члена начало вторую жизнь. Каждый из таинственным образом возродившихся членов общества принял имя какого-то зверя. Материнская ложа в Брюсселе стала называться «менажери». Соответствующие выходные данные появились и на монетах, выпускавшихся этим обществом. В качестве продукции агатопедов подавались, в частности, монеты Иоганна Георга I Саксонского, на которых в 1617 году по его приказу чеканились слова DITANT VOTA MATERNA, 1617. Над псевдонаучной, не лишенной остроумия отсебятиной Шалона поломал голову не один незадачливый коллекционер монет.

В литературном жанре Шалон не нашел адептов, совсем другими были последствия в области чеканки монет. Из озорства или ради наживы, так или иначе, но существуют тысячи разновидностей монет, вообще не имеющие исторических прообразов: феномен, мыслимый только в превращенном мире монет. Кому, например, придет в голову выпускать 25-марковую банкноту?

Многие из этих изобретений были настолько неуклюжи, что любой мало-мальски образованный коллекционер

тут же разоблачал фальшивку. Другие же в качестве «уникуитов» продавались за пяти- и шестизначные суммы, о чем свидетельствует история Беккера. Расчет строился на отсутствии точных исторических данных. К самым известным «уникуитам» подобного рода относятся монеты правителей, при которых особых монет вовсе не чеканилось. В качестве примера назовем короля гуннов Баламбера. Есть и монеты территорий, никогда не обладавших правом собственной чеканки монет, среди них самые известные — монеты Андорры. В этих случаях мы имеем дело не с любителями розыгрышей, но с людьми, понимающими толк в превращении отсутствия исторических знаний в философский камень, из которого смело добывалось золото. Их деятельность относится к разряду самых прибыльных из всех монетных производств, они, строго говоря, не фальшивомонетчики, скорее — «изобретатели».

Их история — это тень истории нумизматики. К немногим разоблаченным и призванным к суду «изобретателям» относится Иоганн Георг Бройер, монетчик герцога Брауншвейгского. В 1683 году Бройер изготовил крупную партию гульденов (с большой примесью серебра и меди), которые якобы происходили с монетного двора мифического японского принца. На них было выгравировано MANG CHA. В том же году монеты были «экспортированы» в Россию, где, однако, обман был вскоре обнаружен. Родилась ли эта смелая идея в голове самого Бройера или герцог Рудольф Август с самого начала был «в деле», не известно. Очевидно, что афера привела к серьезным дипломатическим осложнениям с регентшей российского престола Софьей (правившей в 1682—1689 гг.). В результате в 1684 году герцог присудил к штрафу в 10 тыс. талеров своего монетчика Иоганна Георга Бройера.

Насколько далеко простирается фантазия «изобретателей», показывает практика человека с обязывающим и известным именем Микельанджело Полити, скульптора из Сиракуз. В 50-х годах прошлого века он чеканил раритетные монеты особого рода — это были не древние, а современные автору монеты, которых, однако, вовсе не было, и он имел успех.

Из мастерской такого же «изобретателя» вышла и та редкая золотая монета, с которой в лондонское Международное бюро по борьбе с фальшивомонетничеством в 70-е годы нашего века явился один британский коллекционер. Сославшись на свою неопытность в нумизматике, он рассказал сотруднику бюро, что приобрел эту моне-

ту в Бейруте за солидную сумму денег. Продавец сообщил ему, что этой монеты нет ни в одном каталоге мира, потому что осталось всего четыре экземпляра этой монеты.

Эксперты, осмотрев монету и изучив ее под микроскопом, с явной неохотой вернули ее владельцу. «Сэр, Вы приобрели действительно фантастически редкую монету в четверть соверена. Она настолько чисто сделана, что ее можно использовать в качестве учебного пособия для современных граверов. У нее есть только один недостаток. За все время, пока существует Британское королевство, монеты в четверть соверена никогда не чеканились. Вы владелец монеты, которой не существует, сэр».

Есть примеры, когда изобретателями становились, не желая того. Так, один очевидно совершенно потерявший ориентацию в истории фальшивомонетчик сделал монету в один соверен с изображением короля Карла Эдуарда VI (правившего в 1547—1553 гг.) на одной стороне монеты и с датой коронации Георга V (22 июня 1911 г.) — на другой. Другой явный весельчак изготовил в 1957 году монету в один соверен, на обеих сторонах которой запечатлел профиль Елизаветы II. Когда королеве показали эту монету, она сказала: «Такие джентльмены сегодня очень редки».

Совсем большой приз

События этого поставленного самой жизнью детектива разворачивались совсем не так, как в стандартных творениях популярных авторов. Все происходило бесшумно, не было ни кольтов, ни длинных ножей. Но действие разворачивалось отнюдь не бесследно, результаты его были опустошительными. В самом преступлении были густо замешены логика пополам с безумием. Логичным оно было для того, кто хорошо разбирался в ситуации, сложившейся в Португалии, и делах, которыми занимались, что называется, определенные круги. Безумным казался сам замысел: начинающий, совсем не «авторитетный» грабитель задумал обворовать центральный государственный банк, а затем присвоить его.

Экономика Португалии в первой половине 20-х годов нашего века находилась в довольно жалком состоянии. Инфляция, правда, не достигала германских масштабов, но тем не менее если за фунт стерлингов в 1918 году давали 8 эскудо, то спустя пять лет он стоил уже 105 эскудо. Обесценение эскудо сопровождалось ростом забастовок. В конце 1920 года эскудо «похудел» в 20 раз по сравнению с 1910 годом, в то время как средняя заработная плата выросла всего в 4,5 раза.

Несбалансированность бюджета, отсутствие прибылей, всеобщее замешательство — все это поглощало имевшиеся ресурсы. Самой опасной болезнью была лихорадка коррупции, распространившаяся до правительственных верхов. 27 октября 1925 г. газета «Сьера нова» поведала о тех правительственных чиновниках, которые за взятки покрывали самые рискованные дела торговых и финансовых воротил, за что получили прозвище «громоотводов»: «Имя им множество. Они занимают круговую оборону, каждый заботится об интересах другого. Один из них приходит к другому и говорит: «Я об этом ничего не скажу и получу за это кучу денег». Тот отвечает: «Ска-

жешь, старина...» Большинство из них на хорошем счету, скорее всего их вновь переизберут. Суверенный народ готов вручить им не только свой голос, но и последнюю рубаху».

Банк Португалии, капитал которого находился в основном в частных руках, с 1887 года пользовался исключительным правом эмиссии банкнот. С конца 20-х годов банк употреблял эту свою привилегию с большим энтузиазмом и усердием, его типографии уже не справлялись с заданиями, заказы размещались на зарубежных предприятиях.

Португальское правительство попыталось противопоставить экономической разрухе расширяющуюся денежную эмиссию. Уточним: так действовало почти каждое правительство. Дело в том, что экономический кризис сопровождался перманентным правительственным кризисом. Между 1919 и 1926 годами в Португалии сменилось 3 президента и 26 правительств, и каждая правительственная «команда» успевала осчастливить своих соотечественников новыми банкнотами, знаменующими новое обесценение денег. Премьер-министр Виктор Хуго де Азеве до Коутиньо и его кабинет направляли развитие республики в течение целых 44 дней и смогли оставить о себе память в народе, правда, не слишком благозвучную: говорили о «нужде, оставленной Виктором Хуго». Другие правительства были еще менее долговечными. Абсолютный рекорд принадлежал Фернандесу Коште, который занял пост главы правительства утром 16 января 1920 г., а вечером того же дня ушел в отставку.

Огромные колониальные владения Португалии, как сизифов камень, лежали на стране, расположенной на западной окраине Пиренейского полуострова. Расходы на содержание колониальных войск и малодееспособной администрации увеличивали и без того зияющий бюджетный дефицит. Богатые недра таких «провинций», как Ангола и Мозамбик, оставались неиспользованными. Экономическое положение этих заморских провинций было таким, что мало кто из живущих там португальцев отваживался вкладывать туда капитал. Их деньги не признавались даже в «метрополии».

Португалия напоминала получившее пробоину судно, «спасатели» которого в лице иностранных компаний ждали очередной волны, чтобы высадиться на него.

В этой ситуации в Португалии развернулась уникальная в своем роде афера, принесшая большие опустошения

и вместе с тем способствовавшая росту благосостояния определенного круга лиц, не принимавших в ней никакого участия.

Американский писатель Мюррей Т. Блум, не пожалевший в начале 60-х годов ни денег, ни труда, чтобы проследить механизм действия каждой детали в этой афере, — это было большим достижением, так как со времени реально происходивших событий минули уже десятки лет, — сравнил ее с землетрясением, разрушившим Лиссабон в 1755 году. Конечно, сравнение может показаться несколько несоразмерным, но доля правды в нем есть.

«Великолепная четверка»

Впервые они собрались все вместе в мае 1924 года для того, чтобы начать коллективную охоту на золотого тельца. «Не в деньгах счастье» — эту популярную пословицу наверняка придумал тот, кто сполна вкусил и пресытился земными наслаждениями. Так, вероятно, считали четверо мужчин, каждый из которых рассматривал другого как эксперта по ненайденным сокровищам. Встреча происходила в Гааге, в гостиничном номере. Артур Виргилио Рейс прибыл из Лиссабона, Адольф Густав Хеннис — из Берлина, Карел Маранг ван Иссельвеере был жителем Гааги, Жозе душ Сантуш Бандейра жил в Гааге у своего брата, португальского консула.

Кто они?

Начнем с Артура Виргилио Альвеса Рейса, духовного отца будущего предприятия. Родился в 1896 году в семье бухгалтера и компаньона одного похоронного бюро, «человек, сделавший сам себя». Окончил гимназию, начал изучать машиностроение. Учеба продолжалась год, после чего он счел свое образование завершенным и решил для начала обзавестись семьей. Его выбор пал на особу из зажиточной семьи, и на полученное приданое можно было безбедно жить. В 1916 году 20-летний юноша направляется служить в Анголу. Конечно, не в качестве солдата. Наш герой уже успел изготовить себе диплом несуществующего политехникума при Оксфордском университете. Оксфорд — это отличная визитная карточка, которая легко открывает любые двери. Диплом впечатляющ, он удостоверяет, что сеньор Артур Виргилио Альвес Рейс получил степень бакалавра практически во всех известных

научных дисциплинах. Образцом ему послужил диплом приятеля.

Для того, чтобы для каких бы то ни было сомнений не оставалось никаких оснований, Рейс делает копию своего диплома, которую ему заверяет сговорчивый нотариус. Уже тогда Рейс начал считать (и, может быть, не без оснований), что заверенный кусок бумаги обладает неограниченной силой.

В Луанде Рейс делает быструю карьеру. Он является одновременно инспектором общественных работ и главным инженером железных дорог. Почти все, о чем он смело заявил в своем дипломе, Рейс подтверждает на практике. Он и толковый техник, и удачливый торговец. Он почти сказочным образом обращает в деньги все, что попадается на его пути и в далекой африканской стране, и в ходе деловых наездов в Европу. В 1919 году Рейс оставляет свои посты и становится частным торговцем. В 1922 году обладателем состояния в 600 тыс. эскудо он возвращается в Лиссабон, где вместе с двумя партнерами основывает фирму «Альвес Рейс», которая занимается продажей американских легковых автомобилей фирмы «Нэш». Между тем беснующаяся инфляция обесценивает его капиталовложения в Анголе, остальное уходит на жизнь. Рейс не отличается скупостью, в Лиссабоне у него шикарная 12-комнатная квартира на семью из четырех человек, три слуги и шофер. Состояние тает, предприятию грозит продажа с молотка. И тут Рейс вспоминает девиз американских бизнесменов: «время — деньги!» и решает реализовать его буквально. Он узнал, что «Амбако» — трансафриканская железнодорожная компания, базирующаяся в Анголе, получила от Португалии заем в 100 тыс. долл. На морское путешествие в США уходит восемь дней. Там Рейс немедленно открывает счет в банке. Конечно, того, что там значится под чертой, может хватить лишь на скромный завтрак. Это ничуть не смущает Рейса. На этот счет он выписывает чек на 40 тыс. долл., на которые скупает контрольный пакет компании «Амбако». Не теряя времени, раньше, чем пароход, доставляющий почту, приходит в Нью-Йорк, он телеграфом переводит 35 тыс. долл. со счетов «Амбако» на свой нью-йоркский счет. На какую-то мелочь в 5 тыс. долларов он вообще не обращает внимания, банк подождет. На оставшиеся у «Амбако» доллары Рейс скупает контрольный пакет «Саус Ангола майнинг ко», и вот он снова солидный предприниматель.

Все очень просто, надо только чего-то по-настоящему

захотеть, — вот девиз этого уже много повидавшего в жизни 24-летнего, молодого, по нашим теперешним понятиям, человека, который сидит напротив своих новых партнеров и курит одну сигарету за другой. Артур Рейс невысок, его рост — 1 *м* 65 *см*, но широкоплеч и мускулист. Высокий лоб над карими глазами, редкие, зачесанные назад волосы.

В январе 1924 года Рейс скорее всего случайно познакомился с человеком, назвавшимся Жозе душ Сантуш Бандейрой. Кто-то сказал Рейсу, что у Бандейры есть интересы в нефтяном бизнесе. Это, как выяснилось, не соответствовало действительности, но зато у Бандейры были самые различные связи. Он мог использовать их сейчас в общих целях. В остальном же Жозе не отличался тем, что называется божьей искрой. Скорее, он был божьим наказанием семьи своего отца, мелкого земельного собственника, в отличие от своего старшего брата, который стал консулом. Жозе было уже 43 года, а за спиной — ничего достойного внимания. Ограбление со взломом, укрывательство краденого, спекуляция спиртным привели его вместо вершин финансового мира — цель, которой он собирался достичь, отправляясь в Южную Африку, — за тюремную решетку, где он пробыл на казенном довольстве семь лет. И после этого Жозе не отличался добронравием, неоднократно попадаясь на делах, далеких от благотворительности. Его седой отец снова и снова должен был доставать свой кошелек, чтобы семья не несла еще больших потерь. В конце концов Жозе смог себя проявить. Благодаря помощи своего старшего брата, который за год до этого предложил ему первое дело, Жозе выступил посредником и способствовал голландской строительной фирме в получении заказа на тендер для одной восточноазиатской компании, за что получил щедрые комиссионные в размере 80 тыс. долл. Жозе отличало хрупкое телосложение, рост — 1 *м* 62 *см*. Орлиный нос, пышные усы и, вероятно, прежде всего, чудесные зубы, постоянно обнажаемые в чарующей улыбке, обеспечивали неизменный успех у представительниц прекрасного пола. Жозе Бандейра был горд своим тесным знакомством с голландской звездой немого кино Фи Карелсен, стройной высокой брюнеткой, несколько переросшей свой девичий возраст. Фетровая шляпа Жозе с трудом скрывала их разницу в росте.

Большой вес, по крайней мере в обществе, имели два других партнера.

Карел Маранг ван Иссельвеере и в самом деле был дворянином. «Ван» в голландских именах, как известно, не обязательно свидетельствует о дворянском происхождении. Карел мог предъявить сертификат о дворянском происхождении, вполне официально приобретенный им в 1915 году. В грамоте, которой располагал Карел, он был назван Шарлем Марангом ван Иссельвеере ле Кримпен. Если бы кто-то осмелился говорить о фальшивке, ему всегда можно было доказать, что Карел Маранг родился в 1884 году в деревне Иссельвеере, в 20 *км* юго-западнее Роттердама, и тем самым все вопросы снимались.

Об отрочестве и юности высокого, статного голландца ничего не известно. Мы знаем только, что его отцом был налоговый инспектор и что Карел к началу первой мировой войны располагал вызывающим уважение счетом в банке. В тот раз Нидерландам удалось сохранить нейтралитет. Карел поставил на победу Германии. Его фирма «Маранг э Коллиньон» специализировалась на поставках сырья, продовольствия и снаряжения в Германию. «Связником» в Берлине был Адольф Густав Хеннис, получавший 10 % от общего числа сделок. После войны Маранг расстается с Хеннисом. Дела шли скорее плохо, чем хорошо. Когда Карел Маранг получил приглашение Бандейры, его фирма оптовой торговли была безнадежным должником.

Самой мрачной фигурой в этом блестящем квартете был скорее всего Адольф Густав Хеннис. И вовсе не потому, что темный цвет доминировал в его облике: у него были черные усы и иссиня-черные волосы со следами седины, которые он расчесывал на прямой пробор. Вся жизнь Хенниса вплоть до конца его дней протекала под покровом тайны, которую не могли разгадать ни его коллеги-подельщики, ни португальские следственные органы.

Никто не считал Хенниса немцем, хотя на это недвусмысленно указывало его имя, которое, кстати, оказалось ненастоящим. Быть неузнанным — это было в интересах этого человека, родившегося 20 ноября 1881 г. в деревне Фридрихсбрюк, вблизи Касселя, и получившего при рождении имя Иоганна Георга Адольфа Дёринга. Он происходил из гугенотской крестьянской семьи, окончил один класс деревенской школы и получил позднее место сигарного мастера в Хельсе (под Касселем). В 1909 году он занимает у своего приятеля крупную сумму денег, после чего оказывается в бегах, оставив в Хельсе жену и двоих детей. Он появляется во Франкфурте-на-Майне, потом в Нью-Йорке, где основывает сигарную фабрику, потом

в Бразилии. В Бразилии он представляет известную американскую компанию «Зингер», производящую швейные машинки. Позднее Хеннис продает свои представительские функции и в качестве самостоятельного торговца путешествует по всей стране с переменным коммерческим успехом. Когда началась первая мировая война, Дёринг решил, что его германское подданство может принести неприятности, и обзаводится швейцарским паспортом, по которому он значится сыном швейцарца и бразильянки. С тех пор его зовут Адольф Густав Хеннис. Под этим псевдонимом он возвращается в Германию и становится по поручению одной из посреднических фирм партнером Карела Маранга. После того как деловые связи с голландским партнером рассыпались, Хеннису удается найти пути получения прибыли даже из самой инфляции. Его счет в банке измеряется пятизначными величинами, которые он с радостью округлил бы до шестизначных.

Вот эта «великолепная четверка» обсуждала в Гааге скоординированные действия по эксплуатации природных богатств Анголы. Реальные предложения исходят, естественно, только от Рейса и его компании «Саус Ангола майнинг». Жозе душ Сантуш Бандейра через своего брата имеет некоторый доступ к различного рода дипломатическим привилегиям. Рейс принимает это во внимание. Но в большей степени он прислушивается к Хеннису, который достаточно повидал мир и набрался опыта в проведении различных денежных операций.

«Четверка» распадается. «Было приятно познакомиться, будем поддерживать связь друг с другом...»

Печати и бланки

В начале июля 1924 года Рейса арестовывают. «Амбако» выдвигает против него обвинения в финансовых махинациях, нью-йоркский банк намерен взыскать с него недостающие 5 тыс. долл. Почти два месяца Рейс проводит в следственной тюрьме Порту. Потом он находит общий язык с «Амбако», друзья помогают уладить разногласия с банком.

Именно в эти два месяца в его голове зарождается и зреет невероятный, сумасшедший, фантастический план. Рейс заказывает и штудирует литературу о банковской и финансовой системе Португалии, ищет и находит несогласованности и «мертвые поля» в системе регулиро-

вания, которые прямо-таки ждут того, кто ими воспользуется.

В конце августа Рейс выходит на свободу. Друзья устраивают в его честь банкет, о чем сообщается в прессе.

Через несколько дней Артур Виргилио Альвес Рейс приступает к делу. Прежде всего он обзаводится официальными бланками. Бланки состоят из одного или двух листов, заполненных с обеих сторон. На первую и вторую страницы двух четырехстраничных бланков он записывает текст безобидного контракта с государственной организацией. Третьи страницы в обоих экземплярах начинаются со слов: «Совершено в двух экземплярах и подписано». С этими бесхитростными бумагами Рейс 23 ноября 1924 г. появляется в конторе нотариуса д-ра Авелино де Фариа, в его присутствии ставит свою подпись на третьей странице, так, чтобы оставалось место для других подписей, и заверяет ее. Так как контракт предполагает осуществление международных сделок, Рейс заверяет печать нотариуса в британском, германском и французском консульствах.

Теперь Рейс составляет текст «настоящего» договора и переводит его на французский язык. Содержание текста наивно до неприличия, что делает его почти гениальным. Артур Виргилио Альвес Рейс согласно этому контракту объявляется полномочным представителем международного консорциума финансистов, который готов предоставить Анголе кредит в 1 млн. ф. ст., оставив за собой право пустить в обращение в этой португальской колонии эквивалентную сумму в эскудо.

Кому из здравомыслящих финансистов могла бы прийти в голову мысль вложить в экономически деградирующую колонию государства, сотрясаемого хозяйственными и политическими кризисами, твердые деньги с единственной целью увеличения объема денег, находящихся в обращении, и подстегивания инфляции? Любой специалист при внимательном чтении текста решил бы, что к нему приложил руку или безнадежный простофиля, или сумасшедший миллионер. Рейсу пришлось изрядно попотеть, чтобы облечь договор в рутинные тяжеловесные юридические формулы. В какой-то степени это ему удалось, так что из явной несуразицы получился солидный документ. Остальное необходимое для полного эффекта было достигнуто за счет многих подписей, печатей и штампов. Текст договора секретарь Рейса Франциско Феррейра, бывший армейский офицер, печатает в два

столбца — на португальском и французском языках. Для него на этом рабочий день кончается, у Рейса же начинается ночная смена.

Прежде всего на третьей странице бланка появляются подписи управляющего Банка Португалии Камачо Родригеса и его заместителя Ж. да Мотта Гомеша. Их Рейс просто копирует с банкнот, а затем обводит чернилами. К ним добавляются подписи верховного комиссара по делам Анголы Ф. да Кунья Рего Чавеса, министра финансов Д. Родригеса и специального представителя Анголы Д. Кошты. Что касается последних трех подписей, то их написание не так уж важно. Проверить их трудно, к тому же они нотариально заверены.

Засим следует последний акт. Со всей возможной тщательностью Рейс отделяет первый лист одного из своих бланков и заменяет его новым, отпечатанным все тем же Феррейрой. Он украшен белым бантом и сургучом печати с гербом Португалии. Подмена практически незаметна.

Печать Рейс заказал для одного гимнастического союза, но потом все, что касалось гимнастики, исчезло, печать же осталась в руках Рейса.

Вскоре Рейс предъявляет свое произведение компаньонам. Невероятно, но омытые всеми (и не самыми чистыми) водами делового мира Маранг и Хеннис не разглядели подделки. По крайней мере так позднее утверждал Рейс.

Прожженный мошенник предусмотрел и еще один вид прикрытия. В маленькой типографии под Лиссабоном он заказал конверты для «своего друга сеньора Камачо Родригеса, президента банка». На них тоже красовался герб Португалии и штамп:

Банк Португалии

Управляющий
личная переписка

Родригес такими конвертами никогда не пользовался. Но этот факт не снижал их достоинств. Главное — они были красивыми и производили впечатление.

«Вотерлоу и сыновья»

Сначала было задумано отпечатать эскудо в Германии. Предполагалось, что там в изготовлении денег накоплен большой опыт. Потом решили, что Карел Маранг вступит в контакт с голландской типографией ценных бумаг «Иоган Эншеде и сыновья». Разговор состоялся 2 декабря 1924 г., но желаемого результата не принес. Слишком трудоемко заново печатать банкноты и изготовлять для них новые типографские пластины. На это уйдет много времени. К тому же 100-процентной идентичности с теми образцами, которые представил Маранг (купюры в 1000 и 500 эскудо), все равно не достичь. А почему бы не обратиться к постоянному партнеру португальского банка? Маранг смущен, он не знает, о какой фирме идет речь. И все-таки, изрядно напрягшись, он вспоминает, что на одной из банкнот видно название фирмы «Вотерлоу и сыновья». Или это мелким шрифтом было напечатано на каком-то документе? Он решается: «Вы говорите о «Вотерлоу и сыновья» в Лондоне?» Минхер Гуйсман кивает.

На следующий день Карел Маранг получает у «Эншеде и сыновей» рекомендательное письмо для лондонской фирмы. Теперь ему необходимо получить полномочия от Артура Альвеса Рейса. Пришлось прибегнуть к помощи Антонио Бандейры, консула. Его письмо само по себе совершенно безобидно, но впоследствии оно станет уликой против Антонио.

«Я, нижеподписавшийся, португальский посланник в Гааге, настоящим подтверждаю, что предъявитель сего письма Карел Маранг ван Иссельвеере, голландский гражданин и бизнесмен, является генеральным представителем Альвеса Рейса, португальского гражданина, проживающего в Лиссабоне.

Гаага, 3 декабря 1924 г.
Сантуш Бандейра»

Ранним утром 4 декабря Карел Маранг отбывает в Лондон.

Фирма «Вотерлоу и сыновья» в те времена пользовалась безупречной репутацией и в Англии, и за рубежом. На ее восьми предприятиях трудилось 7 тыс. подданных британской короны. Она же выпускала и королевские почтовые марки.

Возраст фирмы — 114 лет. Ее тогдашним президентом был 53-летний сэр Вильям Альфред Вотерлоу, который за свои заслуги перед Англией во время мировой войны получил дворянский титул. В чем состояли эти заслуги, не знал никто, кроме него самого и того, кто пожаловал ему титул «Knight of the British Empire» (род личного дворянства с титулом «сэр», ниже баронета. — *Прим. пер.*). Может быть, это была подделка имперских германских почтовых марок, которые «Сикрет сервис» наклеивала на свою деловую переписку? Или заслуги заключались в подделке имперских банкнот? Точно не смог бы ответить и сам сэр Вильям. Люди его ранга не слишком задумываются, за что их награждают орденами и почетными титулами. Достаточно того, что это происходит.

«Вотерлоу и сыновья» было весьма рентабельным предприятием. В 1923 году его чистая прибыль составила 114 910 ф. ст. В 1924 году ее рассчитывали довести до 200 тыс. фунтов. Фирма, управляемая сэром Вильямом, процветает, и это сдерживает озлобленность, которую вызывает деспотизм старого господина у его подчиненных. Президент не терпел никаких возражений, и, когда сэр Вильям поднимался из-за письменного стола во весь свой нешуточный рост (1 *м* 86 *см*), всякий разговор прекращался.

Рентабельность фирмы не в последнюю очередь была обусловлена чрезвычайно жестким режимом экономии. Дирекция размещалась в четырехэтажном желтом кирпичном доме на Винчестер-стрит. Здание было совершенно безвкусным.

Карел Маранг появился перед его парадным входом в послеобеденные часы 4 декабря. Швейцар в ливрее взял рекомендательное письмо и попросил посетителя подождать. Спустя пару минут гостя по скрипучей лестнице провели в глубь здания, в святую святых — кабинет президента.

В тот момент, когда Маранг вошел в строго обставленный в викторианском стиле кабинет, сэр Вильям еще держал в руках рекомендательное письмо, в котором говорилось:

«Сэр! Имеем честь рекомендовать Вам предъявителя сего письма м-ра К. Маранга ван Иссельвеере из Гааги. Этот джентльмен обратился к нам с заказом на изготовление португальских банкнот. Мы изучили предложенные образцы и считаем, что эту работу Вы можете выполнить гораздо успешнее, и поэтому мы посоветовали м-ру

Марангу обсудить этот вопрос с Вами. Наше предложение состоит в том, чтобы Ваша фирма взяла на себя производство банкнот, мы же охотно возьмем на себя посредничество в их поставке. Были бы Вам обязаны, если бы Вы сообщили нам о своем мнении.

С уважением,
«Иоган Эншеде и сыновья».

Сэр Вильям приглашает гостя, приветствует его, сохраняя уважительную дистанцию, приглашает сесть в кожаное кресло. Рассматривает его визитную карточку, в которой гость фигурирует под титулом «Генеральный консул Персии». Молча Маранг протягивает хозяину кабинета очередную бумагу, которая объявляет его полномочным представителем Альвеса Рейса.

Сэр Вильям снимает трубку и приглашает члена правления фирмы Фредерика В. Гудмана, директора отдела «иностранные банкноты».

Маранг вкратце описывает нищенское хозяйственное положение португальской провинции — Анголы. По просьбе португальского правительства в Нидерландах создан синдикат, к которому принадлежит и сам Маранг. Синдикат готов для эмиссии банкнот предоставить кредит в сумме 1 млн. ф. ст. Банк Португалии согласен. Фирма «Вотерлоу и сыновья» должна отпечатать соответствующую сумму денег в португальских банкнотах, переправить их в Лиссабон, откуда деньги с середины февраля 1925 года будут поступать в Анголу. Именно там деньги получат соответствующую допечатку «Ангола».

Карел Маранг умеет убедительно изложить свою позицию. Он говорит на безупречном английском. Его красноречие успешно скрывает от слушателей всю бессмысленность затеи мнимого синдиката.

Не снижая темпа беседы, «полномочный представитель» достает из бумажника образцы банкнот. Сэр Вильям, бегло взглянув на них, не скрывая удивления, передает Гудману. Тот кивает головой: «Сэр, это не наша продукция. Эти банкноты...» «Скорее всего, их сделали в Америке», — перебивает его президент фирмы. Он уверенно вспомнил, что тогда заказ португальского банка получил конкурент, другая лондонская фирма — «Брэдбэри, Вилкинсон». Зачем же сейчас упускать улов с крючка?

Гудман понимает маневр шефа. Он извиняется и на минуту выходит из кабинета, возвращаясь с банкнотой в 500 эскудо, на которой изображен портрет Васко да

Гамы: «Мистер Маранг, эти банкноты еще год назад мы изготавливали для Банка Португалии. Может быть, Вы остановитесь именно на них. Соответствующие типографские пластины сохранены».

Маранг, подумав, кивает. Ему знакомы эти банкноты, имеющие хождение в Португалии с 1922 года. Они очень красивы, но в мире денег мерилом ценности является отнюдь не красота. Маранг интересуется, сколько это будет стоить: «Вы понимаете, калькуляция...» Сэр Вильям подходит к своему письменному столу, с деловым видом перебирает бумаги, как будто даже делает заметки.

«Это составит 1500 фунтов, сэр. Но пластины — собственность Банка Португалии, и без его официального и юридически заверенного заказа мы не отпечатаем ни одной ассигнации».

Маранг согласен: «Разумеется, сэр, Вы получите такой заказ. Но я просил бы Вас учитывать деликатность этого дела. В Банке Португалии опасаются утечки информации: возможно противодействие «Банко Ультрамарино» (португальский заморский колониальный банк), который до сих пор обладал исключительным правом денежной эмиссии для Анголы. В курсе дела только президент Банка Португалии сеньор Родригес и его заместитель сеньор Гомеш».

Сэр Вильям: «Будьте спокойны, сэр, наша фирма умеет отвечать доверием на доверие».

17 декабря Маранг при очередной личной встрече вручает два нотариально заверенных договора: один — между Банком Португалии и колониальным управлением Анголы, второй — между управлением Анголы и Артуром Виргилио Альвесом Рейсом. Из последнего договора следует, что сеньор Рейс уполномочен при определенных условиях организовать новую эмиссию ангольских денег, имеющих хождение в метрополии и в провинции Ангола. В отдельном документе голландская фирма «Маранг и Коллиньон» в лице сеньора Карела Маранга ван Иссельвеере названа представителем Рейса, полномочным размещать заказы, подписывать контракты и вести всю организационную работу.

Сэр Вильям направляет все три документа своему лондонскому нотариусу, который должен их перевести и заверить. Нотариус возвращает и оригиналы, и переводы, подтвердив, что все в порядке. Сэр Вильям делает еще один шаг. Он направляет доверительное письмо президенту Банка Португалии, в котором запрашивает у последнего

полномочия на изготовление банкнот. В силу своего конфиденциального характера письмо направляется в Лиссабон не по почте, а со специальным курьером, которого по предложению Маранга должен подыскать его секретарь Жозе Бандейра, брат португальского посланника в Гааге.

6 января 1925 г. Маранг доставляет тщательно запечатанное и подписанное Камачо Родригесом, президентом Банка Португалии, ответное послание. Письмо датировано 23 декабря 1924 г. Все проблемы, таким образом, решены. Между «Вотерлоу и сыновья», Лондон, и «Маранг и Коллиньон», Гаага, подписывается контракт, согласно которому лондонское предприятие обязуется в течение месяца изготовить и поставить фирме «Маранг и Коллиньон» 200 тыс. ассигнаций с изображением Васко да Гамы, каждая достоинством в 500 эскудо.

Как джентльмен старой школы сэр Вильям не может не подтвердить президенту Банка Португалии получение его ответного письма. 7 января 1925 г. его послание обычным почтовым путем направляется в Лиссабон. В нем говорится:

«Глубокоуважаемый сэр! Имею удовольствие подтвердить получение Вашего доверительного письма от 23 декабря 1924 г. Его содержание принято нами к сведению, о чем Вам с благодарностью сообщаю.

В. А. Вотерлоу».

Письмо было аккуратно зарегистрировано в канцелярии лондонской типографии, но до Банка Португалии оно так никогда и не дошло.

Банк Анголы и метрополии

10 февраля 1925 г. Карел Маранг получил в Лондоне первую партию в 20 тыс. банкнот на общую сумму в 10 млн. эскудо. Он упаковывает деньги в чемодан и направляется в Лиссабон. Документы Маранга, заверенные Антонио душ Сантушем Бандейрой, португальским консулом в Гааге, освобождают его от таможенного досмотра. На квартире Артура Рейса, где помимо прибывшего из Лондона гостя и хозяина присутствуют Адольф Хеннис и некий Адриано Сильва, обсуждается вопрос о том, как пустить деньги в обращение. Все согласны с тем, что

100 млн. эскудо — это не та сумма, с которой можно оперировать непосредственно в розничной торговле. Генеральный план, автором которого является Рейс, состоит в том, чтобы учредить собственный банк и осторожно скупать акции Банка Португалии. Получив соответствующий пакет акций, можно занять место в его административном совете, а тогда откроется достаточно реальных возможностей для того, чтобы в зародыше задушить возможные кривотолки. Дело в том, что на новых банкнотах проставлены серийные номера тех купюр, которые уже имеют хождение. Рано или поздно совпадения будут выявлены. Пока же Сильва должен проверить подлинность полученных банкнот.

25 февраля и 12 марта 1925 г. оставшиеся 180 тыс. ассигнаций с изображением Васко да Гамы оказываются в Лиссабоне. Но еще до того момента, когда поставки были завершены, Адриано Сильва оказывается под арестом. Произошло это в Браге, на севере Португалии, где работники местного отделения Банка Португалии обратили внимание на незнакомца, развернувшего необыкновенную деловую активность и расплачивавшегося со своими партнерами толстыми пачками банкнот в 500 эскудо. Деньги подвергаются экспертизе, выясняется, что они настоящие, и Сильва на свободе. Но и из других мест поступают сведения о том, что поползли слухи о появлении фальшивых денег. 6 мая 1925 г. газета «Диарио де нотисиаш» печатает изображение банкноты в 500 эскудо, сопроводив его следующим текстом: «Администрация Банка Португалии проинформировала нас, что для беспокойства по поводу якобы появившихся в обращении фальшивых ассигнаций в 500 эскудо нет никаких оснований».

Рейса, Хенниса и компанию все эти события одновременно и порадовали, и встревожили. Они направили в министерство финансов по установленной форме запрос на разрешение создания банка с многозначительным именем Банк Анголы и метрополии. Петицию подписали Артур Виргилио Альвес Рейс, Жозе душ Сантуш Бандейра и Адриано Сильва. Запрос был отклонен советом Банка Португалии на том основании, что в создании подобного банка нет нужды, ангольскую провинцию успешно обслуживает «Банко Ультрамарино». Рейс и компания не сдаются, и наконец 15 июня совет банка в третьей инстанции приходит к заключению, что новый банк «при определенных условиях» может быть полезным

народному хозяйству, и устанавливает ему уставной капитал в размере 20 млн. эскудо.

Учредители банка кое о чем позаботились, в уставе банка говорится о том, что он занимается «коммерческими, предпринимательскими и финансовыми операциями, которые связаны или могут быть связаны с банковским делом». И новый банк всячески стремился оправдать свое солидное имя. Велась большая работа с потенциальными клиентами, шел активный поиск и выполнение различных заказов, выдавались деньги под соответствующие гарантии, скупалась движимость и недвижимость, прежде всего происходила массовая закупка акций Банка Португалии, которые в связи с тяжелым экономическим положением страны поначалу были весьма дешевы, но потом в связи с этими закупками курс этих акций стал расти. Все в новосозданном банке было необычным, легко устанавливались контакты, и так же легко они прекращались.

В деловых кругах о новом банке говорилось много добрых слов. Банк предоставлял кредиты под низкие проценты, активно участвовал в различных предприятиях и таким образом фактически помог обрести новое дыхание некоторым отраслям промышленности. Рейс и Сильва купались в славе «капитанов экономики» и привыкали к обращению «ваше превосходительство». Хеннис и Маранг оставались в тени. Они овладевали рычагами управления банка, анализировали, планировали, собирали сведения о фирмах, об имеющихся возможностях помещения капиталов. Жозе Бандейра занимался приобретением акций Банка Португалии, что наталкивалось на ряд преград. Например, частное лицо (португальское происхождение обязательно) могло владеть только ограниченным числом акций. Но Бандейра, судя по всему, отлично справлялся с вверенным ему участком деятельности. Выполняя свою миссию, недавний неудачник несказанно радовался тому, что ему все-таки удалось восхождение на Олимп деловой жизни. Успеху Бандейры в немалой степени способствовали все те же крупные денежные купюры, вызывавшие уважение и внутри страны, и за рубежом.

Немало неприятностей оказавшимся в зените славы вундеркиндам португальских финансов доставляла пресса, которая не спешила присоединиться к единому хору их доброжелателей. В печати задавались неприятные вопросы, и прежде всего о том, откуда у банка столько

денег. В конце концов эти вопросы достигли цели — министерство иностранных дел потребовало проведения расследования.

Между тем деньги из сейфов Банка Анголы и метрополии поступали в обращение. Дела шли, сейфы пустели. Аппетит приходит во время еды, денег требовалось все больше. 25 июля 1925 г. Карел Маранг сообщает лондонской фирме «Вотерлоу и сыновья» о своем возможном визите: «Рад привезти хорошие новости для Вас из Лиссабона». Через четыре дня он оказывается в кабинете сэра Вильяма: «Я привез письмо сеньора Камачо Родригеса, в котором он просит Вашу фирму отпечатать еще 380 тыс. банкнот с изображением Васко да Гамы по 500 эскудо каждая. Вы могли бы использовать те же пластины». Сэр Вильям просит его извинить и на некоторое время покидает своего посетителя, взяв в руки представленный документ. Эксперты фирмы проверяют его подлинность. Их ответ положительный. В голову сэру Вильяму не приходит простая мысль о том, что здесь что-то не так. Хотя, в самом деле, какое ему дело до политических и экономических проблем Португалии? Ему известно, конечно, что в стране инфляция и кризис, но если правительство считает правильным подстегнуть инфляцию, то почему об этом должна болеть голова президента фирмы «Вотерлоу и сыновья»? Маранг передает ему номера серий новых банкнот. Это номера — близнецы тех банкнот, которые уже есть в обращении, точно так же, как и в первый раз. С такими случаями сэр Вильям уже сталкивался, к тому же эти банкноты предназначаются для Анголы, где они получат соответствующую допечатку.

И в этот раз Маранг просит сохранять молчание. Сэр Вильям, которому опять ассистирует один из управляющих его предприятия, принимает заказ к выполнению.

Когда приблизился срок реализации поручения, Маранг дает понять, что ему нужны специальные чемоданы для транспортировки груза, замки прежних его не устраивают. Очень дорогие чемоданы, в которых учтены все требования безопасности, наполненные банкнотами, между августом и ноябрем путешествуют через Голландию в Португалию. Их перевозка оценивается в 18 пенсов за чемодан, Маранг лично сдает их в багаж в Ливерпуле с пометкой «малоценный груз». Даже за изготовление чемоданов он не удосуживается заплатить.

Банк Анголы и метрополии вновь в центре внимания прессы. Деньги в нем не задерживаются, почти сразу отправляясь в бесконечные круизы. И вот на календаре 4 декабря 1925 г. — роковой день в судьбе банды. Ровно год прошел с первого появления Маранга в фирме «Вотерлоу и сыновья».

В этот день сеньор Камачо Родригес принимает в своем доме банкира из Порту, который недвусмысленно заявляет о том, что в стране в огромном количестве циркулируют фальшивые деньги. «Никогда раньше, — говорит гость, — в обращении не было столько новых банкнот с изображением Васко да Гамы. Но, насколько мне известно, Вы, сеньор президент, уже три года не выпускали новых партий». Родригес спешит в банк, где как раз собрался административный совет. Один частный лиссабонский банк настоял на аресте какого-то ювелира, который явился в банк с огромной кипой «васкодагамовских» банкнот. Служащий банка, принимавший наличные деньги, обратил внимание на этого ювелира еще раньше, когда тот в пункте обмена валюты значительные суммы эскудо в тех же ассигнациях обменивал на фунты стерлингов и иные валюты. Об этом наблюдательный служащий сообщил руководству банка.

Совет банка решил поставить в известность криминальную полицию. Утром следующего дня группа сотрудников криминальной полиции во главе со старшим судьей по уголовным делам доктором Дирейто отправилась в Порту. В группу входили также инспектор банка де Кампос-э-Са и эксперт по фальшивым деньгам Педросо. Обыск в доме упомянутого ювелира дал не только явные улики нарушений в бухгалтерском учете, но и прямые указания на его связь с Банком Анголы и метрополии, что не прошло мимо внимания следствия. Были арестованы ювелир и владелец пункта по обмену валют. Прямо на улице был задержан Адриано Сильва — управляющий подозрительным банком, который еще весной несколько дней отсидел в следственной тюрьме. В банке арест был наложен на 4 тыс. новых банкнот с изображением все того же Васко да Гамы. Но тут для следствия наступила горькая минута разочарования и беспомощности. Никто не был в состоянии ответить на вопрос о том, какие деньги фальшивые, а какие настоящие. Первая версия исходила из того, что типографские пластины похищены.

Длительные поиски неутомимого Луиса де Кампос-э-Са увенчались успехом: 6 декабря 1925 г., в воскресенье, он обнаружил четыре пары банкнот с одинаковыми номерами.

Что же дальше? Еще никто не знал о масштабах фальшивомонетничества, конечно, кроме арестованного Сильвы и Рейса. Но Сильва поначалу настаивал на своей невиновности. И тогда к расследованию подключили прессу. Было сообщено, что все «васкодагамовские» ассигнации подлежат обмену. В этот момент общая сумма заказанных Рейсом и компанией у «Вотерлоу и сыновья» банкнот составляла 580 тыс. К счастью, преступление было раскрыто раньше, чем вся эта масса ассигнаций хлынула в обращение. Целые связки денег в искомых банкнотах были обнаружены в доме посла Венесуэлы в Португалии графа Симона Планес-Сауреса... Дон Симон как птица в силки сам попался в руки злоумышленников, когда они попросили посла, отдыхавшего на одном из озер к северу от Гааги, доставить в Лиссабон два чемодана «с конфиденциальными материалами». Гонорар графа, вероятно, соответствовал рангу посла и выражался в сумме 200 тыс. эскудо. Дон Симон был объявлен «персоной нон грата».

6 декабря арестован и Артур Рейс, только что вернувшийся из Анголы, где он вместе с Хеннисом проворачивал очередные операции. Компаньоны были полны оптимизма. Идея оживить промышленность и транспорт была с восторгом встречена в Анголе. К тому же для осуществления стратегического замысла — стать хозяином экономической жизни Португалии — не хватало всего 16 тыс. (из 45 тыс.) акций Банка Португалии.

Судно, на котором они возвращались из Анголы, еще только приближалось к лиссабонскому порту, когда с проходящего мимо катера «финансистов» предупредили об опасности. Хеннис все понял сразу и пересел в шлюпку, которая беспрепятственно высадила его на берег. Рейс и слышать ничего не хотел о бегстве и остался на корабле.

В тот же день Хеннис из окна одного из портовых ресторанов наблюдал, как его партнер покидает порт в полицейской машине. Ранним утром 7 декабря 1925 г. коммерсант Иоганн Георг Адольф Деринг с чемоданом, заполненным долларами и фунтами стерлингов, оказывается на борту парохода, который увозит его в Германию.

Тем же утром сэр Вильям получает в Лондоне телеграмму от президента Банка Португалии: «Наплыв фальшивых банкнот в 500 эскудо. Как можно скорее направьте эксперта. Проведите расследование со своей стороны».

Сэр Вильям тут же дает знать о том, что эксперт командирован. Через пару дней он сам отправляется в Лиссабон.

Тем временем слухи о португальской денежной афере просачиваются на страницы зарубежных изданий. 9 декабря 1925 г. британская «Дейли телеграф» под заголовком «Фальшивые португальские банкноты, изготовленные в России» публикует следующий текст: «Сенсационное развитие получает раскрытие эмиссии фальшивых банкнот на общую сумму в 60 тыс. ф. ст. или более, которую осуществлял недавно созданный банковский концерн. Банкноты, изъятые в настоящее время из обращения, как предполагают, изготовлены в России. Полиция считает, что эти фальшивки — дубликаты с банкнот, изготовленных одной английской фирмой по поручению португальского правительства. Банковский концерн был учрежден совсем недавно и получил название одной из португальских колоний. Духовный отец всей аферы — голландец с темными финансовыми связями, который получил рекомендательные письма от уже отозванного португальским правительством посла Португалии в Нидерландах».

В тот же день, когда «Дейли телеграф» опубликовала свое сообщение, сэру Вильяму позвонил из португальского представительства в Лондоне полковник Жозе душ Сантуш Лукаш. Это был разговор с весьма тяжелыми последствиями. Вскоре после него полковник появился в помещении лондонской фирмы и попросил предъявить ему соответствующие контракты. «Сэр, бумаги, по-моему, фальшивые. Я не являюсь экспертом по почеркам и подписям, но мне кажется, есть все основания считать их поддельными».

Для сэра Вильяма А. Вотерлоу в эту минуту рухнул весь мир.

В Лиссабоне декабрьская прохлада несла в себе мощный грозовой заряд. Население было уведомлено, что до 22 декабря необходимо в любом банке обменять имеющиеся «васкодагамовские» банкноты на любые другие. Но слух о том, что круг аферистов гораздо шире реально выявленных и в деле замешан и Банк Португалии, был чрезвычайно устойчивым и еще больше укрепился после того, как в печати было сообщено, что президент и вице-президент этого банка задержаны полицией. Правда, уважаемые сеньоры провели только пару неприятных дней жизни за решеткой. Вмешалось правительство, и господа были выпущены на свободу. 24 декабря совет банка опуб-

ликовал торжественное заявление к акционерам банка и заявил об отставке правления. В заявлении указывалось на формальные ошибки, допущенные в контрактах и письмах (считавшихся подлинными), которыми обменивались Банк Португалии в лице своего президента и лондонская фирма. Эти ошибки, безусловно, должны были обратить на себя внимание членов правления. Одновременно акционерам давалось понять, что банк, в соответствии с условиями, действовал энергично, чтобы не допустить большего ущерба.

Интересен заключительный пассаж этого циркуляра: «Разве из всего того, что сообщалось, не следовало, что мы противостоим чудовищному, с густой сетью ответвлений плану общественного переворота, цель которого, с явной коммунистической направленностью, состояла в том, чтобы полностью разрушить эмиссионный банк, причем разрушить его средствами самой эмиссии. Банкноты должны были убивать банкноты, и доверие к ним должно было быть полностью разрушено в подготовлявшейся катастрофе».

В то время как это заявление распространялось среди акционеров банка, и не только среди них, оно было направлено и в палату лордов британского парламента, — в правительственных кругах Португалии уже вполне отдавали себе отчет в том, что ни о каких «коммунистических тенденциях» во всей афере не может быть и речи. Кстати, и правление банка через два дня признало, убедившись в поддержке собрания акционеров, свою отставку преждевременной.

Карел Маранг ван Иссельвеере был арестован в Голландии в начале января 1926 года. 26 ноября он предстал перед судом в Гааге. Его дело разбиралось в двух инстанциях. Оба раза организаторы процесса не побоялись выслушать всех свидетелей. В качестве свидетелей вызывались сэр Вильям А. Вотерлоу, верховный комиссар по делам Анголы подполковник Франциско да Кунья Рего Чавес, президент Банка Португалии Камачо Родригес. «Я был невинным орудием в этом деле. Господа Рейс и Бандейра пользовались в обществе таким большим уважением, я был уверен, что это абсолютно честные и достойные люди. Все, что я делал, я делал, веря им, как ребенок», — так резюмировал Стюарт Бивен, адвокат Банка Португалии, перед английским судом показания, данные Марангом в Гааге. И вынесенный приговор был более чем мягкий: 11 месяцев заключения. Именно этот

срок он уже отсидел в ходе предварительного следствия и был освобожден из зала суда. Маранг не упустил своего шанса и вместе с женой и четырьмя детьми поспешил скрыться, узнав от своего адвоката, что приговор обжалован. С приговором суда второй инстанции — два года тюрьмы — он не без удовольствия ознакомился в Брюсселе.

Через четыре с половиной года после раскрытия аферы — 6 мая 1930 г. — началось слушание дела основных обвиняемых. Его рассматривала специальная судебная коллегия, процесс проходил в помещении военного суда Португалии.

Это был уникальный во многих отношениях процесс. Действия, предпринятые Рейсом и компанией, были беспрецедентными. Не хватало статей уголовного кодекса Португалии, чтобы квалифицировать весь букет совершенных преступлений. Здесь имели место заговор, подделка договоров и писем, использование фальшивого диплома, изготовление в обход закона 580 тыс. банкнот и их частичная эмиссия. Таков неполный перечень важнейших обвинений, предъявленных Артуру Рейсу.

Уголовный кодекс Португалии предусматривал наказание за подделку денег, выражавшееся в трехлетнем тюремном заключении. Но законодательные органы тоже не теряли времени даром. Еще до начала процесса было установлено, что отныне за такое преступление высшим наказанием является заключение сроком до 25 лет.

Суд, созванный специально для рассмотрения этого дела, возглавил верховный судья д-р Симао Жозе. В состав суда входили еще семь судей, один судья был в запасе. Девять обвиняемых, кроме отсутствовавшего Хенниса, были португальцами. Их интересы представляли 15 адвокатов. Государственным обвинителем выступал д-р Жеронимо да Соуса. От Банка Португалии было еще два обвинителя.

Суд заслушал не менее 85 свидетелей. Среди них был и голландский судебный эксперт-химик В. Ф. Хесселинк, проводивший экспертизу документов.

Первый день судебного разбирательства ознаменовался любопытным конфузом, когда д-р Жозе, обращаясь к главному обвиняемому Рейсу, назвал его «ваше превосходительство». Председателю суда по всей форме пришлось извиниться.

Артур Рейс мало изменился. Следов более чем четырехлетнего заключения и потрясения, которое он пережил,

практически не было заметно, хотя, находясь под следствием, он пытался покончить с собой. Новая деталь в его облике — очки. Рейс выступает в течение пяти часов. Его речь — это и признание собственной вины, и яростная защита. Рейс прямо заявляет, что если следовать букве закона, то Банку Португалии можно предъявить аналогичные обвинения. Банк функционирует в форме акционерного общества с ограниченной ответственностью. В соответствии с португальским торговым правом это общество должно быть внесено в специальный реестр, что было сделано лишь после того, как он, Артур Виргилио Альвес Рейс, находясь под следствием, дал соответствующие показания. До этого момента Банка Португалии де-факто вообще не существовало. Что же касается его собственных действий, то, как бы их ни оценивать, они не имели целью личную наживу. Рейс стремился оживить экономику Португалии и Анголы. При этом ему помогали только два человека: Карел Маранг и Адольф Хеннис. Но и их, как и всех остальных обвиняемых, следует рассматривать как невинных жертв его махинаций.

Артур Рейс и позже придерживался этой позиции. В апреле 1932 года он выступил на страницах британской газеты «Уорлд доминион» с заявлением, что все его партнеры были «слепыми участниками, простыми орудиями достижения моих целей».

В Лиссабоне приговор оглашается 19 июня 1930 г. Артур Виргилио Альвес Рейс, Жозе душ Сантуш Бандейра и Адольф Хеннис получают по 8 лет заключения в каторжной тюрьме и по 12 лет ссылки в колонии или вместо этого 25 лет ссылки в колонии. Остальные обвиняемые приговариваются к менее длительным срокам заключения, среди них Адриано Кошта да Сильва и Антонио Карлуш душ Сантуш — консул.

Лондонский приговор

В июле 1927 года сэр Вильям вынужден отказаться от президентского поста в своей фирме. Президентом становится его племянник. Положение с заказами у «Ватерлоу и сыновей» после скандала пиковое. На Банк Португалии — одного из крупнейших заказчиков — рассчитывать не приходится. Директорат фирмы превращается в поле непрерывных баталий, разногласия приобретают чрезвычайно острый характер. Кроме того, вакантным

оказывается место лорд-мэра Лондона. Имея его в виду, сэр Вильям уступает давлению и покидает фирму.

9 ноября 1929 г. сэр Вильям Альфред Вотерлоу торжественно назначается на пост лорда-мэра Лондона.

Банк Португалии выступает в суде в Гааге с иском на возмещение убытков в размере 10 млн. гульденов. В качестве ответчиков называются К. Маранг, А. Бандейра, Ж. Бандейра, А. Хеннис и А. Рейс. Рассматривать иск к братьям Бандейра, Хеннису и Рейсу голландский суд не правомочен. Что же касается претензий к Марангу, то они отклоняются.

Сэр Вильям А. Вотерлоу с момента раскрытия преступления с готовностью участвовал во всех расследованиях. Он сразу же отправился в Лиссабон, чтобы оказать португальским властям всемерную помощь. Но после суда над Марангом надежды сэра Вильяма выйти сухим из воды растаяли. Голландский судебный эксперт-химик д-р В. Ф. Хесселинк перед судом в Лиссабоне недвусмысленно квалифицировал контракты сэра Вильяма с аферистами как поддельные. Сэр Вильям оказался замешанным в крупнейшей денежной афере. Советники королевского суда Норман Биркет, А. Бенсли Уэлс и Теодор Тарнер, искусные юристы, за плечами которых был не один процесс, заверяли, что ни один суд в мире не усмотрит в действиях фирмы сэра Вильяма уголовно наказуемых действий. Несмотря на все предосторожности, которые несомненно будут приняты судом к сведению, фирма виновна лишь в нарушениях условий договора, который существовал между ней и Банком Португалии. Фирма была ответственна за надежное хранение типографских пластин. Одна из палат Верховного суда Англии и Уэльса 12 января 1931 г. приговорила «Вотерлоу и сыновей» к уплате 569 421 ф. ст., что составляло примерно 11,5 млн. золотых марок.

Фирма потребовала пересмотра дела. Апелляционный суд собрался спустя два месяца, наказание было смягчено, штраф снизился до 300 тыс. ф. ст. Противоборствующие стороны не остановились на этом и обратились в палату лордов — высшую инстанцию, которая должна была внести в дело окончательную ясность.

Для здоровья сэра Вильяма скандал, разразившийся вокруг банкнот, и последовавшие за ним судебные разбирательства не прошли бесследно. Хотя экс-президент фирмы формально и не имел больше отношения к фирме-ответчику по иску Банка Португалии, но, конечно, он не

мог уклониться от допросов в качестве свидетеля. Это было очень тяжелое время для лорд-мэра. Самого страшного, окончательного решения палаты лордов он уже не узнал. Сэр Вильям скончался 6 июля 1931 г. в 60-летнем возрасте в одной из лондонских больниц.

Так же, как и при разборе дела в предыдущих инстанциях, адвокаты «Вотерлоу и сыновья» и в палате лордов ссылались на то, что уже после первой сделки по поводу незаконного производства банкнот Банк Португалии был вполне в состоянии разобраться в сложившейся ситуации. При тщательном рассмотрении можно было якобы отличить настоящие деньги от фальшивых. Поэтому вовсе не обязательно было изымать из обращения все банкноты с изображением португальского мореплавателя и заменять их подлинными деньгами. «Вотерлоу и сыновья» были готовы возместить ущерб, но оценивали его суммой в 8922 ф. ст. Двое из пяти судей поддержали позицию типографской фирмы. Трое остальных сделали иные расчеты. Из общей суммы фальшивых денег в 290 млн. эскудо 104 859 поддельных банкнот поступили в обращение. Это составило 1 092 281 ф. ст. Сюда же были добавлены банкноты стоимостью 6541 ф. ст., оцененные как «чистые издержки». Из общей суммы 488 430 ф. ст. были погашены при ликвидации Банка Анголы и метрополии. Исходя из этого, 28 апреля 1932 г. штраф, который надлежало выплатить «Вотерлоу и сыновьям», был окончательно оценен в 610 392 ф. ст. Кроме всего прочего, надо было оплатить и судебные издержки. Таким образом, легковерность шефа обошлась лондонской фирме без малого в 1 млн. ф. ст., или почти 20 млн. золотых марок.

Эпилог

Из участников этой единственной в своем роде аферы в истории фальшивых денег сейчас в живых не осталось никого. Но судьба ее основных действующих лиц, в отличие от других персонажей этой книги, нам известна. Уже упоминавшийся Мюррей Т. Блум в 60-е годы проследил за ходом этой нашумевшей аферы до самого конца. Правда, сэр Сесиль Х. Киш еще в 1932 году издал книгу объемом в 284 страницы под названием «Дело португальских банкнот», но автор ограничился описанием в ней лондонских процессов.

Артур Виргилио Альвес Рейс выходит из лиссабонской

тюрьмы 7 мая 1945 г. Как и Жозе Бандейра, он предпочел весь срок отсидеть в Лиссабоне.

Оставшуюся жизнь Рейс посвятил богу, к которому он обратился еще в тюрьме. Нельзя с уверенностью сказать, что до этого он был атеистом, но беспокойные дела, несомненно, отвлекали его от обязанностей правоверного католика. В конце концов бог, как мы видели, наказал его. С тех пор Рейс решил приблизиться к богу с другой стороны. Выйдя из тюрьмы протестантом, он примкнул к протестантской общине, насчитывавшей в Португалии менее 20 тыс. последователей. До конца своих дней Рейс помогал своим братьям по вере в качестве проповедника-любителя.

Его возвращение к бизнесу, к участию в делах своих сыновей сопровождалось сплошными неудачами. Рейс умер 8 июля 1955 г. от инфаркта. Газета «Диарио популар» откликнулась на его смерть: «Человек, придумавший и осуществивший самую фантастическую из известных денежных афер, наводнившую страну банкнотами в 500 эскудо, не имел в конце жизни даже нескольких сентаво».

Португальский писатель Евгенио Батталья попытался в конце 20-х годов в «социальном» романе с провоцирующим названием «Фантастический банк: мошенничество или патриотизм» представить махинатора, прототипом которого вероятнее всего был Артур Рейс, в роли благодетеля нации. В конце концов герой книги становится премьер-министром. Призыв о «сильной руке» не остался неуслышанным: Антонио ди Оливейра Салазар в 1932 году стал премьером, и Португалия на 36 лет погрузилась во тьму власти насилия.

О Жозе душ Сантуше Бандейре можно поведать не так уж много. В отличие от трех своих «коллег», он сразу после ареста, еще в начале декабря 1925 года, раскрыл счета, которые имел в Португалии, Англии и Нидерландах. При этом о нескольких эскудо он умолчал из забывчивости. Во всяком случае, выйдя из тюрьмы, он сразу приобрел одно увеселительное заведение, которое не оправдало его надежд. Жозе Бандейра вскоре оказался банкротом, от судьбы неудачника он так и не ушел. В последние годы Фи Карелсен, не забыв своего прежнего кавалера, время от времени подбрасывала ему немного денег. Жозе умер 29 марта 1960 г. в больнице для бедных.

Иоганн Георг Адольф Дёринг, он же Адольф Густав Хеннис, богатым человеком вернулся в Германию, щедро одарил двух своих дочерей и вложил часть своих денег в

ценные бумаги. В 1929 году он живет в Касселе, потом у своего делового партнера в Ницце, пытается войти в мировой оружейный бизнес. Но старый лис, повидавший весь мир, уже потерял нюх. Мировой экономический кризис обесценивает его акции. В 1932 году он живет в Берлине, его состояние рассыпалось, как карточный домик. В довершение всех бед одна приятельница, знавшая его и Маранга в их звездный час, выдает его португальскому посольству. В конце сентября Дёринг оказывается под арестом и водворяется в следственную тюрьму Моабит. Но до выдачи властям Португалии дело так и не доходит. Одна из дочерей Дёринга — жена высокопоставленного полицейского чина. В 1934 году Дёринга выпускают на свободу. Но уже через два года самый таинственный участник «аферы века» умирает в берлинском госпитале — у него останавливается сердце.

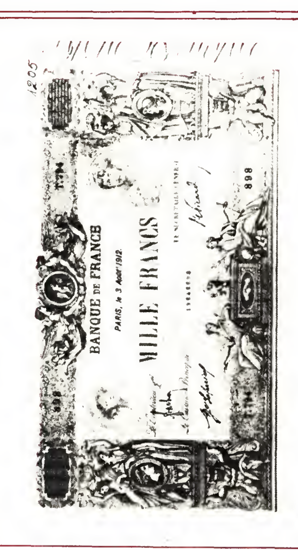
Счастливчиком оказывается человек, приобретший на заре своей деятельности статус дворянина: Карел Маранг ван Иссельвеере. Неправедные деньги обеспечили ему безбедную жизнь рантье. Но эта жизнь показалась Карелу слишком рискованной. Семья Марангов в 1928 году переезжает в Париж. Отец семейства приобретает небольшую фабрику по производству электрических ламп. Благодаря иностранным капиталовложениям фабрика без потерь переживает потрясения 1929—1932 годов. Темное прошлое ушло безвозвратно. О Хеннисе, который без приглашений неоднократно навещает его, Маранг ничего не хочет знать.

Маленькая фабрика превращается в солидную компанию, которая не относится к гигантам мирового производства электротоваров, но приносит Марангу и трем его сыновьям, занимающим в ней руководящие посты, все, что необходимо для обеспечения весьма высокого уровня жизни.

Карел Маранг ван Иссельвеере умирает на 77-м году жизни в своей шикарной квартире в Каннах 13 февраля 1960 г.

Фирму «Вотерлоу и сыновья» не найти сегодня ни в одном справочнике Великобритании. Когда-то безупречную репутацию восстановить не удалось. Напрасно правление фирмы пыталось противопоставить обвинениям конкурентов демонстрацию финансовой мощи предприятия, «спокойно» уплатившего штрафы. В начале 60-х годов «Вотерлоу и сыновья» были поглощены более мощным предприятием, которое, в свою очередь, позднее также утеряло самостоятельность, оказавшись составной частью более крупной компании.

Черный принц

Максим дю Камп, парижский публицист, в 1869 году предложил респектабельному журналу «Ревю де дё монд» свое сочинение, которое, как он надеялся, в случае публикации не останется незамеченным. Речь шла об одном скандале с фальшивыми деньгами, имевшем место 37 лет назад.

Цензура во времена Второй империи была очень жесткой, и журнал не смог выступить против привилегий, которые были сметены восставшим народом без малого 100 лет назад. Революционный порыв под знаменем «Свобода, равенство, братство!» иссяк, давно уступив другим идеалам. Буржуазия поделила власть с дворянством.

Максим дю Камп приложил к своему исследованию документы, в которых поименно были названы члены банды фальшивомонетчиков, в чьих жилах текла голубая кровь. Их вина была доказана во всех деталях. Но результаты исследования дю Кампа были изложены на страницах журнала следующим образом:

«В 1832 году в одном из пунктов обмена валюты была предъявлена к обмену связка 12 фальшивых банкнот по 1 тыс. франков каждая. То, что банкноты фальшивы, было установлено, о чем власти были поставлены в известность. Расследование, проводившееся за закрытыми дверями, пришло к выводу о неизбежности нарастания затруднений, которые будут непреодолимы, если пытаться довести следствие до конца. Банкноты были изготовлены за пределами Франции при самом деятельном участии некоего герцога и маршала, поддерживавшего тесные связи с изгнанным из своей страны монархом. В этом незаконном предприятии ему помогал бывший директор одного из отелей королевства. Главную роль в сбыте ассигнаций в Париже играл маркиз и фельдмаршал, владельцем был принц, отпрыск семьи, правившей когда-то в Восточной Европе. Вся эта невероятная история в

сентябре 1832 года была приостановлена тайной полицией, когда был допрошен один из обвиняемых, некий Колет».

Кто имелся в виду в этой полной намеков заметке, мы не знаем. Не известна и судьба именитых инициаторов этой аферы. Суд? Тюрьма? Конечно, нет.

Почти через 100 лет, до «круглого юбилея» недоставало семи лет, в центре аферы с фальшивыми деньгами снова оказался представитель высшей знати (при этом приходится абстрагироваться от тех скандалов, которые удалось утаить от внимания общественности). С тех пор многое изменилось. Революционное пламя России разбудило и другие народы. Гогенцоллерны были вынуждены распрощаться со своей ролью, «целиком служившей интересам народа». За ними последовали и Габсбурги, чья сдвоенная Австро-Венгерская монархия прекратила свое существование с провозглашением 3 ноября 1918 г. Австрийской Республики. В Венгрии же власти Габсбургов пришел конец лишь 6 ноября 1921 г., когда попытка переворота, предпринятая Карлом IV при поддержке партии христианско-национального объединения (так называемых легитимистов), была жестоко подавлена войсками хортистского режима.

Но борьба крупнейших земельных собственников за восстановление монархии продолжалась и после смерти бывшего короля Карла, последовавшей в 1922 году. Венгрия в это время была аграрной страной, сильно отягощенной феодальными реликтами. В руках промонархически настроенных крупных земельных собственников находились основные рычаги государственной власти. В том же фарватере двигался и пришедший к власти в марте 1920 года палач Венгерской советской республики (март—август 1919 г.) контр-адмирал Миклош Хорти, называвший себя «наместником империи» и, несмотря на подавление путча экс-короля Карла, всегда считавшийся сторонником монархии.

После заключения в Трианоне в июне 1920 года мира со странами Антанты Венгрия располагала лишь 32 % своей «имперской» территории и 42 % прежнего числа жителей. В Трианоне было зафиксировано отделение от Венгрии тех территорий, большинство населения которых составляли представители невенгерских национальностей.

Ответом на Трианонский мир была волна реваншизма. Знать и крупная буржуазия открыто требовали «смыть позор Трианона», восстановить монархию и реставрировать в прежних границах «тысячелетнюю империю Сте-

фана». Премьер-министр граф Телеки и его преемник граф Бетлен владели землей на тех территориях, которые отошли от Венгрии, и принадлежали к числу тех, кого мир в Трианоне задел лично и кто занимал ключевые посты в хортистском режиме. Возникла целая гроздь тайных обществ и союзов, целью которых был пересмотр Трианонского мира и восстановление монархии. К их лидерам относились все те же Телеки и Бетлен. Заряд ненависти, которую питало военное и экономическое бессилие, направлялся в первую очередь против Франции, в которой виделась основная виновница обрушившихся бед.

Именно в этой ситуации разразился грандиозный скандал вокруг подделки банкнот, который в свое время взволновал мировую общественность. В эпицентре этого скандала находился отпрыск известного австро-венгерского княжеского рода.

Людвиг Альбрехт фон Виндишгрец

«У человека может быть любой характер. Главное — чтобы был характер! Не обязательно выть вместе с волками! Необходимы убеждения! Убеждения необходимы!»

Этими словами 38-летний автор завершил книгу своих ранних мемуаров под названием «От красного принца к черному», изданную в Берлине в 1920 году. Впереди у автора — принца Людвига Альбрехта фон Виндишгреца — была долгая, переменчивая жизнь.

Что дало основание представителю старинного знатного рода именовать себя бывшим когда-то «красным принцем», остается для читателей его книги неясным. Очевидно, «красным» он считал все, что относилось к низшему миру. Именно в нем автор мемуаров и вращался, хотя надо признать, весьма недолгое время.

«Черный принц» способен даже вызвать симпатию. По крайней мере об этом свидетельствует его фотография, на которой он запечатлен в начале 20-х годов. Стройный мужчина среднего роста, приближающийся к сорока, высокий лоб и немного мечтательные глаза. Но мечтателем принц Людвиг не был наверняка. Нельзя его упрекнуть и в недостатке убеждений, которые строились, однако, на утопических представлениях о своем времени. Принц пытался остановить ход часов истории.

Для того, чтобы поднять опрокинутый трон, принц Людвиг фон Виндишгрец был готов на все. Монархия была

его миром, миром его рода, имевшего многовековую историю, миром, который стоял на краю пропасти. Если оценивать принца с таких позиций, то он был самым порядочным, во всяком случае «идейным» участником аферы. Ее «режиссеры» использовали принца как подходящее орудие. Принц же всегда действовал во имя восстановления монархии, превратившись, деградируя, из «черного принца» в «черного Петера» (персонаж карточной игры, синоним проигрыша. — *Прим. пер.*).

Род Виндишгрецов древний. Его представители всегда занимали верхние ступеньки на феодальной иерархической лестнице. Во времена Австро-Венгерской монархии они были крупнейшими земельными собственниками и влиятельнейшими военными. Особенно известным был герцог Альфред фон Виндишгрец, фельдмаршал в освободительной войне против Наполеона. Он же в 1848—1849 годах был во главе венгерских войск, кроваво подавивших революционные выступления в Вене, Праге и Будапеште.

Через три поколения имя Виндишгрец снова на слуху. Правда, известность Людвига была иного свойства. 4 января 1926 г. в Будапеште 43-летний принц задерживается полицией.

Людвиг стал несчастьем своей семьи задолго до этих дней. Еще во времена монархии ему наскучили консервативные, жесткие границы великосветской жизни. Молодым лейтенантом-артиллеристом он отправился в Порт-Артур, где «стажировался» в правилах ведения осады, потом путешествовал по Дальнему Востоку, попал в плен к японцам, пробился в Америку, где вплотную познакомился с жизнью преступников и проституток, побывал и за тюремными решетками. Следующей остановкой на его жизненном маршруте оказалась Африка, где он охотился на львов.

В конце концов безденежье заставило его вернуться домой, в Будапешт. Знатная семья приготовила своему «блудному сыну» отнюдь не праздничный прием, отказав в какой бы то ни было финансовой поддержке. Но выяснилось, что Людвиг приобрел в своих скитаниях опыт бизнесмена. Он стал «осваивать» свои земли, и прежде всего виноградники, дававшие золотистое токайское вино. Виноградники стали основой учрежденного принцем акционерного общества, которое принесло ему значительный денежный куш. Это явилось решающим аргументом для того, чтобы было забыто сомнительное прошлое Людвига. Более того, славного продолжателя древнего рода сочли достой-

ным портфеля министра, который он получил во время первой мировой войны. Для человека, обучавшегося деловой хватке в Америке, это был самый подходящий пост. Здесь он широко развернулся, проворачивая от лица государства масштабные спекуляции. Только продажа голодным соотечественникам картофельных очисток вместо пшеничной муки принесла государственному мужу 4 млн. крон. С тех пор в народе его называли «картофельным принцем». Но это не было признано преступлением, к тому же Людвиг энергично оспаривал выдвигаемые против него обвинения. Преступить закон принцу довелось при совсем иных обстоятельствах.

С занявшим трон в 1916 году императором Карлом I (он же король Венгрии Карл IV) принца связывала тесная дружба. Когда в апреле 1922 года отлученный от власти и окончательно лишенный надежд возвратить ее Карл умирает, принц Людвиг оказывается в числе тех, на кого Габсбурги могли рассчитывать в первую очередь.

Фактически правившая в стране каста земельной аристократии не испытывала недостатка в финансовых средствах, чтобы через свои официальные и неофициальные партии и союзы влиять на политику диктатора Хорти. Однако этих средств было явно недостаточно для того, чтобы организовать движение на ранее принадлежавших Венгрии территориях под знаменем «габсбургской контрреволюции».

Уже в 1920—1921 годах Виндишгрец получил кое-какой опыт в делах с фальшивыми банкнотами, вряд ли принесший ему удовлетворение. Речь шла о чешских банкнотах. При попытке пустить свою продукцию в обращение сначала был арестован его соучастник, Юлиус Мешарош, а потом и сам принц. Арест помешал ему принять участие в попытке переворота, предпринятой в октябре 1921 года его другом и королем.

Вскоре после этого Людвиг знакомится со своим собратом по монархическим убеждениям, президентом венгерских сберегательных касс Габриэлем Бароссом, а также с человеком, ставшим душой преступного предприятия, — Артуром Шультце. Этот человек, родившийся в Прибалтике, был космополитом в самом худшем смысле слова. За прожженным авантюристом числился впечатляющий список грехов. Однако ему всегда удавалось в самый последний момент скрыться от полиции. В свое время Шультце в качестве высокопоставленного чиновника «монетного ведомства» принадлежал к высшему

обществу Санкт-Петербурга. Еще до начала первой мировой войны посвященный во все тайны производства русских банкнот Шультце находился в Австрии. В его багаже оказались пластины, с которых печатались русские банкноты. Вскоре, в самый канун войны, Россию наводнили фальшивые купюры в 10, 25, 50 и 100 рублей. Распознать подделку могли только эксперты и лишь по бумаге, на которой были отпечатаны деньги. «Почерк» Шультце не был разгадан.

В один из вечеров в доме Баросса Шультце дает понять, что в Германии при поддержке влиятельных сил уже начато изготовление фальшивых французских банкнот. Франция, как нам уже известно, рассматривалась как основная виновница диктата, следуя которому Германия и Венгрия вынужденно подписали унизительные условия мирных договоров. Это был их общий враг. Через несколько дней участниками очередных бесед оказываются глава политической полиции Надосси, военный министр граф Чаки, премьер-министр граф Телеки, а также директор Военно-географического института Ладислав Герё. Господа пришли к единому мнению и поручили принцу Людвигу фон Виндишгрецу организовать аферу с фальшивыми деньгами. Соответствующие правительственные инстанции по неофициальным каналам ставятся в известность, и принц отправляется в Германию «перенимать опыт».

В Германии благодаря протекции Шультце принц знакомится с рядом высокопоставленных лиц. Среди них принц Карл фон Левенштейн, управляющий берлинского Национального клуба — объединения крупных промышленников, земельных собственников и банкиров, где можно встретить и громкие аристократические фамилии, и имена известных политиков. Все они преследуют реваншистские цели, которые перекликаются с целями зарождающегося нацистского движения. Среди членов клуба и полковник Макс Бауэр, и капитан третьего ранга Германн Эрхардт — две особенно мрачные фигуры крайней реакции. Бауэр, так же как и Эрхардт, был на первых ролях среди руководителей капповского путча (1920 г.). «Штурмовая бригада» Эрхардта известна тем, что подавила пролетарские выступления в Берлине и Баварии в 1918—1919 годах, компенсировав тем самым горечь поражения в первой мировой войне.

Господа из Национального клуба быстро нашли общий язык с Виндишгрецем. Последний узнает, что вблизи

Кельна уже образована типография для изготовления фальшивых франков, которой распоряжается Бауэр. Продукция, правда, еще не производится. Есть еще не решенные проблемы. «Национальное движение» в последнее время получило несколько тяжелых ударов, «красная реакция» еще слишком сильна, хотя в высших эшелонах власти можно рассчитывать на поддержку, друзья не стали бы противодействовать экономическому саботажу, направленному против Франции. Для размещения подобного предприятия больше подходит Венгрия; чрезвычайное положение в стране, жесткая рука «наместника империи» и его правительства гарантируют успех предприятия скорее всего именно в Венгрии.

Принц Людвиг согласен, хотя, когда раздаются комплименты в адрес «наместника империи», его лицо на какой-то момент застывает в гримасе. Ему явно не нравится скользкий предатель, который даже не умеет правильно говорить по-венгерски. Немцев это, конечно, не касается. Людвига объединяют с ними только общий враг — Франция — и совместная борьба с левыми, больше ничего.

В начале 1923 года принц Людвиг посещает типографию под Кельном, где изготовляются фальшивые деньги. Там ему предъявляются типографские пластины и пробные экземпляры изготовленных франков. Бауэр определяет качество печати как отличное, с бумагой остаются некоторые сложности. На Виндишгреца предприятие, кажется, произвело впечатление, и он согласен с тем, что машины и типографские пластины переправятся в Будапешт, как только будут улажены все формальности.

7 марта 1923 г. принц Людвиг возвращается в Будапешт, где сразу же связывается с графом Телеки. Тот, в свою очередь, информирует премьер-министра графа Бетлена о планах Виндишгреца. Решено разместить типографию в двухэтажном здании Военно-географического института на улице Ретек. Главой предприятия Бетлен назначает верховного полицейского страны Эммериха Надосси. Собственно производством заведует майор Ладислав Герё. В первую очередь намечено отпечатать 40 тыс. банкнот по 1 тыс. французских франков каждая.

Конечно, Бетлен не мог не поставить немедленно в известность и самого «наместника», его согласие было сформулировано так: «Я ничего не слышал».

В апреле 1923 года в Будапешт прибыли машины и типографские пластины в сопровождении Артура Шультце и двух экспертов.

К началу 1925 года готовы первые тысячефранковые банкноты. Юлиус фон Мешарош, человек, уже однажды обжегшийся на чешских банкнотах, приступил к выполнению задания: проверить фальшивые деньги за рубежом. Епископ Задравец выражает готовность предоставить свою виллу для хранения «готовой продукции». Сбыт денег контролирует президент почтовой сберегательной кассы Барош. Он контактирует с директором Национального банка Хорватом, с тем чтобы проверить качество банкнот. Результат уничтожающий: деньги из-за плохого качества использованной бумаги легко отличить от подлинных, сбыт их во Франции невозможен. Необходима сеть агентов по сбыту фальшивых денег за пределами Франции.

За выполнение этой задачи берется полковник генерального штаба Аристид Янкович фон Есцениц, личный друг «наместника». Он должен был под защитой дипломатического паспорта доставить фальшивые деньги за рубеж и там организовать их сбыт. В конце декабря 1925 года полковник отправляется в Гаагу. Багаж Янковича, состоящий из нескольких больших чемоданов, был опечатан в министерстве иностранных дел. Когда ставящий печати чиновник спросил Янковича, что же такое таинственное он вывозит из страны, тот не без юмора ответил: «Наверное, фальшивые деньги».

Янкович должен был сдать декларированные как «курьерская почта» фальшивые деньги в венгерское посольство в Гааге. Что заставило его отклониться от намеченного маршрута, осталось неизвестным. Во всяком случае полковник генерального штаба едет вместе с опасной «курьерской почтой» не в Гаагу, а в Роттердам. Там он встречается с двумя подчиненными ему агентами и в их присутствии в номере гостиницы вскрывает чемоданы. При этом он незаметно перекладывает в свой карман 4 тыс. франков. Жизнь за границей дорога, и для того, чтобы и здесь жить достойно, требуются деньги.

Скандал

На следующий день после своего прибытия в Роттердам полковник Янкович явился в банк и протянул кассиру тысячефранковую банкноту с просьбой обменять франки на гульдены. Кассир взял деньги, мельком взглянул на купюру, извинился, сказав, что у него кончились наличные, и попросил минутку терпения. Но он так и не вернулся. Внезапно рядом с полковником выросли два

неброско одетых господина, которые вежливо, но настойчиво рекомендовали ему не навлекать на себя лишних неприятностей и следовать с ними до полицейского участка. Янкович, побледнев, предъявляет свой дипломатический паспорт. Однако это не произвело на собеседников никакого впечатления: все выяснится в участке.

В полиции с господином полковником обошлись уже вовсе невежливо: после того, как в его бумажнике обнаруживаются еще несколько сомнительных купюр, ему приказывают раздеться. Напрасно Янкович протестует, угрожает политическими осложнениями, апеллирует к дипломатической неприкосновенности, «не отмененной и в Нидерландах», заявляет, что фальшивые деньги он с чистой совестью купил у голландца. Ничего не помогает. Это самые мучительные минуты в жизни Аристида Янковича фон Есценица. Он снимает свои офицерские брюки, остается в шелковых дамских чулках с темно-синими подвязками, под которыми спрятано еще несколько купюр.

Тут же выписывается ордер на обыск гостиничного номера Янковича, вскрывается «курьерская почта», и в руки голландской полиции попадает 10 млн. фальшивых франков.

Венгерское посольство узнало об инциденте в Роттердаме еще до официального обращения нидерландской полиции, по-видимому, от одного из агентов Янковича, которым последний продемонстрировал содержимое чемоданов. Уже через несколько часов известие доходит до Будапешта. Виндишгрец негодует: «Непростительная глупость менять деньги именно в банке!» За несколько дней до этого в Гамбурге оказался под арестом другой агент, сделавший ту же глупость в Копенгагене. Сейчас надо было спасать то, что еще можно было спасти. В Военно-географическом институте и на вилле епископа Задравца деньги были сожжены.

В последние дни декабря сотрудники французской уголовной полиции прибыли в Будапешт. Вскоре они «берут след». Безуспешными остаются попытки замешанного в афере министра внутренних дел Венгрии графа Иштвана Раковского убедить прессу, что деньги изготовлены в большевистском подполье и в деле, несомненно, участвуют русские. Французское посольство в Будапеште оказывается более информированным.

В первый день нового, 1926 года арестован секретарь принца фон Виндишгреца Дезидериус Раба. Через три дня по его стопам отправляется и его шеф.

Мировая печать с напряженным вниманием следила за происходящим в Будапеште. «Форвертс», газета германской социал-демократии, во вторник, 5 января 1926 г., сообщает: «В понедельник в Будапеште в связи с аферой с фальшивыми деньгами был арестован принц Людвиг фон Виндишгрец, бывший министр продовольствия Венгрии. Аресту предшествовал непростой разговор между «наместником престола» Хорти и премьер-министром Бетленом, причем Хорти противился аресту Виндишгреца. Французские сотрудники уголовной полиции, которые уже в течение нескольких дней находились в Будапеште, привели, однако, настолько неопровержимые доказательства участия Виндишгреца в афере вокруг фальсификации банкнот, что Хорти в конце концов дал согласие на его арест.

Эти события приобретают политическое значение, они свидетельствуют о начале открытой борьбы между партией эрцгерцога Альбрехта и премьер-министром Бетленом. Виндишгрец уже давно отошел от легитимистов и перешел в лагерь «блюстителей расы», в группу, которая готовила путч эрцгерцога Альбрехта. В самом правительстве к путчистам примыкали министр образования Клебельсберг и министр внутренних дел граф Раковский. То же самое относится и к шефу полиции, который в эти дни был отправлен в отпуск, как и ко всему «двору наместника» и самому Хорти. Между прочим, утверждают, что эрцгерцог Альбрехт уже обещал Хорти за отказ от роли «наместника империи» титул князя и крупное земельное владение».

«Форвертс» была неплохо информирована, хотя она не сообщила о том, что на самом деле все ниточки этой аферы вели в Германию. Может быть, это произошло из-за оглядки на тех влиятельных политиков, чьи позиции смыкались с Национальным клубом. Есть некоторые указания и на то, что министр иностранных дел Густав Штреземанн знал о фабрике по производству фальшивок под Кёльном.

Всего в связи с разразившимся скандалом было арестовано 45 человек. За решеткой в конце концов оказался и шеф полиции Надосси.

Прозрачная повязка на глазах Фемиды

Символ законности и справедливости — дама по имени Фемида — изображается всегда с завязанными глазами и весами справедливости в руках. Однако повязка на ее

глазах ко времени процесса против Виндишгреца, Надосси и компании, который начался в Будапеште 7 мая 1926 г., оказалась изрядно траченной молью. Во всяком случае в истории цивилизованных государств, к числу которых относила себя и хортистская Венгрия, надо поискать другой подобный судебный процесс, на котором с самого начала так попирались бы общепризнанные нормы. Председателем суда был д-р Геза Тёрёки, место которому — на скамье подсудимых, так как он с первых шагов был осведомлен об афере с фальшивыми франками. Государственный обвинитель д-р Штрахе был человеком того же круга. Ему было поручено до начала процесса согласовать с подсудимыми показания и выстричь из протоколов предварительного следствия все, что может поставить правительство в неловкое положение.

Неожиданно трудности возникли с Дезидериусом Рабой, секретарем принца, у которого вдруг проявилось чувство справедливости. Он был не согласен отдуваться за то, что в определенной степени происходило с ведома и при активном участии самого правительства. Адвокат Рабы д-р Вильгельм Вашони, человек либерального толка, в начале процесса разворачивает в газетах кампанию против правительства. Боевики одного из подпольных реваншистских союзов организуют на него нападение. Зверски изувеченный, Вашони умирает, так и не приступив к защите своего подопечного.

В узком кругу «своих» людей граф Бетлен говорит: «Я не стану предавать немцев и оказывать Франции шпионские услуги. Центр антифранцузского заговора находится в Мюнхене, подделка франков — это только одна из опор заговора». Однако для официального ответа он находит другие слова. Так, венгерское агентство печати 7 января 1926 г. распространяет его заявление, в котором Бетлен считает подделку франков преступлением и подчеркивает, что всеми силами будет содействовать расследованию аферы. Принимая это решение, он руководствуется исключительно защитой моральной сплоченности своего народа. Он или доведет расследование до конца, или уйдет со своего поста.

Это был ответ газете «Непсава» — органу венгерской социал-демократии, которая обвинила правительство в коллективной ответственности за аферу с фальшивыми деньгами и потребовала его ухода в отставку. Между тем присутствующие в зале суда становятся свидетелями странных событий.

Принц Людвиг Альбрехт фон Виндишгрец и шеф полиции Надосси представляются суду как герои нации. Виндишгрец заявляет: «Мне хорошо известно, что мои действия вступали в противоречие с уголовным кодексом, но перед лицом истории я невиновен. Я действовал в интересах великой Венгрии. Может быть, к суду привлекался премьер-министр Вильям Питт, когда он в свое время наводнил всю Европу фальшивыми ассигнациями, чтобы поставить на колени Францию якобинской диктатуры, врага своего народа? Нет! Нет, господа, британская общественность считала его не преступником, а честным человеком». Надосси тоже проникся идеей покинуть зал суда с гордо поднятой головой: «У нас не должно быть никаких колебаний в отношении Франции. Именно она виновна в том, что Венгрия лишилась двух третей имперской территории».

Премьер Бетлен не упускает шанса представить в суде Виндишгреца как исключительно порядочного человека: «Я знаю принца как человека чести и уверен, что он никогда не пошел бы на подделку денег в целях личного обогащения».

Показания лишь одного обвиняемого диссонируют с общими патетическими аккордами. Это все тот же Дезидериус Раба. Он посвящен во все детали, ему известны все теневые фигуры, включая тех, кто готов на все, чтобы заткнуть ему рот. Но он наивен. «Я был встревожен, но принц Людвиг успокоил меня, он сказал, что в деле участвуют граф Телеки и граф Бетлен». Судья прерывает его: «Это ваши фантазии. Ни у кого из обвиняемых не хватило наглости их повторить». Раба продолжает: «Государственный характер всего предприятия был очевиден. Граф Телеки и...». Тёрёки снова прерывает обвиняемого: «Итак, вы были встревожены». Рабе так и не удается связно изложить свои показания, он заканчивает их словами: «Одно я знаю точно: идея изготовления фальшивых денег родилась не у принца Виндишгреца». Суд этим удовлетворен. Вопросов о том, кому же тогда пришла в голову эта идея, не последовало.

Некоторые свидетели: граф Сиграи, маркграф Паллавичини, граф Янкович-Безан — также дают понять, что премьер-министр граф Бетлен был посвящен в акцию еще в 1923 году. Их показания не принимаются во внимание. Вершиной судебной комедии является реплика прокурора д-ра Штрахе: «Надосси заявил здесь, что правительство ни о чем ничего не знало, а Надосси можно верить».

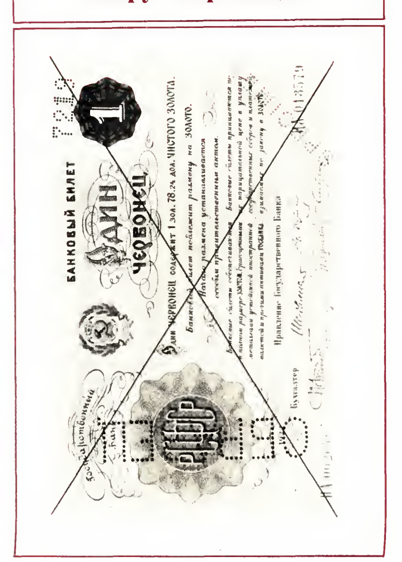
Один из основных обвиняемых, который, помимо всего прочего, использовал в преступных целях свое служебное положение, является ключевым свидетелем невиновности правительства.

Приговор высокого суда был относительно строгим. Он и должен был быть таким, чтобы придать режиму Хорти в глазах международной общественности, и прежде всего государств Антанты, видимость правового государства. Оправдание или вынесение им псевдонаказания вызвало бы новые осложнения для Венгрии, чье экономическое и политическое положение и без того было сильно ослаблено. Обвиняемые, уже подготовленные к этому в ходе предварительного следствия, были объявлены «национальными мучениками». Только Раба так и не смог примириться с мыслью, что ему предстоит за тюремными стенами отбывать наказание за свое правительство. Виндишгрец приговаривается к четырем годам тюрьмы и денежному штрафу, эквивалентному 600 маркам. Такой же приговор выносится Надосси, а также трехлетний запрет на работу в полиции. «Изменник» Раба, несогласный с приговором, получает полтора года тюрьмы. Но даже в приговоре суд находит возможным отметить «высокий патриотизм» обвиняемых. Они не какие-нибудь презренные преступники, а «жертвы катастрофического несчастья, следствием которого явилось расчленение Венгрии».

«Форвертс» 27 мая 1926 г. пророчески комментирует вынесенный приговор: «Что же дальше? Не пройдет, по-видимому, и года, как Хорти амнистирует приговоренных». Все произошло гораздо быстрее. Все осужденные, за исключением Виндишгреца и Надосси, в тот день, когда «Форвертс» опубликовала свое пророчество, уже находились на свободе. Двое основных обвиняемых могли присутствовать на рождественской мессе того же года как свободные граждане, так как 22 декабря 1926 г. Хорти амнистировал принца фон Виндишгреца и Эммериха Надосси. Принц Людвиг вообще очень недолго пребывал в тюремной камере. Премьер-министр Бетлен распорядился поместить его в госпиталь ордена иезуитов, где «черный принц» ни в чем не нуждался. Надосси тоже нельзя было жаловаться на лишения, еда ему в тюрьму доставлялась из лучших ресторанов, каждый день он мог принимать визитеров и вообще чувствовал себя, как дома.

За «заслуги перед Венгрией» регент Хорти жалует в 1927 году принцу Людвигу Альбрехту фон Виндишгрецу чин майора.

Афера вокруг червонцев

В один из декабрьских дней 1925 года в престижном парижском ресторане «Ла рю» собрались именитые посетители: Эмануэль Нобель, племянник основателя нобелевского фонда; его братья Людвиг и Роберт, которые в свое время были крупными акционерами кавказских нефтяных промыслов; генерал Макс Гофман, бывший во время первой мировой войны начальником генерального штаба германской армии на Востоке; Шалва Карумидзе, банкир и буржуазный политик, эмигрировавший из Грузии; Спиридон Кедиа, председатель национал-демократической партии грузинских эмигрантов; сын крупного грузинского землевладельца Василий Садатирашвили, который с 1917 года проживал в Германии, и, наконец, Георг Эмиль Белл, международный шпион, который одновременно работал на британские и немецкие спецслужбы, на нефтяной концерн «Ройал датч-Шелл», а также состоял в фашистской милитаристской организации «Флаг рейха». Это избранное общество объединяла цель, которую Гофман сформулировал так: «Эти объединенные державы (Франция, Англия и Германия) должны своей совместной военной интервенцией свергнуть Советское правительство и восстановить экономически Россию в интересах английских, французских и германских экономических сил. Ценным было бы участие, прежде всего экономическое и финансовое, Соединенных Штатов Америки. При этом были бы обеспечены и гарантированы особые экономические интересы Соединенных Штатов в русской экономической области».

Эмануэль Нобель выступил на этой конференции, защищая не только свои собственные интересы. Он говорил о содействии германской военной силы и о возможностях, которые нужно использовать для того, чтобы заручиться поддержкой английского капитала и английских политиков при «освобождении» Грузии. За Нобелем стоял

сэр Генри Детердинг — генеральный директор и крупнейший акционер «Ройал датч-Шелл», компании, которая, как и группа Нобеля, считала, что «Советы похитили» их нефтяные месторождения на Кавказе. Из 2,3 млрд. золотых рублей иностранных капиталов, инвестированных в России до революции, 250 млн. приходилось на нефтепромыслы Баку, Грозного, Майкопа и Эмбы.

Военное вторжение в Грузию, решение о котором было принято в парижском ресторане одновременно с образованием грузинского освободительного комитета, должно было создать плацдарм для захвата Кавказа, а потом, по планам Гофмана и других фанатиков-крестоносцев, — для «освобождения» всего Советского Союза.

В феврале 1926 года в квартире Гофмана в Берлине состоялось заседание в еще более расширенном составе. 30 человек, в том числе и депутаты рейхстага, заслушали Гофмана. Здесь же впервые была высказана мысль «добиться свержения правительства путем выпуска фальшивых денег». Среди приглашенных двое имели опыт в подобного рода делах. Еще до революции они развернули фальшивомонетный промысел и вплотную познакомились с юстицией «царя-батюшки». Карумидзе был приговорен к смертной казни, Садатирашвили — к 12 годам каторги. Обоим удалось бежать и с невероятными приключениями оказаться в Германии.

В том же обществе было еще два первостатейных преступника: 1. Капитан третьего ранга Герман Эрхардт, люди которого в 1919 году залили кровью Берлин, Мюнхен и Брауншвейг. Это он был одним из руководителей каповского путча. Образованная им в 1920 году организация «Консул» организовала убийство Вальтера Ратенау, министра иностранных дел Германии. С Эрхардтом мы, кстати, встречались и в предыдущей главе. 2. Д-р Ойген Вебер, в первую мировую войну — капитан, в 1919 году отличился при разгроме Баварской советской республики. Сейчас, в 1926 году, он опекал Движение зарубежных немцев. Политические концепции находились в русле идей его «коллеги по союзу» генерала Гофмана.

Следующую встречу этих международных преступников в Гааге в марте 1926 года почтил своим присутствием и «серый кардинал» этого сообщества — сэр Генри Детердинг в сопровождении трех ведущих управляющих «Ройал датч-Шелл». Детердинг к этому времени установил контакты со многими влиятельными людьми во всех концах Европы. В начале января 1926 года лондонская «Морнин-

гпост» познакомила своих читателей с политическим кредо нефтяного короля: «С большевизмом в России будет покончено еще до конца этого года; после этого Россия будет пользоваться доверием во всем мире. Для каждого, кто будет готов к сотрудничеству, она откроет свои границы. Деньги, кредиты и, что еще важнее, заказы рекой потекут в Россию».

Через три месяца после конференции в Гааге последовала конференция в Лондоне. Круг участников был расширен за счет балтийских эмигрантов — фон Клейста и фон Курселля, а также статс-секретаря британского министерства иностранных дел Локкера Лэмпсона. «Большевизм должен быть уничтожен!» — такова основная идея, звучавшая на этом заседании. Здесь же была внесена окончательная ясность в подготовленное германо-английское соглашение по военным и экономическим вопросам об агрессии на Украину и Кавказ и превращении этих регионов в германский и британский протектораты.

Снова и снова ораторы обосновывали «право» на эту военную авантюру. Детердинг повторил свое заявление, которое уже неоднократно появлялось на страницах правобуржуазных газет Англии, Франции и Германии: 60 % нефтяных промыслов на Кавказе — его собственность, и добавил, что готов предоставить для финансирования крестового похода столько, сколько он получит на Кавказе за 10 лет эксплуатации промыслов. Сумма получалась очень большая — примерно 1 млрд. марок. Но все равно военное предприятие стоило дороже. Были названы и такие цели агрессии, как обеспечение «защитной функции», стремление уберечь мир и Европу от «большевистской экспансии». Последующие версии ограничивались нейтрализацией «опасности с Востока» и «борьбой со злом».

Что в действительности стояло за «борьбой за освобождение Грузии», можно видеть хотя бы из повестки дня лондонской конференции, которая лишь 4 февраля 1930 г. была предана гласности буржуазно-либеральной газетой «Фоссише цайтунг», — англо-кавказские переговоры, подготовка договоренностей с представителями владельцев кавказской нефти; предложение о том, чтобы в дальнейшем согласовывать английские и германские интересы на Украине; возможности организации германских военных поселений.

В кулуарах конференции Шалва Карумидзе проводил конфиденциальные переговоры с ведущими представителя-

ми британских предпринимателей и финансистов, в том числе и с Детердингом. Не кто иной, как сам герцог Георг фон Лейхтенберг, потомок Наполеона I, бывший полковник царской армии, дал рекомендательные письма профессиональному фальшивомонетчику. В этих посланиях говорилось о «выдающемся значении» планов Карумидзе, которые «имеют в Германии широкую основу». Идея, заключающаяся в том, чтобы парализовать фальшивыми деньгами экономику Советской России или во всяком случае нанести ей чувствительный ущерб, очевидно, обсуждалась на конференции вне официальной повестки дня. Во всяком случае Детердинг 10 июня 1926 г. заявил английским газетчикам о том, что инфляция стоит на пороге Советского Союза.

Из повестки дня лондонской конференции следовало, что с представителями политически влиятельных сил в Турции, Болгарии, Персии, Румынии, Польше, Финляндии и Чехословакии с успехом были проведены переговоры об их участии в планируемой акции. В правительственных кругах, между тем, от этих планов дистанцировались, не отказывая заговорщикам в моральной поддержке организуемыми в прессе время от времени антисоветскими кампаниями. Уинстон Черчилль, бывший в то время британским министром финансов, 20 января 1927 г. выступил с похвалой в адрес итальянского фашизма, сказав, что, будь он итальянцем, он с самого начала присоединился бы к Муссолини, к «его борьбе и победе над бестианской хищностью и дикостью ленинизма». Когда Детердинг попытался найти союзников и во Франции, где он владел несколькими ежедневными газетами, то потерпел фиаско: интересы Детердинга не совпадали с интересами Франции. Кавказская авантюра не привлекла внимания и компании «Стандарт ойл». Детердинг добился лишь официального признания со стороны администрации США Комитета за освобождение Кавказа. О финансовой поддержке не было и речи.

В Англии в переговорах с правительством о своих планах сэру Генри Детердингу повезло больше. Сэр Уильям Джойнсон-Хикс, британский министр внутренних дел и личный друг сэра Генри, подписал 12 мая 1927 г. приказ о штурме и разграблении пользующегося дипломатическим иммунитетом советского торгового представительства «Аркос». Под предлогом, что в ходе этого полицейского налета были обнаружены документы, якобы подтверждающие шпионскую деятельность этого предста-

вительства, английское консервативное правительство разорвало дипломатические отношения с Советской Россией. Журнал «Форин афферс» сделал интересное наблюдение, являющееся немаловажным для оценки этого маневра: «То, что выдворенными агентами «Аркоса» оказались как раз те, кто занимается продажей нефти, оставляет впечатление об очень тесном совпадении защиты общих частных интересов с защитой неких нефтяных интересов». Спустя пять месяцев, 7 октября 1927 г., сэр Генри сможет записать на свой счет частичный успех антисоветской пропаганды во Франции: советский посол высылается из страны, хотя до разрыва дипломатических отношений, на который надеялся Детердинг, дело не дошло.

Акция «червонцы» набирает обороты

После окончания интервенции и гражданской войны Советский Союз принял первые меры по стабилизации разрушенной валютной системы: червонец был шагом к новому стабильному рублю. Один червонец равнялся 10 рублям (с 1924 г. — 21,60 рейхсмарки). Эти банкноты с 25-процентным золотым покрытием выпускались достоинством в 1, 2, 3, 5, 10 и 25 червонцев. Наряду с этим с 1924 года в обращении находились казначейские билеты в 1 и 3 золотых рубля, которые в Советской России должны были приниматься по нарицательной стоимости, в международных расчетах — по официальному курсу золотого рубля. Кроме того, в 20-е годы циркулировали банкноты в 3 и 5 рублей (с 1924 и 1925 гг. соответственно), а также серебряные монеты достоинством в 1 рубль (с 1921 г.).

Грузинско-германская банда фальшивомонетчиков (Карумидзе, Садатирашвили, Вебер и Белл) со своими закадровыми фигурами и агентами специализировалась на выпуске тех советских банкнот, которые при относительно высокой стоимости чаще других встречались в денежном обороте: в 1, 2 и 10 червонцев. Банкнота в 1 червонец облегчала труд по ее подделке, так как она печаталась только с одной стороны.

Разворачивая свое производство, фальшивомонетчики торопились, к тому же они, вероятно, не рассчитывали на то, что среди русских, грузин и украинцев найдутся люди, способные отличить настоящие деньги от фальшивых. Имитация рисунка была прекрасной, но качество бумаги явственно отличалось от оригинала. Бумага, 10 тыс.

заготовок с необходимыми водяными знаками, поступала с одной баварской фабрики.

В мюнхенской типографии Иоганна Шнайдера осенью 1926 года появилось 15 тыс. фальшивых банкнот. Примерно 12 тыс. их было отправлено в Советскую Россию.

База изготовителей фальшивых денег находилась в Берлине, Цигельштрассе, 24, на квартире бывшего царского офицера Трапезникова, который содержал низкопробное питейное заведение. Из Берлина фальшивки доставлялись в Данциг, где дислоцировался белогвардейский Союз офицеров армии и флота. Во главе этого союза стояли экс-генералы Лебедев и Глазенапп. Последний был близок к эмигрировавшему претенденту на русский престол великому князю Кириллу.

В начале 1927 года центр фальшивомонетчиков переносится из Мюнхена во Франкфурт-на-Майне. Типографию здесь предоставляет Карл Бёле, фанатичный национал-социалист, владеющий помимо типографии и книжным магазином. Садатирашвили также вынужден попрощаться с Мюнхеном и со своей невестой. «Молись, — говорит он ей, — чтобы мне повезло, тогда у нас будет свой дом». Грузин пока не испытывал недостатка в рекомендательных письмах самого различного содержания, которые позволили ему (вместе с Гофманом) получить аудиенцию у У. Черчилля. С деньгами дело обстояло иначе. Для организации производства фальшивых денег ему и Карумидзе было выделено 15 тыс. марок, скорее всего из фондов Детердинга.

Во Франкфурте предприятие было поставлено на широкую ногу, но невеста Садатирашвили молилась недостаточно горячо.

У комиссара Эриха Либерманна фон Зонненберга, руководителя службы по борьбе с фальшивомонетничеством криминальной полиции Берлина, уже в течение нескольких недель накапливалась информация о появлении в столичных банках поддельных русских банкнот. В анонимных звонках неоднократно назывался д-р Леонард Беккер, ревностный сторонник Гитлера, который, как выяснилось несколько позже, выполнял функции дилера при банде фальшивомонетчиков. За д-ром Беккером было установлено наблюдение, и в начале августа 1927 года он был арестован в одном из берлинских банков при попытке обменять фальшивые червонцы на марки. Выяснилось, что д-р Беккер был руководителем технического бюро мюнхенской машиностроительной фирмы «Маффей и Шварц-

копф», производящей локомотивы, а в той же фирме служил некий Георг Белл, уже известный полиции.

«Безупречное» преступление, в которое были вовлечены люди, занимавшие высокие государственные посты (например, министр иностранных дел Штреземанн), потерпело крах в том звене, которое осталось вне поля зрения международных аферистов. Прусская криминальная полиция, не посвященная в происходящее, не позволила с собой шутить. Дело стали раскручивать, вышли на след Садатирашвили, но в его мюнхенской квартире обнаружили только Карумидзе, за которым на тот момент ничего не числилось. Карумидзе тут же забил тревогу, пытаясь предупредить своих «коллег». Но было поздно. 11 августа полиция ворвалась в типографию Бёле во Франкфурте. Садатирашвили был арестован — из портфеля, который он держал в руках, были изъяты шесть типографских пластин. Эта акция, срежиссированная комиссаром Либерманном фон Зонненбергом, дала в руки криминальной полиции 120 тыс. полуфабрикатов банкнот червонцев и бумагу, из которой можно было бы изготовить еще 1,2 млн. банкнот.

Ротмистр Шиллер

В мае 1928 года в берлинском отеле «Эксельсиор» была проведена тайная встреча, в которой участвовали Арвид фон Сиверс, отпрыск балтийского дворянского рода, бывший офицер царской армии; генерал Петер фон Глазенапп, влиятельный представитель германских промышленников и финансистов, а также оставшийся неизвестным британский генерал. Георгий Польский в вышедшей в 1982 году книге «Рыцари фальшивых банкнот» пишет, что есть основания предполагать, что этот генерал, знакомый Глазенаппа по армии Юденича, действовал по заданию У. Черчилля. На повестке дня стояли вопросы оживления и стимулирования всех видов антисоветской деятельности, будущей программы Союза офицеров армии и флота.

Вернувшись в Данциг, Глазенапп собирает руководство этого союза и ставит перед его членами совершенно четкие задачи: шпионаж, диверсии, активизация нелегальной деятельности... Среди «делегатов» был и ротмистр Альберт Шиллер, происходивший из разбогатевшей литовской крестьянской семьи, который благодаря хладнокровию, храбрости и быстрой реакции из серошинельного

солдатика дослужился до штабс-фельдфебеля. Когда вспыхнула февральская революция, солдат с четырьмя Георгиями на груди становится офицером. Штабс-ротмистром Глазенапп сделал Шиллера позже, когда тот в 1922 году вошел в офицерский союз.

Задания, которые Шиллер получил от Глазенаппа, превращали его в центральную фигуру при доставке фальшивых денег в Советский Союз. Глазенапп, конечно, знал о бесславном конце франкфуртской фабрики по изготовлению денег, но был уверен, что его друзья найдут способы возобновления производства. Пока в его распоряжении было 12 тыс. червонцев, и привести их в движение должен был адъютант генерала — Альберт Шиллер.

В сентябре 1928 года с помощью банды профессионалов, специализирующихся на переброске людей через границу между Литвой и Советским Союзом, Шиллер отправляется на «рекогносцировку местности», прихватив с собой пару сотен банкнот, с тем чтобы передать их «нужному» человеку, а заодно осторожно осведомиться о житье-бытье некоторых товарищей по полку. Ротмистр удачлив, он не привлекает к себе внимания, завязывает первые контакты и через неделю возвращается в Данциг.

Глазенапп с удовлетворением выслушивает отчет своего адъютанта. Он доволен. У него были определенные расхождения с группой Карумидзе. Для Глазенаппа главное — Россия, а не Кавказ или Украина. Георг Белл тем временем отправился в Трапезунд. Там действовавший в общих германо-английских интересах двойной шпион (он был для этого самой подходящей кандидатурой: его отец был немцем, мать — англичанкой) должен был установить контакты с кавказскими националистами и готовить заговор. К тому моменту, когда немецкие войска будут готовы к вторжению, заговорщики должны были инсценировать вооруженное восстание против Советской власти. Через несколько дней туда же за Беллом последовала группа инженеров и техников. Это были офицеры рейхсвера.

Между тем крупные суммы фальшивых денег поступили к этому времени из Парижа, где старые знакомые еще по прежним временам без лишнего шума организовали соответствующее производство. Это были Мясоедов, бывший вице-губернатор Сувалок (теперь город в Северо-Восточной Польше), Симанович, бывший личный секретарь Распутина, а также белогвардейцы Эристов и Литвинов.

В конце октября Альберт Шиллер предпринимает вторую вылазку «на территорию противника». Этому предшествовал подробный инструктаж, полученный в рейхсвере, генштабе латвийской армии (работавшем на французскую разведку), а также некоего Судакова, подвизавшегося в английском посольстве в Латвии.

В Ленинграде Шиллеру удается разыскать старого знакомого, бывшего драгуна-прапорщика Алексея Гайера. Тот находится в глубокой депрессии. В бедно обставленной «меблированной» комнате изобильно представлены лишь пустые водочные бутылки. Старый фронтовой друг умоляет своего нежданного гостя вызволить его отсюда, помочь перебраться в Германию. «Эта жизнь не для меня, — говорит Гайер, — что у меня есть? Грязная работа на кожевенной фабрике. Денег с трудом хватает, чтобы залить свои горести». Шиллер вручает отчаявшемуся приятелю пачку фальшивых денег, обещает организовать его побег в Германию, но за это требует забыть о водке и принять участие в его предприятии.

Гайер держит свое слово. Прежде всего он сводит Шиллера с его бывшими однополчанами: штабс-ротмистром Николаем Федотовым и неким Карштановым. Федотов, работающий на судоверфи, как и Гайер, недоволен своей жизнью и сразу заявляет о готовности к шпионской деятельности на верфи в обмен на оказание помощи при побеге в Германию.

Федотов добровольно обязуется распространять фальшивые деньги. Но уже после первой попытки расплатиться в магазине фальшивыми купюрами он с большим трудом уходит от погони.

Федотов был уже готов взять слово, данное Шиллеру, назад, но ему приходит в голову «спасительная» мысль действовать через третьих лиц, поручить опасное дело другим. Он покупает билет на поезд и отправляется в сторону Мурманска, на станцию Сванка, где было всего сотни две жителей. Там жил его дальний родственник Биткин. Богом забытое место представлялось идеальным тайником для горячих опасных денег.

Биткин жил в собственном деревянном доме, который, как и его хозяин, знавал и лучшие времена. Сейчас Биткин коротал дни в качестве церковного старосты, пробавляясь мелкой спекуляцией.

Когда Биткин открывает дверь и видит на пороге Федотова, родственники встречаются натужно-радостно. Оба в общем-то никогда не питали друг к другу теплых

чувств. Ротмистр быстро переходит к делу. Он вручает Биткину туго перевязанную шпагатом коробку из-под обуви фабрики «Скороход» и наслаждается испугом хозяина, когда тот открывает коробку. Она заполнена червонцами. «Возьми себе пару этих бумажек, а коробку зарой у себя в подполе», — командует Федотов. Сбитый с толку хозяин вскакивает, шаркает валенками, пытаясь щелкнуть каблуками: «Так точно, господин ротмистр!» «Что бы ни случилось, — строго предупреждает его гость, — обо мне ни слова!»

Федотов следующим поездом возвращается в Ленинград с чувством, что все улажено и все треволнения позади. С легким сердцем он докладывает Гайеру, что поручение выполнено и деньги без всяких затруднений пущены в обращение.

Добросовестный связист

Когда почтовый служащий Сепалов ранним ноябрьским утром 1928 года приступил к своим обязанностям на станции Сванка, он и не догадывался, что всего через пару недель его имя обойдет все газеты, а его самого для вручения награды пригласят в Москву.

Это был самый обычный день. Сепалов натопил печку, поставил самовар и прочитал сообщения, поступившие за ночь. На затерянной станции любая весть из центра была интересна. Новостей было немного. Неоднократно звучали предупреждения о появлении фальшивых денег и о том, чтобы служащие банков и почтовых отделений повысили бдительность.

Ближе к обеду появился первый в этот день посетитель — гражданин Биткин. Неспешно обсудив с Сепаловым погоду и нехитрые местные новости, он оформляет денежный перевод на 30 рублей в адрес государственного страхового общества. Это страховка строений, принадлежащих церкви. Биткин расплачивается тремя купюрами. Сепалов выписывает квитанцию. Биткин прощается и уходит.

Сепалов кладет червонцы в кассу, что-то его останавливает, и он снова берет деньги в руки. Купюры совсем новые, но почему-то на ощупь кажутся ему слишком мягкими. Новые деньги не такие. Они жестче, а эти совсем не хрустят. Сепалов забирает червонцы, закрывает почту и отправляется в филиал банка, который имеется здесь

же, в Сванке. Там банкноты подвергаются проверке. Выглядят они совершенно нормально, а вот с бумагой что-то не так. Гражданин Сепалов совершенно прав.

Банкноты отправляются в Ленинград на экспертизу. Оттуда телеграфом запрашивают, кто предложил эти банкноты.

Камень покатился. Из Ленинграда прибыли сотрудники ОГПУ, Биткин арестован, при обыске в его доме обнаружена картонка с деньгами.

Ленинградскому следователю Биткин рассказывает все, не называя сначала имени своего посетителя. «Господин иностранец» еще интересовался настроениями, нет ли противников советской власти. Что он, Биткин, мог ему сказать, он из своего угла и не вылезает. Но очень скоро личность Федотова устанавливается. В доме Биткина найдена фотография ротмистра со всеми регалиями. Биткин называет имя своего родственника. События ускоряются. Аресты Федотова и Карштанова следуют незамедлительно.

Пренебрежительное отношение Шиллера к властям дорого ему обходится. «Мастер» шпионажа оказывается за решеткой. Точку в его карьере ставит обыкновенная проверка документов. 16 ноября 1928 г. два милиционера останавливают человека, назвавшегося Александром Карловичем Гринбергом, у которого не оказывается документов. При обыске у него обнаруживают заряженный револьвер и 222 червонца. Шиллер так и не успел выполнить до конца инструкций и обеспечить себя документами, удобный случай все не подворачивался. На следствии он дал показания, что должен был убить кого-нибудь и завладеть его документами. На все вопросы Шиллер дал исчерпывающие ответы. Фальшивые червонцы ему передал в Берлине Гаральд Сиверт, бывший царский офицер. Он должен был также собирать информацию об экономическом положении Советского Союза, о состоянии Красной Армии, о настроениях населения, создавать контрреволюционные группы и инсценировать восстания в РСФСР и на Украине. Ротмистр Альберт Шиллер в январе 1929 года был приговорен к смерти и казнен.

Именем народа

В это время в Германии происходили странные вещи. Еще в сентябре 1927 года комиссар Либерманн фон Зонненберг получил из высших инстанций письмо с благодар-

ностью за добросовестную службу. Одновременно он отстранялся от ведения дела, связанного с фальшивыми червонцами, под тем предлогом, что создано отдельное подразделение, специально занимающееся его расследованием. Руководили этим подразделением в качестве следователя земельный судебный советник Крюгер и прокурор Васмунд. Это были, по отзыву их клиента, подследственного д-ра Ойгена Вебера, «проверенные национальные кадры».

Георг Белл, уже имевший неприятности с правоохранительными органами в связи со шпионажем, в мае 1928 года был арестован, но, несмотря на объемное досье, которое было на него заведено в полиции, уже через два месяца вновь оказался на свободе.

Когда Советское правительство запросило доступ к следственным материалам, бумаги «затерялись» по дороге из Мюнхена. Они оказались в распоряжении клики изготовителей фальшивых денег. Последние изготовили фотокопии материалов, которые были предоставлены основным действующим лицам аферы: Детердингу, Нобелям и другим. Соответствующие разоблачения, опубликованные газетой «Роте фане», вынудили прусского министра юстиции заставить Васмунда за четыре дня до начала процесса по делу о подделке червонцев подать преждевременно в отставку «по состоянию здоровья».

Но игра еще не была закончена. Адвокат обвиняемых откровенно угрожал, что «при прениях сторон могут всплыть такие детали, которые представят министерство иностранных дел в невыгодном свете... Так, Белл утверждает, что действия, которые ему ставятся в вину, он предпринимал с ведома министерства иностранных дел. Есть в деле показания, в которых прямо упоминается участие в афере молодого Штреземанна». «Молодой Штреземанн» — это сын министра иностранных дел, того самого, который знал об истории с червонцами, точно так же, как и три года назад он знал о подготовке «акции Виндишгреца». Назревал небывалый скандал, волны которого захлестнули бы и высокие правительственные кабинеты. И вот 27 июля 1928 г. земельный уголовный суд в Берлине принял решение закрыть дело и освободить обвиняемых.

Наркоминдел Советского Союза Максим Литвинов выступил с энергичным протестом. Уйти от осложнений не удавалось. Левые силы в Германии и в других капиталистических странах заставляли считаться с собой. Разоб-

лачения, которые появлялись в левой прессе, вызывали в народе опасные для правящих кругов настроения. Судебное разбирательство стало неизбежным.

6 января 1929 г. процесс начался. Он с самого начала превратился в фарс. Карумидзе, сияя, следил за всем происходящим, присутствуя на ежедневных «завтраках с прессой» в Швейцарии.

8 февраля судебная комедия, действие которой больше напоминало оперетту или мюзикл, закончилась. В решении суда говорилось, что обвиняемые действовали не в своих корыстных эгоистических интересах, их национальное рвение было направлено на обеспечение «общего блага», что не может быть поставлено им в вину. Все обвиняемые были освобождены.

Влиятельные круги немецких промышленников и финансистов тоже высказывались против этого откровенно антисоветского приговора. К этому времени уже наступила «черная пятница». 25 октября 1929 г. пробил час мирового экономического кризиса. Антисоветская пропаганда, на которую власти до поры до времени взирали благосклонно, теперь становилась экономически невыгодной. Советский рынок мог бы быть спасением для многих предприятий.

В конце концов стало преобладать мнение, в соответствии с которым репутация цивилизованной нации стоит некоторых жертв. Под давлением немецкой общественности и соответствующих демаршей со стороны Советского Союза летом 1930 года началось слушание дела в апелляционной инстанции, которое стало не чем иным, как вторым действием того же фарса. Карумидзе был осужден, он получил два года и четыре месяца тюрьмы, что доставило ему редкое удовольствие, так как он попрежнему находился в швейцарском убежище. Садатирашвили тоже с улыбкой выслушал приговор: два года тюрьмы. Именно этот срок он уже отбыл под следствием, теперь он был свободен. Белл и Шмидт отделались денежными штрафами не из своего кармана.

Карумидзе и Садатирашвили после прихода к власти клики Гитлера были встречены в Германии с распростертыми объятиями. Георгу Беллу повезло меньше. Англо-германский двойной агент стал опасен для определенных кругов Германии. Он мог знать больше, чем следовало, о поджоге рейхстага 27 февраля 1933 г. 5 апреля 1933 г. в его квартиру в Куфштейне (Тироль) постучали два агента службы безопасности. Газеты сообщили о его самоубийстве.

Фунты стерлингов из Заксенхаузена

Уже неделю Альфред Науджокс ждет в Глейвице условного сигнала. В полдень 31 августа 1939 г. он держит в руках шифровку за подписью Гейдриха. «Операция Гиммлер» должна начаться в тот же день в 20 часов. Это приказ о нападении на германскую радиостанцию Глейвиц, инсценированном переодетыми в польскую военную форму эсэсовцами. После того как радиостанция захвачена, один из нападавших, владеющий польским языком, выступает по радио с трехминутной речью, в которой заявляет, что Польша вступает в войну с Германией. В качестве улики у радиостанции остается бывший заключенный концентрационного лагеря, названный в тайном приказе «консервой». Его обработали наркотиками, переодели в польскую форму и доставили в помещение радиостанции, где хладнокровно убили.

Это нападение должно было дать немецким фашистам пропагандистский повод для агрессии против Польши, и уже на рассвете 1 сентября полтора миллиона немецких солдат перешли польскую границу. Через два дня последовали официальные заявления об объявлении войны Германии со стороны Англии и Франции. Вторая мировая война началась.

Альфред Науджокс, гауптштурмфюрер СС, которому тогда было 27 лет, чрезвычайно гордился своим «историческим» поступком. Коричневые властители, пришедшие к власти в Германии, делали ставку на молодых, честолюбивых, получивших нацистское воспитание людей, «твердых, как крупповская сталь» и готовых к безусловному выполнению всех приказов. К этой гвардии молодых послушных людей, способных на любое преступление, принадлежал и бывший рабочий гамбургской верфи Альфред Х. Науджокс, типичный нацистский боевик и убийца, член НСДАП с 1931 года. Перспективный

кадр уже в 1934 году был принят в службу безопасности — СД — элитную часть СС.

Альфред Науджокс продвинулся до руководителя «технической группы» центрального аппарата СД и в конце 1939 года получил еще одно «спецзадание».

Нацистская верхушка никак не рассчитывала на столь быструю реакцию Франции и Великобритании. «Операция Вайсс» — таким кодом было зашифровано нападение на Польшу — должна была начаться 25 августа 1939 г. Но тут поступило сообщение о договоре о взаимной помощи между Великобританией и Польшей в случае германской агрессии. Вторжение приостановилось. Геринг перед судом военного трибунала в Нюрнберге дал по этому поводу следующие показания: «Фюрер сказал мне, что он задержал выступление против Польши. Я спросил, будет ли эта задержка временной или окончательной. Он ответил: „Я должен посмотреть, сможем ли мы предотвратить вмешательство Англии“».

Показания других военных преступников в Нюрнберге подтверждают, что руководители нацистской Германии до последнего момента были уверены, что британское правительство уступит германскому нажиму точно так же, как это уже было сделано в мюнхенском соглашении в 1938 году. Но Великобритания и Франция решили не превращать Мюнхен в традицию, они объявили Германии войну. Свидетельствует д-р Пауль Шмидт, руководитель службы переводов рейхсканцелярии: когда стало известно об объявлении войны Англией и Францией, Геринг не смог сдержать возгласа: «Если мы проиграем эту войну, то пусть нас пощадит небо!» Обычно велеречивый шеф пропаганды Геббельс «застыл в углу с отрешенным видом». Прежде всего колониальная держава Великобритания располагала почти неисчерпаемыми экономическими и военными ресурсами. И вот уже через несколько дней после вступления в войну Великобритании и Франции началась реализация плана «Андреас».

План «Андреас»

К духовным отцам плана «Андреас», который, по всей вероятности, был подготовлен заранее на случай войны с Англией и Советским Союзом, помимо «экспертов по червонцам» и руководства СД принадлежал Яльмар Шахт. Шахт имел соответствующий опыт: в годы первой мировой

войны он осуществлял на фальшивые бельгийские франки закупки в оккупированной Бельгии. В качестве президента имперского банка и министра экономики до 1938/39 года он был человеком, который путем проведения активной инфляционной политики перевел экономику страны на милитаристские рельсы. Хотя ко времени «запуска» плана «Андреас» Шахт уже не являлся министром экономики, он по-прежнему входил в состав кабинета министров.

Непосредственным руководителем акции по изготовлению фальшивых денег был назначен Науджокс, чьи качества четкого организатора были по достоинству оценены. Конечно, подготовка велась в строжайшей тайне, операция проходила под грифом «секретной акции рейха». Операцию курировали такие мастера преступных дел, как обергруппенфюрер СС, шеф имперской службы безопасности, включая гестапо и СД, Рейнхард Гейдрих, с 1942 года, после убийства Гейдриха, — его преемник, имевший те же чины и посты, Эрнст Кальтенбруннер, группенфюрер СД Вальтер Шелленберг, бригадефюрер СД Отто Раш и гауптштурмфюрер СД Вильгельм Хеттль.

Первая мастерская предприятия по изготовлению фальшивых денег в конце сентября 1939 года разместилась в берлинском пригороде Груневальдь, на Дельбрюккштрассе, 6а. Полтора года здесь напряженно трудились опытные специалисты. В условиях полной секретности и под неусыпным наблюдением «ненавязчивых» опекунов они стремились сымитировать приравненные на мировом рынке к золоту банкноты Великобритании. Подрыв британской экономики был лишь одним из аспектов плана «Андреас». Гитлеровской Германии срочно нужна была валюта на закупки сырья для своей милитаризированной экономики.

Наибольшие трудности были связаны с изготовлением соответствующей бумаги. Подлинная бумага, на которой печатались английские деньги, была подвергнута сотням анализов. Скоро выяснилось, что эта бумага имеет в основе волокна льна. Но бумага, которую с учетом этих выводов производила фирма «Ханемюле Гмбх» в Дасселе, округ Эйнбек, все еще слишком заметно отличалась от оригинала. В конце концов было сделано важное уточнение: лен, который использовали англичане, был турецкого происхождения. Когда это открытие было внедрено в производство бумаги, она стала гораздо ближе к оригиналу.

К тому времени производство фальшивых денег было поручено типографии «Август Петрик» в Берлине. Клише поступали из химических лабораторий СД, где изготовлялись самые разные фальшивки. В марте 1941 года была проведена экспериментальная проверка качества продукции типографии.

Руководителем службы по распространению денег был штурмбанфюрер СС Фридрих Швенд. Швенд отправил своего ассистента Рудольфа Блашке «в отпуск» в Швейцарию. Швейцарские пограничники были поставлены в известность, что в страну направляется весьма подозрительная личность, имеет смысл тщательно проверить его багаж. Таможенники не обнаружили ничего предосудительного.

После этого в путь отправился «коммерсант». Через банковское учреждение СД проинформировало швейцарские органы, специализирующиеся на выявлении фальшивых денег, что в Базеле предполагается реализовать крупную сумму фунтов стерлингов, которые могут оказаться поддельными. Деньги были признаны настоящими.

Все шло, таким образом, замечательно, однако в тот момент, когда производство фальшивых банкнот могло развернуться на полную мощность, оно было внезапно остановлено. Фашистский рейх готовился выполнить план «Барбаросса», напасть на Советский Союз. Гитлер 17 июня 1941 г. назначил начало кампании на 22 июня. Наполеоновские войска форсировали Неман днем позже 139 лет назад.

За шесть недель до этого дня происходит нечто таинственное. 10 мая 1941 г. второй человек в нацистской иерархии Рудольф Гесс на боевом самолете «Мессершмидт-110» улетел в Шотландию и приземлился на парашюте вблизи замка герцога Гамильтона. Через этого английского аристократа, которого Гесс лично знал с Олимпийских игр 1936 года, он хотел начать с британским правительством переговоры о мире. Германия, развязывая войну с Советским Союзом, хотела обеспечить себе прочный тыл. В случае успеха эта авантюра была бы подана как гусарская удаль «героя — национал-социалиста». Именно в те дни раздавались угрозы «разрушить Лондон до основания» превосходящими силами «люфтваффе». Язык секретных депеш, направляемых после этого в тот же Лондон, был иным: «войну ограничить только Востоком, а за это она должна быть прекращена на Западе». Все это напоминало миссию шведского диплома-

та Биргера Далеруса, который по просьбе своего «друга» Германа Геринга в качестве неофициального посредника улетел в Лондон еще 25 августа 1939 г., чтобы «найти взаимопонимание» с британским министром иностранных дел лордом Галифаксом. Когда миссия шведа лопнула, он дал руководителям рейха совет: в Лондон должен лететь лично премьер-министр Геринг, о чем Далерус проинформировал британское правительство. Англичане же упорствовали в своем ультиматуме: для переговоров необходимо прекращение войны с британскими союзниками. Без соблюдения этих условий правительство его королевского величества не имеет ни времени, ни возможностей для дискуссий с господином Герингом. Без сомнения, Гесс предпринял свой полет не без ведома других бонз третьего рейха.

Вероятнее всего именно эти события привели к внезапной остановке выполнения плана «Андреас». Юлиус Мадер, напротив, предполагает, что типография «Петрик» переключилась на изготовление рублей. При этом он опирается на сообщение итальянской газеты «Унита» от 3 ноября 1963 г., а также на материалы совещания, которое проходило 28 мая 1941 г. в Берлине, на котором присутствовали имперский министр экономики и президент имперского банка Вальтер Функ, рейхсляйтер Розенберг, крупный имперский деятель Мейер, высокопоставленный представитель штаба Шиккеданц, обербургомистр Берлина Винклер, директор рейхсбанка Вильгельм и другие руководители и ответственные лица фашистского рейха. Было зафиксировано, в частности, следующее: «Необходимо позаботиться о том, чтобы располагать достаточными средствами в рублях. Рубли следует печатать в Германии, а также использовать изготовленные клише, которые могут пригодиться как в войсках, так и для самых различных закупок. Установить при этом обменный курс рубля к рейхсмарке будет весьма затруднительно. Необходимо учитывать и инфляцию, которая может возникнуть из-за выпуска новых рублевых денег... Надо считаться и с тем, что русские, отступая, будут увозить с собой максимальное количество настоящих денег и что может сложиться ситуация, когда не будет и клише для изготовления рублей... Обербургомистр Берлина Винклер предлагает изготовлять уже сейчас рубли в Германии в необходимом объеме и предоставлять их в распоряжение военных, используя ротационные машины. Он этот вопрос изучил и пришел к выводу, что

с выполнением этой задачи могут справиться частные типографии. Конечно, бумага не будет соответствовать русскому оригиналу, и населению надо будет объяснить, что русские деньги были вывезены и потому пришлось максимально быстро изготовлять рубли в Германии.

Директор рейхсбанка Вильгельм попросил, чтобы рейхсбанк ни в коем случае не фигурировал в деле об изготовлении рублевых ассигнаций. Нельзя допустить, чтобы рейхсбанк могли упрекнуть в изготовлении фальшивых денег. Для проведения этих мероприятий должна быть создана специальная организация».

Документ наводит на серьезные размышления. Мы не знаем, в каких именно объемах в Германии — по всей вероятности, прежде всего в типографии «Август Петрик» — изготовлялись советские рубли. Эти действия германских оккупационных властей, цинично попиравших нормы международного права, на деле были, вероятно, излишними. Среди тех, кто выжил на оккупированной территории Советского Союза, господствовало натуральное хозяйство.

Может быть, здесь свою роль сыграли оба аспекта. Но когда иллюзии по поводу умиротворения Великобритании рассеялись, нацистское руководство вернулось к идеям «нордического коварства», к фальсификации фунтов стерлингов.

Операция «Бернгард»

О крупнейшей афере всех времен по выпуску фальшивых денег, которая была названа по имени стоявшего во главе предприятия штурмбанфюрера СД Бернгарда Крюгера, написано очень много. Прежде всего следует назвать основательный документальный репортаж, сделанный уже упоминавшимся берлинским писателем Юлиусом Мадером, который не пожалел ни труда, ни средств для того, чтобы восстановить факты, проанализировать скрытые пружины преступной практики фашистских фальшивомонетчиков и проследить жизненный путь основных действующих лиц. Его книга под названием «Сокровище бандитов» издавалась в Берлине в 1965 и 1973 годы. Сюда же можно отнести и воспоминания переживших этот ад Адольфа Бургера и Петера Эделя, вышедшие отдельными книгами, а также статью Курта Левински. Но есть и те, кто стремится сгладить углы, подать исторические

факты в виде остросюжетного приключенческого романа, закрыть глаза на все, что может вызвать негодование, и, несмотря на лучшее знание предмета, перевернуть факты с ног на голову. В этом ключе потрудились знакомый нам Вильгельм Хеттль, а также американец Энтони Пири.

Наше изложение будет опираться на работы Бургера, Мадера, Эделя и Левински. Мы остановимся лишь на ключевых моментах, связанных с изготовлением фальшивых денег.

«Душным августовским утром 1942 года громкоговорители, установленные в бараках концлагеря Бухенвальд, пролаяли: «Всем евреям, имеющим навыки графических работ, записаться в канцелярии!»

Через несколько дней нас погрузили в вагоны, и я вместе с еще 22 товарищами оказался в Заксенхаузене. После обычных формальностей эсэсовцы отконвоировали нас в 19-й барак, расположенный на самом краю лагеря. Вскоре барак по всем правилам был полностью изолирован... Однажды на его пороге появился штурмбанфюрер СС Крюгер и объявил, что нас «выбрали» для того, чтобы организовать ,,команду фальшивомонетчиков"». Крюгер говорил довольно долго, были и угрозы применения всяческих кар и подслащенные обещания. Здесь же присутствовало несколько чинов СС. Нам разъяснили ситуацию и наши задачи. Было сказано, что небо покажется нам с овчинку и мы будем мечтать о смерти, если хоть словом, произнесенным или написанным, или даже жестом дадим знать кому-нибудь за пределами барака о своей работе». Так пишет Курт Левински, который принадлежал к первому набору «команды фальшивомонетчиков» в концлагере Заксенхаузен.

Летом 1942 года по заданию «правительства рейха» СД вернулось к фальсификации денег, правда, теперь на крупной индустриальной основе. Производственный персонал был рекрутирован исключительно из концлагерей, из узников еврейской национальности, имевших профессиональную подготовку, которая в той или иной форме могла быть использована «в деле». Среди них были и типографские рабочие, граверы, художники, банковские служащие, парикмахеры...

Это были люди из самых разных стран: из Чехословакии, Германии, Франции, Нидерландов, Норвегии, Австрии, Сербии, Советского Союза. Они уже прошли через лагеря смерти. И вот теперь в строжайше изолированном от внешнего мира бараке 18/19 концлагеря Заксенхаузен

им будет хорошо, пообещал штурмбанфюрер Бернгард Крюгер. И их условия жизни действительно отличались в лучшую сторону по сравнению с другими заключенными. Их использовали как «соучастников» в работе для «окончательной победы» рейха. Только после этого (или раньше, если из всей затеи ничего не получится) их ожидает «окончательное разрешение еврейского вопроса»: они были «мертвецами в отпуске», или оборотным капиталом предприятия.

До тех пор, пока они давали качественную продукцию, были здоровы, а их сторожам не угрожал вал приближающихся фронтов, можно было быть относительно уверенным за свою жизнь. Больных нельзя было использовать на работе (они давали брак, больничные бараки для них были исключены), и тот, кто позволял себе серьезно заболеть, как, например, советский студент Петр Скуиннек, венец Абрахам Кляйнфельд или чех Эрнст Счастны, был верным кандидатом на тот свет.

Но и в этих условиях мысль о сопротивлении жила в бараке 18/19. Узникам удалось собрать радиоприемник, и они следили за положением на фронтах, с радостью встречая сообщения о поражениях гитлеровского вермахта и о наступлении войск союзников. Всячески затягивалось изготовление клише, специально делались мелкие, незаметные для неспециалиста ошибки. Чех Оскар Скала, назначенный эсэсовцами главным среди заключенных, втайне вел записи об объемах, видах и номерах фунтов стерлингов, сделанных в Заксенхаузене. По его подсчетам, с конца 1942 и по февраль 1945 года было изготовлено 134 610 810 фальшивых фунтов стерлингов. Из этой общей астрономической суммы после тщательной проверки только 10 368 430 ф. ст. было отнесено к первой группе, к «первому сорту». Во вторую группу попали банкноты с почти неразличимыми дефектами. «Третий сорт» — банкноты, на которых был допущен один слабый печатный дефект. Все остальное считалось браком. Таким образом, чистый выход «настоящих» денег составлял всего 7,5 % валового производства. При сортировке заключенные всеми доступными способами стремились снизить долю продукции «первого сорта», сознательно относя «хорошие» деньги в низшие группы.

В начале 1943 года «команда фальсификаторов» из Заксенхаузена, которая помимо британских банкнот занималась подделкой иностранных паспортов, различных документов и почтовых марок, получила новое задание.

В ноябре 1942 года в Югославии было образовано Антифашистское вече народного освобождения Югославии, которое приняло на себя функции правительства, действовавшего на освобожденной от гитлеровского вермахта территории. В январе 1943 года вече выпустило всенародный заем в объеме 500 млн. динар. Для того чтобы подорвать и без того ослабленную экономику освобожденных районов, эсэсовцы издали приказ об изготовлении в Заксенхаузене фальшивых югославских облигаций, лир и динар.

«Спецкоманда» летом 1944 года выросла до 140 человек. Высшее нацистское руководство давно знало, что военного поражения не избежать. Народу по-прежнему внушалась вера в «конечную победу». «Маленький человек с улицы» попадал в ловушку, расставленную министром пропаганды Геббельсом, который лично вещал по радио о «грядущем мощном ответном ударе». Совсем скоро фюрер отдаст приказ применить всесокрушающее «оружие возмездия». На деле давно стало ясно, что «оружие возмездия» — дистанционно управляемые ракеты «Фау-1» и «Фау-2» — технически еще не доведено до стадии практического применения. План «умиротворения Англии» за счет использования этого оружия остался планом на бумаге. Есть в этом и вклад антифашистов — при производстве оружия происходил саботаж. К тому же польские партизаны узнали о работах, которые в глубокой тайне велись в Пенемюнде, где создавалось «оружие возмездия». Об этом они по радио передали в Лондон. В августе 1943 года британские королевские военно-воздушные силы подвергли Пенемюнде массированной бомбардировке. После этого производство ракет велось на подземных заводах. Однако возможность большого ракетного удара стала нереальной.

Гитлер и его окружение приступили к выработке планов сохранения Германии без «окончательной победы». Одно закрытое совещание высших руководителей промышленности, министерства вооружений и нацистской партии следовало за другим. Самым известным было, пожалуй, совещание, состоявшееся 10 августа 1944 г. недалеко от Страсбурга. Речь на нем шла о выживании «национал-социалистического движения» и его вождей, а также германской промышленности, об укрытии военных преступников, о подготовке подполья, из которого однажды снова можно возродиться.

Для этого нужны были деньги, «твердые деньги»,

такие как фунты стерлингов и доллары США. И вот еще в конце 1944 года «спецкоманда» Заксенхаузена, «мастерская дьявола», как ее называл Адольф Бургер, получила приказ включить в свою «производственную программу» изготовление долларов. После 250 попыток, в неудачу которых внесли вклад и саботировавшие производство узники, в начале января 1945 года были изготовлены первые 24 стодолларовые банкноты, подделки чистой воды.

Но уже было поздно. Производство, хотя и было начато, вскоре прервалось. Советская Армия находилась уже в опасной близости от столицы рейха и от находящегося примерно в 30 *км* севернее Берлина концлагеря Заксенхаузен. В конце февраля барак 18/19 пустеет. Энтони Пири, ссылавшийся на исследования «сикрет сервис», говорит о том, что нацистами было выпущено 5—6 тыс. 100-долларовых банкнот.

Для команды заключенных начался самый опасный этап, езда в неизвестное, в конце которой маячила смерть всех 140 человек. 26 февраля 1945 г. спецпоезд с узниками и 16 надсмотрщиками, с ящиками, где было тщательно упаковано оборудование и несколько десятков тысяч банкнот фунтов стерлингов, отправился в путь. «Ни один из нас не надеялся когда-нибудь живым вернуться домой. Разница состояла лишь в том, что вместо Заксенхаузена нам предстояло погибнуть где-нибудь в другом месте», — писал Адольф Бургер.

Первой остановкой был пользовавшийся дурной славой концлагерь Маутхаузен, в конце марта этап оказался в Редль-Ципфе, «филиале» Маутхаузена. Здесь ящики с фальшивыми деньгами были спущены в глубокие штольни, оборудование смонтировано. 1 мая производство было возобновлено. Но американские войска к тому времени находились в 25 *км* к западу от лагеря. В этот день босс «спецкоманды» Крюгер с улыбкой распрощался со своими «ребятами»: «Недели через три вы будете на моем месте, а я — на вашем».

Эсэсовские палачи неожиданно стали испытывать приступы парализующего страха. Вооруженные автоматами, они еще командовали безоружными заключенными. Было совершено и убийство заболевшего заключенного Зусмана, но не обычным выстрелом в затылок, а посредством укола. Бесшумно, к тому же трудно что-либо доказать.

3 мая оборудование было уничтожено, одиссея узников продолжалась. Конечной остановкой оказался концлагерь Эбензее, который к моменту прибытия 139 измученных

людей уже вывесил белый флаг. Команда смертников из барака 18/19 оказалась свободной.

По словам Джорджа Дж. Макнэлли, бывшего майора американской армии, которые были записаны Юлиусом Мадером, главарь фальшивомонетчиков Крюгер успел проехаться на «альфа-ромео» по лагерю Редль-Ципф и от имени Гиммлера отдать распоряжения об уничтожении всех следов «операции Бернгард»: сжечь банкноты и неиспользованную бумагу для их производства, утопить в Топлитцзее пластины и другие типографские заготовки, доставить всех 140 участников операции в концлагерь Эбензее, где их надлежало ликвидировать.

Положение на фронтах не позволило этим планам осуществиться.

Однако как обстояли дела у тех, кто инициировал и осуществил преступление по выпуску фальшивых денег и документов? Женевское соглашение было недвусмысленным в своем требовании карать любые действия по изготовлению и распространению фальшивых денег. Скажем коротко: ни один из приспешников Гиммлера, ответственных за аферу с фальшивыми деньгами, не пострадал. Альфред Науджокс в 1946 году оказался в лагере для военных преступников, из которого ему удалось бежать. Он затерялся где-то в Гамбурге. Его розыск велся так же лениво, как и его соучастников — Крюгера и Хеттля. Крюгер «вынырнул» в качестве бухгалтера на бумажной фабрике в Дасселе, которая в свое время поставляла бумагу для подделки денег. «Сикрет сервис», как и «Интерпол», не перетрудились, разыскивая «мастера» по изготовлению фальшивок. В 1955 году прошел срок давности по делам, связанным с фальшивыми деньгами, и Крюгер незамедлительно всплыл на поверхность. 3 мая 1957 г. франкфуртская газета «Абендпост» сообщила, что Бернгард Крюгер предложил свои услуги федеральной уголовной полиции в качестве эксперта по фальшивым деньгам, но получил отказ. Но еще в 50-е годы Крюгер получил работу в «Стандард-электрик — Лоренц АГ» в Штутгарте.

Юлиус Мадер в январе 1964 года подал в суд в Людвигсбурге на Крюгера как на участника убийств узников концлагерей еврейской национальности. Но разбирательство, переданное штутгартской прокуратуре, было сопряжено с многочисленными проволочками, и 7 мая 1965 г. дело было прекращено за недостатком улик.

Многократно, возможно и не без оснований, высказывались предположения, что массовое появление поддель-

ных долларовых банкнот, по крайней мере во второй половине 40-х годов, а вероятно, и позже, связано с деятельностью мастерских СД. Об этом говорит и то, что, в отличие от производства фальшивых фунтов, в случае с фальшивыми долларами типографские пластины, клише и формулы изготовления бумаги не были найдены. Например, в 1949 году при помощи «сикрет сервис» французская полиция обнаружила вблизи Марселя мастерскую, а точнее, фабрику фальшивых денег. Сами изготовители заблаговременно были предупреждены и скрылись, прихватив с собой клише и наверняка большое количество готовой продукции. И все-таки скромный улов полиции составил «всего» 243 млн. фальшивых долларов.

Одному из других основных действующих лиц преступного производства фальшивых денег — штурмбанфюреру Вильгельму Хеттлю было позволено создать из «предприятия Бернгард» увлекательную «документальную повесть-отчет» по принципу «больше выдумки, чем правды».

Многие детали и взаимосвязи нацистских преступлений вокруг фальшивых денег в 40-е и 50-е годы оставались неизвестными для широкой общественности. В свое время в судебных процессах против военных преступников эти преступления играли второстепенную, подчиненную роль. Хеттль в своих «документальных» воспоминаниях утверждает, что союзники сами тормозили расследование дела о фальшивых деньгах, так как и Англия в свое время грешила тем, что сбрасывала с самолетов на территорию Германии фальсифицированные карточки на продукты питания. Он, по собственному определению, «вечный свидетель» судебных процессов против военных преступников, пишет о том, что некий американский офицер в свое время уверял его, что английские прокурорские органы сами просили американцев не углубляться в расследование аферы с фальшивыми деньгами. Шелленбергу на так называемом процессе «Вильгельм-штрассе» в 1948—1949 годах за преступления против человечества (Шелленберг был приговорен к шести годам заключения, но уже в декабре 1950 г. вновь оказался на свободе), как он говорил Хеттлю, дали понять, что «операцию Бернгард» до дня немецкой капитуляции следует рассматривать как разрешенную военную хитрость.

В вышедшем на экраны в 1952 году детективном западногерманском фильме «Следы ведут в Берлин» шла речь о банде изготовителей фальшивых денег. В фильме говорилось о том, что нацистские доллары производились

в концлагере Эбензее силами уголовников и принужденных к соучастию заключенных, не имевших ничего общего с подобным промыслом. Вероятно, авторы фильма большего и не знали.

Лучше других эту историю знал д-р Вильгельм Хеттль, или Вальтер Хаген, как он назвал себя, публикуя свою книгу «Предприятие Бернгард». Он тщательно скрыл свое имя, приводя свою переписку с бывшим группенфюрером СД Вальтером Шелленбергом. Хеттль попытался, обезличив себя, интерпретировать нацистское преступление с позиций человека, для которого все происшедшее было незабываемым приключением. О 140 заключенных еврейской национальности он при этом писал так: «Крюгер собрал из концлагерей сидевших там уголовников, специализировавшихся на изготовлении фальшивых банкнот, которые, как и другие профессиональные преступники, находились в лагерях с начала войны, так сказать, на ответственном хранении... Таким образом, практическая реализация задуманной операции все больше и больше оказывалась в руках профессиональных фальшивомонетчиков». Он сам якобы настоял на том, чтобы Крюгер представил 12 особо отличившихся заключенных, в том числе и 3 евреев, к награждению «крестами» за боевые заслуги. За это явно выдуманное «благодеяние» ему пришлось позже отвечать перед нагоняющим на всех страх палачом Кальтенбруннером (обергруппенфюрер СС д-р Эрнст Кальтенбруннер, с 1942 г. шеф полиции безопасности и СД в частности, отвечал за полицейскую защиту распространения фальшивых денег; как основной военный преступник был казнен в 1946 г.), у которого, к счастью, все-таки обнаружилось «чувство юмора».

Поделка Хеттля—Хагена имела, вопреки ожиданиям автора, относительно скромный успех. Многие органы печати, правда, подхватили его клеветнические измышления. И все-таки «незапятнанный историк» просчитался, думая, что прошедшие ад концлагерей и принужденные к противозаконной деятельности и ошельмованные им заключенные по-прежнему будут безмолвны и беззащитны. Ганс Курцвайль возбудил в Вене судебное разбирательство по жалобе на клевету. Даже Крюгер 23 августа 1956 г. счел за лучшее дать правдивые показания в пользу Курцвайля и его товарищей по несчастью. «Я настойчиво подчеркиваю, что среди этих заключенных, за одним исключением, не было уголовных элементов или профессиональных фальшивомонетчиков». Что подтолкну-

ло «мастера фальшивок» к признанию? Остатки чести? Ответственность перед своей «командой», создавшей ему хоть и сомнительную, но все же громкую репутацию? Скорее всего, ни то, ни другое. Его заявление подтвердило лишь то, что уже было известно. Петер Эдель еще 24 января 1948 г. сделал письменное заявление, адресованное бюро главы совета по военным преступлениям, которое в делах фигурировало как документ № 95 508. На так называемом процессе «Вильгельм-штрассе» (1948—1949 гг.) оно не рассматривалось. В связи с «разрешенными военными хитростями» были сняты прежде всего также обвинения в убийстве. По этому поводу в заявлении Эделя сказано: «Тяжелобольных, даже если имелись возможности для излечения, не разрешалось доставлять в лазареты. Их изолировали; если это не помогало, больных ликвидировали». Ганс Курцвайль выиграл процесс в Вене. Это была победа не только его, но и всех его товарищей по несчастью. Тем самым они хотя бы частично получили моральную компенсацию, но в очень малой степени.

В «спецкоманде» Заксенхаузена был лишь один профессиональный фальшивомонетчик — Соломон Смолянов, происходивший из России «гражданин мира», как его назвал Адольф Бургер. Он еще в 30-е годы подделывал фунты стерлингов, которые пускал в обращение в Персии. В Германии он был приговорен к многолетнему тюремному заключению, потом оказался в концлагере Маутхаузен. Оттуда в начале 1944 года Крюгер направил его в барак 18/19 Заксенхаузена. Бургер пишет, с каким нетерпением Крюгер ожидал «величайшего и опытнейшего изготовителя фальшивых денег», и когда этот круглый, невысокий, почти пятидесятилетний человек прибыл в Заксенхаузен, лично встречал его и даже обнял. Прибывшего изображают как неплохого товарища, хотя и полностью погруженного в работу. Его коллегам по несчастью приходилось прилагать много усилий для того, чтобы быстрая и тщательная работа Смолянова не срывала общий замедленный ритм производства. В конце концов Соломон Смолянов оказался среди тех немногих членов «спецкоманды», которые получили возмещение за ущерб, причиненный им при фашизме. С этими деньгами, как говорят, он обосновался в Бразилии.

Промах именитого шпиона

Неприятно холодным был день 23 декабря 1970 г. Жители Нюрнберга делали последние рождественские покупки. Пресса сообщала, что дела идут хорошо. Читатели узнают о скромном событии, происшедшем на одном из городских кладбищ, лишь позже. Траурная процессия необычно немногочисленна. Ни один из друзей так и не пришел. Но были ли вообще друзья у Элиаса Базны, который в делах СД числился под именем «Цицерон»?

Забывчивость друзей объясняется не тем, что Цицерон состоял на службе у СД. Уже сложилась традиция провожать «ветеранов движения» с большой помпой и ностальгическими реминисценциями о величии Германии. В конце концов Элиаса Базну, он же Цицерон, после войны бульварная пресса и кое-кто из псевдолитераторов называли «шпионом Германии № 1».

Базна, камердинер британского посла в Турции сэра Хью Нэчболл-Хьюгессена, подделав ключи, получил доступ к секретным документам особой важности, сфотографировал их и в конце октября 1943 года через Людвига Мойциша, агента СД, установил связь с германским посланником в Анкаре. За 50 фотографий он получил 20 тыс. ф. ст. Из документов следовало, что Турция перед лицом грядущего военного поражения гитлеровской Германии собиралась нарушить свой нейтралитет и повернуться к союзникам.

В декабре 1943 года Цицерон продал СД копии протоколов конференции союзников в Каире и Тегеране, а также документов о предполагаемой бомбардировке союзниками Софии (14 января 1944 г.). Эта бомбардировка была выбрана имперским министром иностранных дел Иоахимом фон Риббентропом в качестве критерия правдивости информации Цицерона, в которой министр продолжал сомневаться. Смерть в результате бомбардировки 4 тыс. человек убедила Риббентропа. 24 февраля 1944 г. последовало личное послание господина министра иностранных дел в дирекцию имперского банка, в котором говорилось: «Я прошу выплатить СД через руководителя внутренней группы II на нужды Цицерона сумму в 250 тыс. марок золотом». Золото происходило из пресловутых рептильных фондов Риббентропа, которые использовались для поддержки «пятой колонны» (всего золота было около 10 *т*, и происходило оно главным образом из запасов ценностей, составлявших бельгийские государ-

ственные резервы). Мойциш же еще для предыдущих платежей своему агенту использовал фальшивые деньги из Заксенхаузена, которые тот, ни о чем не подозревая, принял. Таким образом, золото из фондов Риббентропа осело в подземных кладовых его вассалов. Цицерон и в этот раз с благодарностью принял плату за свои услуги — банкноты, сделанные в Заксенхаузене.

Цицерон со своим якобы внушительным состоянием в 300 тыс. ф. ст. отправился в Южную Америку. Но именитый шпион на этот раз опоздал. Банк Англии уже поднял тревогу, насторожившую весь финансовый мир. Элиас Базна вынужден был распрощаться со своей мечтой о строительстве первоклассного отеля, когда ему объяснили, что его деньги ничего не стоят. Купюры, которыми Мойциш выдал ему «заработную плату», были фальшивками второго и третьего сорта. С другой стороны, уже в начале мая 1945 года Оскар Скала передал англо-американской следственной комиссии свои записи, где фиксировались номера серий и достоинство выпущенных в Заксенхаузене банкнот, а кроме того, также указал на типичные дефекты, характерные для каждой серии. Оскорбленный в лучших чувствах Базна возвращается на родину и ведет в старом городе Стамбула совсем не ту жизнь, о которой мечтал.

В 1961 году Базна внезапно появляется в ФРГ. Он узнал, что Федеративная Республика Германия рассматривает себя в качестве преемника «третьего рейха» и не скупится на щедрые пенсии для активных нацистов. Он подает иск, но безрезультатно. Зато пресса предлагает неплохие гонорары за воспоминания Цицерона. Элиас не единожды выступает с требованием пересмотра непонятного ему приговора. Смерть Базны в декабре 1970 года была большим облегчением для западногерманской юстиции.

Элиас Базна был не единственным агентом, с которым фашисты расплатились фальшивыми деньгами. Юлиус Мадер в своей книге «Бандитские сокровища» описывает судьбу нескольких агентов СД, услуги которых были оплачены банкнотами с «денежного станка» Заксенхаузена.

После войны миллионы с фабрики фальшивок в Заксенхаузене пригодились для того, чтобы кое-кто смог вести сомнительное, но безбедное существование. Однако, несомненно, основную часть продукции с этой фабрики поместили на тайное хранение весьма оригинальным способом.

Тайна Топлитцзее

Возникшее на месте соляных копей в 22 *км* к югу от Эбензее озеро Топлитцзее относится к самым незначительным водоемам этого региона. Его длина — около 2 *км*, ширина — до 400 *м*. Озеро окружено со всех сторон горными склонами, оно довольно глубокое, максимальная глубина — 103 *м*.

В первые майские дни судьбоносного 1945 года на озере вел ловлю рыбак. Неожиданно возле своей лодки он заметил плавающую бумагу с непонятными знаками. Выловив ее, рыболов сообразил, что ему попалась иностранная банкнота. На следующий день, высушив и разгладив купюру, он отнес ее в банк в Бад-Аусзее, и там ему аккуратно отсчитали крупную сумму в австрийских шиллингах — оказалось, что улов составил 20 ф. ст. Внезапно разбогатевший человек оказался азартным рыбаком. Он решил внимательнее изучить место лова, и удача не покинула его. После того как рыбак в третий или четвертый раз явился в банк со своим уловом, это вызвало подозрения. В конце концов около кассы его встретили два офицера армии США, и рыбаку пришлось раскрыть свою тайну.

Пресса подхватила сенсацию, и вскоре достоянием гласности стало использование СД Топлитцзее в качестве сейфа для своих вкладов. Муссировалась и идея о том, что здесь спрятано золото, награбленное СС, так называемые «сокровища Нибелунгов».

Тревожная информация на ту же тему стекалась и в штаб-квартиру англо-американских войск во Франкфуртена-Майне. Уже в концлагере Эбензее освобожденные узники «команды фальшивомонетчиков» рассказывали американцам о своей лагерной судьбе. Но они не имели представления о том, куда делись гробоподобные ящики, в которых хранились фальшивые деньги. Примерно в это же время пришла радиограмма из района Бад-Аусзее о том, что удалось обнаружить грузовик, в котором оказались ящики, наполненные фунтами стерлингов. Майор Джордж Макнэлли, опытный эксперт по фальшивым деньгам, незамедлительно отправился на место, чтобы изучить обстановку и продолжить поиски. В грузовике было 23 ящика, в которых находился 21 млн. ф. ст. Находка рыбака указала на место хранения нацистских фальшивых денег. От населения поступали подтверждающие эту версию сообщения. Нашлись свидетели, видевшие, как в озеро сбрасывали сотни ящиков. Группа водолазов — американ-

ских военных моряков — приступила к работе. После того как один из них был поднят на поверхность мертвым, водолазные работы были прекращены. Это был первый из восьми до 1963 года таинственных случаев, когда люди гибли при попытке поднять на поверхность утопленные ящики.

Завеса тайны над «озером-убийцей» была приподнята уже летом 1959 года. Команда аквалангистов, финансируемая известным западногерманским еженедельником «Штерн», получила лицензию на проведение водолазных работ на Топлитцзее в течение пяти недель. Работы шли довольно успешно, было поднято несколько ящиков с 55 тыс. ф. ст., но были найдены ящики и с другим содержимым: с секретными делами ведомства Кальтенбруннера. Тут же редакция журнала получила несколько анонимных писем, после чего работы были прекращены за две недели до истечения срока лицензии. Секретные неофашистские организации, которые обосновались во многих западных странах, не собирались спокойно взирать на то, как «секреты рейха» предавались бы гласности; здесь был проявлен, очевидно, и более осязаемый личный интерес немалого числа доселе благонадежных граждан, прошлое которых да и успехи в настоящем могли бы получить совсем другое освещение.

В 1963 году лицензию на подъем найденного в Топлитцзее намеревался получить австриец Альбрехт Гайсвинклер, бывший партизан. Некая международная неофашистская организация с красноречивым названием «Паук» тут же стала угрожать ему убийством. Угрозы, вероятно, последовали и в адрес правительства федеральной земли Штирии в Граце. В лицензии Гайсвинклеру было отказано.

И после этого предпринимались попытки погружаться в воды Топлитцзее, но всегда можно было почувствовать твердую направляющую или мешающую руку некоего сомнительного господина Шмида, именитого профессора в области теории хозяйства и управления. В свои времена профессор д-р Шмид был штандартенфюрером СД. До декабря 1964 года этот «примерный гражданин» был директором одного из промышленных предприятий в Вене.

Точку — по крайней мере пока что — в этом деле поставил осенью 1984 года некий Ганс Фрикке. О его предприятии сообщила «Нойе Рур-цайтунг» 15 ноября 1984 г.: «Немецкий исследователь Ганс Фрикке обнаружил банкноты фунтов стерлингов на глубине 80 *м*, куда он

погрузился на своей мини-подводной лодке. По его словам, фальшивые деньги, используя которые национал-социалисты стремились ослабить британскую валюту, представляют большую научную ценность. Находка в своем роде уникальна. Еще никогда наука не располагала возможностью исследовать бумагу, а значит, целлюлозу, которая в течение десятилетий хранилась бы в подобных условиях.

Вода на глубине озера не имеет кислорода, и при первых пробах на денежных купюрах были обнаружены неизвестные бактерии, которые питались целлюлозой. К тому же банкноты удивительно хорошо сохранились». Газета сообщала и о поднятых минах, о полуразрушенных деталях различного рода вооружений, в том числе ракет «Фау-1» и «Фау-2» с их подводными пусковыми установками, которые австрийские саперы надеялись понадежнее укрыть. О секретных документах имперского управления безопасности не было сказано ни слова, хотя жестяные ящики, в которых они хранились, никак не могли рассыпаться от ржавчины: без кислорода этот процесс идет очень медленно.

Летом 1985 года западногерманское телевидение показало и фильм, снятый Фрикке, который сопровождался тем же комментарием. Как и прежде, папки с таинственными документами были слишком горячи, никто не хотел обжечь пальцы.

Дорожные чеки паломников в Палестину

Январь 1947 года. Париж. Следы фашистской оккупации заметны повсюду. Четвертой республике еще всего два года.

Жизнь в Париже во многом схожа с жизнью в столицах других европейских стран, хотя здесь нет таких удручающих разрушений, как в Варшаве, Берлине или Будапеште. Жизнь берет свое. Все жизненно важные товары рационированы. Французский франк на рынке стоит немного, хотя «маленькому человеку с улицы» не хватает и его. Курс франка к доллару составляет примерно 200 к 1. Торговцы в маленьких уютных лавках на когда-то бурлящих улицах Монмартра или где-то в других знаменитых или безвестных уголках Парижа могут предложить только то, что распределяется по карточкам, или не пользующиеся спросом безделушки. Большинство магазинов вообще закрыто. Из когда-то первоклассных, известных гостеприимством отелей и ресторанов почти не доносится голосов французских шансонье. В развлечениях доминируют джаз, буги-вуги, мелодии Гленна Миллера...

К новому «жизнеощущению» относится также черный рынок, на котором есть все. Бриллиантовые колье, украшения из золота, персидские ковры обмениваются на продукты питания и возбуждающие средства (кофе, табак и пр.). На черном рынке за доллар дают 250 и больше франков. К самым тяжелым последствиям войны относится и массовая безработица. Многие из тех, кто в годы войны боролся в Сопротивлении, видят, что общество платит им холодным безразличием. В эти годы всеобщей послевоенной нужды растет число всякого рода мошенников, подделывающих все, что с аппетитом проглатывается черным рынком.

Фальсифицируется все, что имеет спрос: американские доллары, швейцарские франки, продуктовые карточки, разного рода разрешающие документы. Но это — сфера

деятельности самых квалифицированных мошенников. Другие поступают проще: продают глину в восстановленных банках из-под американских консервов или самодельные сигареты в восстановленных и искусно запечатанных американских пачках, как «Лаки страйк» или «Кэмел». Не подделывают только французский франк. Эта валюта слишком обесценена, чтобы ради нее подвергаться риску, и серьезному: грешник, попавший в объятия правосудия, в худшем случае может получить пожизненное заключение.

К чести тех, кто в свое время поставил свой «имитационный» дар на службу Сопротивлению, надо сказать, что не они развернули предприятия по производству всевозможных фальшивок. Для этого требовались люди иного склада: опытные стратеги, разбиравшиеся в перипетиях экономической жизни, люди с выраженным деловым чутьем и хваткой, способные наладить не только масштабное производство фальшивок, но и их сбыт. Те же, кто был готов обратить свои деловые качества в наличные деньги, знали, что со времен Сопротивления во Франции было предостаточно разнообразной техники, с помощью которой можно изготовлять разные фальшивые документы и деньги, и что есть много безработных «экспертов».

Среди «великих», кто с полным правом мог гордиться тем, что именно он является «душой» того или иного явно сомнительного предприятия, был и Збигнев Пославский, поляк в изгнании, со слегка седеющими волосами, официант по профессии. Ему было почти 50. В 20-х годах он работал в гостиничных ресторанах, познакомился с нравами «высшего общества», за «особые услуги» получал щедрые чаевые и жил безбедно. Но те, кому он угождал, жили лучше.

Збигнев не долго спорил с судьбой и подыскал себе новое амплуа, которое давало бы больше возможностей для реализации его способностей. Он подкладывал бомбы, решая таким образом проблемы конкурентной борьбы своих заказчиков. Скоро он стал пользоваться большим спросом. Война прервала карьеру Пославского. Вот и сейчас, в январе 1947 года, у него не было достойного занятия.

Утром 17 января Збигнев Пославский расположился у окна своей скорее плохо, чем хорошо меблированной квартиры, которую он снимал, и лениво перелистывал бульварную газетенку, знакомясь с сенсационными сообщениями о том, что дамские юбки стали укорачиваться, что Ага-хан помпезно отпраздновал в Бомбее свой день рождения, об очередном разводе одного из министров.

Перед обедом приходит гость, которого Пославский ждет. Это молодой человек 30 с небольшим лет. Збигнев знает его всего пару дней и связывает с ним некоторые планы на будущее. Гость называет себя Джолли. Пожалуй, никто в Париже не знает ни его настоящего имени, ни фамилии. Уже это для Збигнева означает, что он нашел себе стоящего партнера. У Джолли демисезонное пальто, сшитое у хорошего портного, он носит богемно-экстравагантный галстук с изображением обнаженной дамы и на нем ковбойская шляпа, дающая понять, что он американец. Во всем остальном он мало отличается от хозяина комнаты, если не обращать внимания на его фальшивый паспорт, который дает ему право считаться торговцем восточных ковров и табака. Во всяком случае оба немало повидали на своем веку.

Джолли говорит на плохом французском, зато Збигнев изъясняется по-английски лучше. Оба хорошо понимают друг друга, когда разговор вращается вокруг событий мировой политики, о положении на Ближнем Востоке. Сейчас там речь идет о праве евреев на национальное существование. По всему миру возникают сионистские организации, и в это время каждый думающий человек должен ощущать моральную обязанность в оказании помощи евреям в Палестине. Збигнев крещеный католик, Джолли — квакер, но оба только в детстве видели церковь изнутри.

После общих тем собеседники углубляются в детали. Существуют крупные склады оружия, оставленные вермахтом и американской армией. Есть возможность, даже моральная обязанность доставить это оружие в Палестину. «За соответствующую плату, конечно», — уточнил с широкой улыбкой Джолли, добавив, что у него есть необходимые связи для того, чтобы военное имущество двинулось в путь.

У Збигнева тоже есть знакомые евреи, которых он знает еще с довоенных времен. Они с удовольствием вложат кое-какие средства, чтобы помочь своим братьям и сестрам в Палестине. Оба согласны с тем, что это будет лишь скромный начальный капитал для крупного в будущем прибыльного дела по переброске оружия. И вот в тот январский день 1947 года появляется план предприятия по фальсификации, который в ближайшие два года будет беспокоить не только Сюртэ. Было решено заняться подделкой дорожных чеков «Америкэн экспресс компани» (АМЭККО).

Подобные дорожные чеки, распространенные сейчас практически во всех странах, являются кредитными долговыми обязательствами и одновременно оборотными средствами. По сравнению с наличными деньгами они в большей степени «застрахованы» от воровства: тот, кто получает их в филиале АМЭККО, туристическом агентстве или в банке, должен расписаться в верхнем углу. Когда же в стране назначения чеки обмениваются на наличные, то служащий банка или гостиницы просит предъявить паспорт или другой документ и повторить подпись. Большая часть мошенничеств с этими чеками облегчалась тем, что подпись на них ставилась не в момент обмена, а заранее.

Через неделю после принятия стратегического решения в квартире Пославского Джолли оказывается в филиале АМЭККО на рю Скриб, где приобретает 10 стодолларовых чеков. Служащий за окошком почти не следит за американцем, упражняющимся в собственной подписи, и Джолли без труда пролистывает два чека.

Начало положено: на руках два неподписанных чека. Збигнев тоже не теряет времени даром. У него сохранились прекрасные связи с преступным миром Парижа. Он находит Даниэля Бернхайма, человека, рано избравшего скользкий путь и, по собственному признанию, растерявшего всю свою шевелюру за решеткой. Ему 30 с небольшим, но он знает всех «нужных людей». Палестинский план приводит Даниэля в восторг, и он привлекает новых людей. Появляется Жан, молчаливый наборщик, не последний человек в производстве фальшивых денег; Альберт, который, в свою очередь, находит Анри Перрье. Анри становится «сердцем» всего предприятия.

Ему далеко за 40, он крепок, широкоплеч, скор на руку, сломанный нос — след мрачных дел, участником которых он был. Анри вполне оправдывает свою репутацию грубияна, хотя его полицейское досье выглядит вполне респектабельно. Во всяком случае это именно тот человек, который нужен «борцам за Палестину». Перрье считается организатором крупных афер с фальшивыми деньгами и документами.

15 марта 1947 г. на квартире Пославского собирается расширенное совещание «группы». Апартаменты для такого важного мероприятия явно малоподходящие, стульев всем не хватает. Хозяин припас для этого случая бутылку коньяка и для начала выступил с зажигательной речью о международной обстановке в целом и о трудностях

на Ближнем Востоке в частности. Планируемое участниками совещания предприятие докладчик называет необходимым промежуточным этапом на пути выполнения ими патриотического и одновременно космополитического долга...

Перрье, преодолевая зевоту, слушает нудную проповедь, но когда Бернхайм вдруг начинает одобрительно аплодировать, Анри становится не по себе. «Кончай молоть ерунду, давай о деле. А ты, Жан, уже успел набраться. Я привык делать дела с настоящими мужчинами, а не с размазнями и пьянчугами», — на бульдожьей физиономии Перрье появляется гримаса, говорящая о том, что любые возражения неуместны. Джолли извлекает из своего бумажника один из добытых им чистых чеков и молча протягивает его «мастеру». Тот недолго проверяет чек и без всяких предисловий называет свою цену: 750 тыс. франков, $^{1}/_{3}$ сразу, $^{1}/_{3}$ — по востребованию, когда понадобится покупать бумагу, $^{1}/_{3}$ — когда первая партия дорожных чеков окажется за воротами типографии. «Все остальное — ваше дело, меня это не касается», — с этими словами мэтр покидает собрание, оставив «борцов за Палестину» в тяжелых раздумьях о мобилизации средств.

Джолли и Пославский продолжают розыск спонсоров, которые должны найтись прежде всего в еврейских и близко к ним стоящих кругах. Большинство адресов из записной книжки Пославского оказываются бесполезными. Прежних предприятий больше нет, за время фашистской оккупации их владельцы или уничтожены, или депортированы, или ограблены. В конце концов одного идеалиста все же удается найти. Это доселе никому не известный Альфонс Луп из Ниццы, владелец небольшой фабрики «щеток всех видов».

Экскурсы Пославского в международную политику оказывают на Альфонса Лупа куда большее впечатление, чем на Перрье. Он просит лишь об одном: чтобы в ходе этой великой акции не забыли о его щетках. Только тогда он станет действительно убежденным сионистом. Альфонс Луп отсчитывает на благие цели 160 тыс. франков и отдает «гарантированно настоящий» бриллиант в золотой оправе.

Бриллиант, конечно, фальшивый, но Перрье принимает и его.

Наверху — бар, внизу — пресс, вокруг — ночь

Анри Перрье — человек честный, по крайней мере так о нем говорят в уголовном мире. Но он, конечно, не так прост, чтобы таскать каштаны из огня для каких-то любителей. Однако дело прежде всего: надо найти гравера, печатника и технику — пресс. Гравером может стать Мишель Сути, бывший сокамерник одного из друзей Перрье. Сути с радостью соглашается обсудить детали, с улыбкой рассматривает чек, пару раз кивает и возвращает его Перрье: «Ничего не выйдет». Перрье думает, что ослышался. На плутовском лице Сути все та же жизнерадостная улыбка: «Вот водяные знаки, месье, их нельзя подделать, а без этого все остальное сущая ерунда. Я в этом не участвую».

Перрье не из тех, кого ломает первая неудача. В конце концов он узнает адрес некоего Пьера Жанина, во время оккупации подделавшего сотни документов и спасшего не одну жизнь. До этого у Жанина не было никаких осложнений с уголовной полицией. Каким образом Перрье удалось завербовать этого невысокого оживленного человека, никто так никогда и не выяснил. Пьер Жанин был «гением» в своем деле. Используя только ему известные методы, он так искусно подделывал водяные знаки, что ненатренированный глаз не отличал фальшивки от оригинала.

Оставалась еще техника. И этот вопрос удалось решить. В распоряжении Перрье оказывается офсетный пресс американского происхождения, заказанный сразу после войны в США одной из французских государственных организаций, но никогда не прибывший по назначению. Какую роль при этом сыграли Перрье и его друзья, установить так и не удалось. Во всяком случае хозяин дома, в подвале которого оказался «с иголочки» новый пресс в заводской упаковке, согласился за определенную плату сдать его в аренду.

К концу мая 1947 года все приготовления закончены. В продуктовом магазине с баром, расположенном на окраине Парижа, банда на три недели арендует подвал, где устанавливается пресс. Вскоре туда доставляются и рулоны бумаги. Мишель Сути к тому времени уже приготовил четыре типографские пластины. Три следующие недели каждую ночь в подвале кипит работа, шума не слышно — сверху несутся ритмы буги-вуги, заглушающие все остальное. Работающие в подвале внимательно следят за тем, что

происходит над ними, перерывы в работе оркестра наверху и пресса внизу синхронизированы.

19 июня производство прекращено, подвал освобождается от пресса, 6 тыс. чеков по 100 долл. каждый размещаются в багажниках двух легковых автомобилей и прибывают на склад хозяйственного магазина, принадлежащего любовнице Альфонса Лупа из Ниццы. Там же на следующий день появляется Анри Перрье, с тем чтобы получить последний платеж. Джолли встречает его и объясняет, что деньги «еще не поступили». Перрье, не говоря ни слова, вскрывает упаковку с чеками, отсчитывает 1 тыс. чеков, кладет их в свой портфель и так же безмолвно закрывает за собой дверь. При «черном» курсе 250 франков за доллар это совсем неплохой кусок. Теперь же начинается самая трудная часть любой аферы с фальшивыми деньгами: проверка на надежность и сбыт.

Наперегонки с полицией

21 июня Бернхайм и Джолли улетают в Антверпен, чтобы там, а заодно и в Брюсселе реализовать часть чеков. Конечно, реализация идет не в розницу, а оптом, сбытовая сеть уже налажена. Учтены и соответствующие накладные расходы, комиссия за реализацию может составить от 30 до 50 %. Риск быть пойманным, которому подвергается оптовый поставщик, относительно невелик. Совсем в другой ситуации находится тот, кто непосредственно реализует фальшивые деньги, его заработок относительно невелик в сравнении с шансом оказаться в руках полиции.

Надо торопиться. Масса горячего товара должна рассосаться раньше, чем полиция предпримет ответные меры. На черном рынке Парижа ежедневно десятками продаются чеки АМЭККО.

19 июня 1947 г., как мы помним, упаковки фальшивых чеков покинули подвал магазина с баром. И в тот же день м-р М. И. Седерлунд, шеф отдела детективов АМЭККО в Европе, получил сообщение о том, что к оплате был предъявлен фальшивый дорожный чек на 100 долл. Потом эти сообщения участились: из Ниццы, Брюсселя, а также из Парижа, где неопытный торговец принял за возможного покупателя своего чека сотрудника «Сюрте насьональ». М-р Седерлунд высоко оценил профессиональное мастерство банды мошенников. После скрупулезного, многочасового изучения фальшивых чеков он

телеграфирует в Нью-Йорк: «Высококлассная работа... Краски бледноваты, водяные знаки оттиснуты слегка сильнее, номера серий несколько темнее нормы».

В начале июля Эмиль Бенаму, невысокий, жилистый алжирец, старший комиссар «Сюрте насьональ», во взаимодействии со старшим комиссаром Луи Пуарье из парижской полиции предпринимают энергичные меры. Пуарье — полная противоположность Бенаму. Это рослый, бородатый, немного неуклюжий мужчина. Что обоих объединяет, так это отличные сыскные качества, чутье не подводило их и тогда, когда приходилось сталкиваться с казалось бы неразрешимыми загадками. Оба, к тому же, эксперты с довоенным стажем по делам, связанным с фальшивыми деньгами. В компании с ними работает следователь Марсель Фрапье и М. И. Седерлунд.

Прежде всего на ноги подняты все филиалы Интерпола по всей Западной Европе. Потом подключается пресса, общественность ставится в известность о фальшивках.

Вскоре в «Сюрте насьональ» стекаются сведения из Швейцарии, Бельгии, Западной Германии, Скандинавии, Австрии, даже из Чехословакии о появлении фальшивых чеков АМЭККО. 3 июля 20 фальшивых чеков попадают в один из нью-йоркских банков, их следы обрываются на пилоте трансатлантического самолета. Конечная станция — парижский «черный рынок», но там справок не дают.

АМЭККО прислала подкрепление. 18 июля в Париж прибывает Дж. К. Ливингстон, вице-президент компании. 60-летний американец с элегантной бородкой настроен решительно: он не позволит этим парижским прохвостам вмешиваться в дела его фирмы, речь идет о престиже компании с мировым именем. Шума от него больше, чем пользы.

Между тем банда отчаянно стремится сбыть с рук горячий товар. Ситуация на рынке меняется. Сообщения в газетах сделали свое дело. Со всех сторон сообщают о появлении фальшивых чеков. 22 июля таможенники швейцарского пограничного городка Валлорб обнаружили 50 фальшивых чеков, не указанных в декларации. Таможенники не подозревали, что чеки фальшивые, и, слегка пожурив их владельца, пожелали ему счастливого пути. Через две недели в Женеве первый секретарь миссии одной из южноамериканских стран в Париже приглашается швейцарскими полицейскими в полицейский участок. Дипломат пытался реализовать в одном из женевских

банков 100 фальшивых и заранее подписанных дорожных чеков, которые он приобрел на «черном рынке» в Париже.

В эти же дни Жан встречает своего старого знакомого, вместе с которым он еще до войны проворачивал одно дело с фальшивыми деньгами. Это Поль Таллендье, громила с черными от жевательного табака зубами, который без труда сделал бы карьеру в фильмах-ужасах. Таллендье подвизался в роли эксперта по типографским делам еще одной банды, которая тоже собралась заняться подделкой дорожных чеков. Он готов участвовать в сбытовой деятельности фирмы «Пославский и к°» и обещает приобщить к этому и своих людей. Встреча должна состояться на следующий день в кафе «Аккей». Жан должен принести первую партию в 400 чеков.

В назначенное время мимо кафе медленно проехал «ситроен» и свернул в проулок. Через две минуты в кафе вошли два господина и заняли столик недалеко от входа. В глубине зала сидят Жан и Альберт. Появляется Таллендье и знакомит четырех мужчин. Называются не клички, которые через два с половиной года можно будет прочитать на страницах газет. Вежливость во Франции входит и в кодекс чести преступников. «Месье Жильбер и месье Антон», — представляет Таллендье. Жан и Альберт сами называют свои имена. Ни одной фамилии при знакомстве, естественно, не прозвучало.

Жильбер Хайслер — молодой бездельник с небольшими шансами сделать карьеру в преступном мире. Он — натура артистическая, нуждается в сильной направляющей руке. Антон Берманн лет на 10 старше (ему около 40) и сделан из совсем другого теста. Он любит подчеркивать свое дворянское происхождение, восходящее к некоему австрийскому роду, говорит по-немецки, не без акцента по-французски и на оксфорд-английском. Берманн опытен в подделке фальшивых денег и числится в розыске Интерпола.

«Аккей» — излюбленное место самых разных людей, избегающих яркого света, а также фирмы «Пославский и к°». В то утро 14 июля кафе было почти пустым. И все равно пятеро мужчин предпочитают уединиться в смежной комнате, где можно без помех поговорить. Заказан легкий завтрак. Только Жан приносит себе из буфета дешевого шипучего вина.

Таллендье, Хайслер и Берманн уважительно рассматривают чеки. Их качество вызывает похвалу. Берманн говорит, что готов войти в дело вместе со своими людьми.

Для такой небольшой партии, как лежащие на столе 400 чеков, он уже имеет покупателя и предлагает сразу же заехать к нему.

Жан кладет пачку чеков обратно в портфель и, качнувшись (бутылка уже пуста), выходит вместе с Таллендье, Хайслером и Берманном к машине, стоящей за углом. Только Альберт остается, ему не нравится эта игра, если деньги попадут не в те руки, он не хочет платить за это сломанными костями.

«Ситроен» выезжает к Елисейским полям и останавливается на одной из близлежащих улочек. Берманн забирает портфель и говорит Жану, что он может на некотором отдалении следовать за ним.

Постовой перед отелем «Астория» — штаб-квартирой армии США — лениво жует свою резинку и не обращает внимания на карточку, которую Берманн ему предъявляет. Жан, следуя за ним, поднимается на третий этаж, где двое субъектов в светлых пиджаках вырастают рядом с его коллегой и уводят его. Жан несется вниз по лестнице, как будто дело идет о его жизни. Собравшись, он ровным шагом пересекает холл гостиницы и потом из укромного местечка наблюдает, как Берманна заталкивают в машину.

Все это было вполне удавшейся инсценировкой. Действующими лицами были действительно полицейские, правда, один из них уже распрощался со службой, да и второй был на грани увольнения. Оба были старыми знакомыми Берманна. И отправились они, конечно, не в комиссариат, а в кафе, где все вместе отпраздновали удачу. Позже к ним присоединился и Хайслер. Расплатились они, не скупясь, стодолларовым чеком, конечно, фальшивым.

Окончательный расчет

Точно сказать, сколько чеков из 6 тыс., изготовленных в подвале под баром, разошлось, найдя покупателей, невозможно. За два с половиной года напряженного труда полиции удалось обезопасить 1100 фальшивых чеков. Но и много лет спустя фальшивые чеки появлялись то на Ривьере, то в Южной Америке.

«Америкэн экспресс компани» получила в порядке компенсации нанесенного ущерба (прежде всего морального, так как была задета репутация фирмы и ее авторитет у клиентов) 20 млн. франков.

Таллендье, который, очевидно, не подозревал о спек-

такле, который разыграет Берманн, позднее присоединился к Жану и Альберту. Вся троица попалась на подделке продуктовых карточек. Хайслер подвизался продавцом фальшивых почтовых марок. Он потерял свободу, когда пытался распространить среди филателистов слишком много саксонских треугольных почтовых марок. Берманн настолько уверовал в свою удачу, что рискнул распространять фальшивые доллары в американской зоне оккупации Германии. Военный суд приговорил мошенника, в течение многих лет разыскивавшегося Интерполом, к 12 годам заключения. Джолли, почувствовав опасность в афере с фальшивыми дорожными чеками, совершено внезапно скрылся и смог следить за процессом, проходившем в марте 1950 года в Париже, со стороны, в полном комфорте, листая французские и нью-йоркские газеты. Ни в одном из сообщений не было названо его настоящее имя, хотя он был прекрасно известен парижской полиции. Но его так и не привлекли к суду, и вышел он из аферы с белоснежной манишкой. Так же легко миновало правосудие и второе главное действующее лицо аферы — Збигнева Пославского. Он вовремя отправился в Израиль и стал там владельцем небольшого отеля.

Из 59 обвиняемых на судебном процессе в марте 1950 года 50 были признаны виновными. Их приговорили к разным срокам тюремного заключения, от нескольких месяцев до девяти лет, а также к денежным штрафам, размер которых доходил до 6 млн. франков. Главными обвиняемыми на суде были: Сути, Хайслер, Жан, Перрье, Жанин, Таллендье и Луп. Заочно был осужден Бернхайм, который оказался таким же неуловимым, как Пославский и Джолли.

М-р Дж. К. Ливингстон, придя в согласие с собой и с миром, вернулся в Штаты. М. И. Седерлунд без заметного ущерба перенес удар, нанесенный его репутации ведущего детектива АМЭККО. Эмилю Бенаму вскоре пришлось столкнуться с новыми задачами, решение которых найти было совсем не просто. Его лучшее дело было еще впереди, оно принесло ему славу Мэгре в делах с фальшивыми деньгами. Это было дело гениального одиночки — изготовителя фальшивых денег Боярского.

Утраченный гений: дело Боярского

Месье Эмиль Бенаму переживал и более удачливые времена. Старший комиссар отдела по борьбе с фальшивыми деньгами выиграл не одну кампанию против фальшивомонетчиков. Последнее его громкое дело слушалось в суде шесть лет назад. Тогда он здорово помог фальшивомонетчику Верзини уединиться в тюрьме на 20 лет.

Но сейчас где-то обитает человек, взять которого ему пока не по силам. Это не банда, а именно одиночка. Бенаму достаточно опытен, чтобы утверждать это с большой долей уверенности. Деньги появляются только в единичных, «авторских» экземплярах. Сначала это была банкнота в 1 тыс. старых франков, на которую эксперт Банка Франции обратил внимание в 1951 году. Распознать подделку было так же трудно, как и шесть лет спустя, когда появились вызвавшие подозрения банкноты в 5 тыс. франков. И вот последние произведения мастера фальшивок — новые 100-франковые банкноты. «Новыми» они были только в смысле обновленной валюты (в 1960 г. во Франции была проведена денежная реформа), сами же купюры загадочным образом были «состарены».

Он не мог бы перечислить все совещания, заседания и беседы с представителями национального банка, министерства внутренних дел, где пытались найти разгадку этого феномена. За 12 лет так и не удалось нащупать хоть какую-нибудь ниточку. Конечно, проводились многочисленные анализы, прежде всего бумаги, на которой были напечатаны фальшивые деньги. Вывод — все эти банкноты изготовил один и тот же человек. Неизвестно было даже, мужчина это или женщина. Во всяком случае соперник, способный на такую тонкую и точную работу, вызывал у комиссара уважение. Это не мешало темпераментному южанину каждый раз разражаться проклятиями, как только речь заходила об этом «фантоме».

Не один раз комиссар призывал Банк Франции обра-

титься к помощи населения в выявлении преступника. Каждый раз он наталкивался на ответ: это совершенно невозможно, так как невозможно указать ни один достоверный признак, по которому и дилетант мог бы отличить поддельные деньги от настоящих. Надо заботиться о спокойствии населения. Таким образом, французскому национальному банку не оставалось ничего другого, как только аккуратно принимать фальшивые банкноты и обменивать их на настоящие. Один постоянный признак установить все же удалось: автор на относительно крупных партиях своих банкнот не менял номера серий. Но так как банкноты поступали в обращение поштучно, проследить за их номерами было практически невозможно.

1963 год. Конец ноября. Бенаму стоит у окна. Серое небо расщедрилось на хороший дождик. Караваны автомобилей, вялая зелень сквера, колеблющееся море зонтов. Телефонный звонок. Разуверившийся в успехе комиссар впервые обрел надежду в своей долгой беспросветной борьбе с невидимым противником.

В почтовом отделении на бульваре Бессьер работают чертовски наблюдательные люди. Оттуда поступило сообщение о том, что некий посетитель с пачкой 100-франковых банкнот приобрел различные ценные бумаги. Служащий по номерам банкнот определил, что они фальшивые. Но человек уже вышел на улицу и как раз садился в машину. Служащий все-таки успел запомнить номер и дал описание посетителя: ему лет 50, он крепкого сложения...

Бенаму просит оставить ему номер автомашины, благодарит и вешает трубку, тут же связывается с полицейским управлением. Владельцем «рено» оказывается Алексис Шувалов, родившийся в 1927 году в семье русских эмигрантов в Ницце, проживающий... Бенаму записывает полученные данные и уже через несколько минут инструктирует своих людей. Большая операция, пока что нужно организовать тщательное наблюдение, никаких арестов, подробный инструктаж на почте, постоянная связь с управлением...

Проходит почти три недели, прежде чем Шувалов 23 декабря 1963 г. снова появляется на почте. Служащий спокойно принимает пачку банкнот и протягивает клиенту облигации. Потом Шувалов направляется с теми же целями в другие банковские филиалы. Он повторяет свой обход 30 декабря 1963 г., 7 января 1964 г., 17 января в дело вступает полиция.

Алексис Шувалов все отрицает. Он не виновен. Какие

фальшивые деньги? Да он их и в руках никогда не держал. Откуда у него эти банкноты? Надо подумать... Когда полиция начинает проявлять нетерпение, Шувалов вспоминает: «Ну, конечно... Как же я мог забыть? Мой кузен Антуан Довгье, у нас с ним были кое-какие расчеты». Довгье, оказавшись в полиции, долго не раздумывает. Он дает показания, что он получил деньги от своего друга Чеслава Боярского. Где его можно найти? Он живет в Монжероне, там он построил себе красивый дом.

Через пару часов несколько машин останавливаются перед домом в Монжероне, авеню Сенар, 33. Это скромный, но с большим вкусом построенный дом с ухоженным садом. Полиция прибыла, не имея ордера на обыск, след был настолько горячим, что решили не тратить времени на официальный запрос. Боярский протестует, но его просто отодвигают в сторону. «Что находится в чемодане?» «Не ваше дело!»

Боярский пытается бороться с полицейскими: «Это незаконно! Это налет!»

Чемодан открыт. В нем пачка новеньких банкнот. «Это фальшивые деньги! Они конфискованы, месье Боярский!»

Когда позднее содержимое чемодана проверяют эксперты Банка Франции, выясняется, что деньги настоящие.

Обыск в конце концов завершается безрезультатно, но полиция считает, что найденные деньги сами по себе являются уликой и поводом для серьезного разговора в Париже с их владельцем. Подозреваемый с порога отметает все обвинения в изготовлении фальшивых денег, к этому моменту готов и официальный ордер на арест. Практически одновременно с ордером Бенаму получает сообщение из Банка Франции, содержание которого нам уже известно. Комиссар воспринимает его, не дрогнув. За свою многолетнюю службу в отделе по борьбе с фальшивыми деньгами он вывел на чистую воду свыше 200 мошенников, он знает своих клиентов. Все они, большие и маленькие, делятся на разговорчивых и скрытных. Боярский скрытен. На вопросы отвечает обдуманно и неохотно.

В его доме на авеню Сенар ничего не нашли. Случается и такое. Значит, поторопились, слишком уверовали в близкий успех, думали, что имели дело с обыкновенным преступником.

Алжирец аккуратно переводит разговор на дом Боярского. Хозяин гордится своим домом. Он понимает в этом толк, это его профессия, он инженер-строитель. Боярский сам спроектировал свою виллу, сам участвовал в строи-

тельстве и с начала до конца осуществлял авторский надзор за строительством. Это именно то, что хотел услышать Бенаму.

Снова полицейские наряды отправляются в Монжерон. Простукиваются все стены, перекрытия, весь дом снизу доверху. Внимательнейшим образом обследуется подвал. Работа идет непрерывно в течение восьми часов. Все устали, уже потеряли надежду. В последний раз в гостевой комнате свернут ковер, на котором стоит большой письменный стол хозяина дома. И как раз под этим столом полицейских ждет удача: здесь находится мастерски замаскированный спуск в подвальное помещение. Его площадь — всего 6 *кв. м*, но здесь есть все необходимое, начиная от рулона бумаги до пресса.

Через несколько месяцев в этом подвальном помещении в присутствии свидетелей произойдет чудо. Боярский пояснит со всеми подробностями, что он делал, чтобы изготовлять совершеннейшие во всем мире фальшивки. Чиновники следствия вне себя. Этот человек обладает удивительными, феноменальными способностями. Перед ним бледнеет вся история изготовления фальшивых денег.

Жизненный путь

Все в облике этого человека значительно: высокий лоб, узкий, несколько великоватый нос, энергичный подбородок, живые глаза за стеклами очков и, наконец, тяжелая, прямая походка. В первый раз он входит 12 мая 1966 г. в зал суда присяжных на берегу Сены. Это тяжелые шаги карлика, возомнившего себя великаном. Это, вероятно, происходит подсознательно. Рост Боярского — 1 *м* 58 *см*. Тяжелая поступь характерна для многих невысоких людей.

Но человек, которого один французский судебный репортер окрестил «профессор Косинус», так как форма его головы блестяще иллюстрирует ставшее нарицательным прозвище высокообразованных людей — «яйцеголовые», на самом деле явление исключительное, хотя и в негативном смысле. Журналисты, собравшиеся в зале суда, не клеймят, а скорее сочувствуют ему. В их репортажах звучит тихая мелодия реквиема по потерянному гению, которому общество не смогло предложить ничего иного, кроме карьеры преступника.

«Художник, маг, гений, само лукавство» — так называ-

ет его «Юманите». Репортер из «Монд» пишет о его «удивительных, необыкновенных способностях», считая его «самым оригинальным фальшивомонетчиком своего времени».

13 лет понадобилось французским стражам порядка, чтобы арестовать этого врага государства, паразита на теле общества, который успел выпустить фальшивых денег на сумму 249 млн. франков (в этой цифре суммированы старые и новые франки. Действительный эквивалент фальшивых банкнот так и не был установлен. Французский национальный банк на процессе заявил об ущербе в 1,1 млн. франков. Нанесенный ущерб оценивается и в 3,6 млн. франков). Уже один этот факт вынудил публику, собравшуюся в зале суда, отнестись с уважением, а затем с симпатией к главному обвиняемому, по мере того, как слушатели узнавали о его жизни.

Чеслав Боярский родился в 1912 году в польском городке Ланцут в семье мелкого коммерсанта. В львовском политехникуме изучал политическую экономию, через несколько лет получил в университете Данцига диплом инженера-строителя. В начале второй мировой войны он офицер польской армии. В 1940 году в Марселе он вступает в ряды Сопротивления, победу встречает в составе батальона польских добровольцев в Париже.

Многие его боевые друзья возвратились на родину. Чеслав Боярский решил, что во Франции он найдет лучшее применение своим способностям. В Бобиньи, северном пригороде Парижа, он снимает маленькую квартиру и превращает ее в мастерскую. Там он самозабвенно работает, изобретает, получает патенты: за изготовление пластмасс, за электробритвы, за ротационные моторы... Но ему не удается найти заказчика, его изобретения оказываются никому не нужными. Дипломы Боярского о высшем образовании не признаются во Франции, он не может занять положение, на которое рассчитывает. Уже немолодой человек продолжает мастерить, выдумывать, изобретать. В 1948 году он женится на молодой француженке из состоятельной семьи. Сюзанна, а также ее родители верят в его талант, поддерживают честолюбивого изобретателя. Но это не выход. Чеслав Боярский не может жить подаянием. В тот же год у какого-то старьевщика за 200 старых франков он приобретает неисправное биде «старого режима». Из него он делает мельничную установку для переработки бумаги. Инженер-строитель, абсолютно не знакомый с полиграфией, штудирует специальную литературу и

строит небольшой пресс. Потом он занимается изучением паутины тончайших линий и точек на банкнотах, которые также очень далеки от технических чертежей, в коих он практиковался в Данциге. Чеслав чертит, рисует, занимается гравировкой, работает резцом, смешивает краски. Отрешенно, упорно, отчаянно он идет к своей цели. То, чего он не может получить от общества нормальным путем, он сделает сам. И с той же точностью, какая присутствует в клубке линий и портретах Мольера и Гюго, он имитирует также следующие слова: «Подделка государственных банкнот, а также использование фальшивых денег в соответствии со ст. 139 уголовного кодекса караются пожизненным тюремным заключением. Это наказание распространяется и на тех, кто ввозит фальшивые банкноты во Францию».

Результаты, которых за два с половиной года труда достиг неутомимый поляк, не прошедший обучения ни в производстве бумаги, ни в технике печати, не говоря уже о графических работах, заслуживают эпитета «гениальные». Его банкноты просто совершенны. Он подумал и о водяных знаках. Для того, чтобы окончательно снять все возможные подозрения, Боярский изобретает специальную установку, которая «старит» деньги. Эксперты Банка Франции, выступая в суде, признают, что невозможно было предупредить общественность, назвав признаки, по которым можно было бы отличить продукцию Боярского. Даже им, экспертам, с огромным трудом, да и то не всегда, удавалось идентифицировать банкноты. «Стреляным воробьям» показался подозрительным хруст, который издавали банкноты, если их усердно мять. Но кому придет в голову мять деньги? Единственная реальная улика — это повторяющиеся номера банкнот, но она начинает «работать» только тогда, когда фальшивые банкноты поступают целыми пачками.

На первую изготовленную самостоятельную банкноту Боярский приобрел петушка для рождественского стола 1950 года. За долгое время это был первый вклад главы семьи в семейный бюджет. До 1954 года отвергнутый обществом гений изготовлял 1000-франковые банкноты. Он сам пускал их в оборот, всегда по одной купюре, затесавшейся среди настоящих денег. Постепенно Боярский освобождается от всех финансовых забот, но в конце 1954 года останавливает, несмотря на подбадривающее молчание прессы, свое прибыльное производство, вновь посвятив себя изобретательству. Но на этом поприще удача так и не

улыбнулась ему. В 1957 году Боярский начинает производство банкнот в 5 тыс. франков. Инфляция сказывается и на его промысле. Кто будет безучастно смотреть на то, как финансовые воротилы выпуском новых денег обесценивают оплату квалифицированного труда? Рабочие и служащие борются за свои права забастовками. Чеслав Боярский лишен права на забастовку. Ему остается только расширить свое производство, но он по-прежнему сбывает свои банкноты самостоятельно. В 1960 году он строит виллу в Монжероне, в ее подвале в 1962 году Чеслав начинает выпуск банкнот в 100 новых франков.

Его друг Антуан Довгье, которого Боярский неоднократно спасал от неуплаты долгов, в конце концов становится его сообщником. Боярский предупреждает его: ни в коем случае нельзя его деньгами расплачиваться в банке или на почте. Довгье за 70 настоящих франков получает 100 франков Боярского, такой курс они установили. Довгье вовлекает в дело своего родственника Шувалова, рассчитываясь с ним по курсу 75 настоящих франков за 100 франков Боярского. Время идет, никаких тревожных сообщений не появляется. Постепенно соучастники Боярского смелеют. Для Шувалова Боярский — фальшивомонетчик совершеннейшего класса, которого нельзя уличить. Опасаться нечего... Для Боярского Шувалов стал гибелью, тогда как комиссару Бенаму он принес неожиданное счастье.

После оглашения приговора Бенаму заявил: «Возможности искусства Боярского ошеломительны. Если бы он во Франции подделывал доллары, его бы, вероятно, вообще никогда не арестовали».

Американский журнал «Тайм» писал о фальшивых деньгах Боярского: «Это была настолько чистая работа, что... даже во Франции, где производится 80 % всех фальшивых денег, Боярский заслуживает славы Леонардо да Винчи».

Что касается 80 %, то это сильно преувеличено. По официальным данным, именно в США производится не меньше половины всех фальшивых денег. Важнее другое. Почти во всех откликах на судебный процесс содержался вопрос: кем бы мог стать этот человек, если бы он попал в хорошие руки? Что бы стало с ним, если бы он вернулся в Польшу? Варварски разрушенная страна, тысячи ученых которой были истреблены, нуждалась в таких людях, как Боярский. Что заставило его, человека с незапятнанным прошлым, забыть столь свойственный поляку патриотизм?

Что удерживало его во Франции, где все его инженерные начинания, его квалификация, его патенты оказались не нужны?

Процесс

12 мая 1966 г., четверг. Человек, сидящий сейчас на скамье подсудимых, после двух с лишним лет предварительного заключения очень мало похож на энергичного изобретателя и предпринимателя. Бледное, измученное лицо. Чеслав Боярский тяжело болен. У него туберкулез легких и костный рак. И все равно он готов к борьбе с обществом, которое отказало ему в признании, с судом этого общества. Перес, председатель суда, доволен, он рассчитывает сыграть не последнюю роль в этом спектакле. Он уже знает, что поляк отнюдь не обладает ораторскими способностями, у него затруднения с французским, а что касается логики, которая была ему незаменимой помощницей в изобретательской деятельности, то сейчас она ему явно изменяет. Боярский держится отстраненно, он всегда был одиночкой, который все делал сам, он не мастер вести диалог, но теперь ему приходится это делать, и он, как слепой, попадает в нехитрые ловушки, которые расставляет Перес.

«Скажите, обвиняемый, вам никогда не приходила в голову мысль подыскать себе работу? И потом, бывает, люди решаются на воровство, даже на убийство, но почему фальшивые деньги..?»

Боярский понимает, что его провоцируют, но не может возразить, что ему так и не удалось найти работу, чувствует себя оскорбленным намеком судьи, не делающим чести последнему: воровать или даже убивать лучше, это доставит меньше неприятностей государственному банку. Но так «социально» Боярский не рассуждает: «Господин председатель, я никогда не был в состоянии что-нибудь украсть или напасть на кого-нибудь. Я запер себя в своей башне из слоновой кости и хотел сделать что-то своими руками. Я знал, что мои дети будут презирать меня, если я не смогу накормить их».

Перес: «У вас не было ощущения, что вы занимаетесь чем-то противозаконным, подлежащим наказанию?»

Боярский: «Это было больше, чем ощущение, господин председатель. Я это знал. Я сам писал это на своих банкнотах. Я испытывал страх, но я знал также, что никому

конкретно я не наношу вреда. Банкноты циркулируют, деньги меняют владельцев, текут...»

Перес: «Прежде всего они текли к вам...»

На этот раз Боярский не отступает, возбужденный, он перебивает председательствующего, он хочет, чтобы ему дали высказать свою теорию, свое оправдание. Во Львове он штудировал политическую экономию. «Я слушал лекции старого профессора, который преподавал там еще при царе. Он рассказывал, что видел своими глазами, как сыновья богатых родителей прикуривали свои сигары от 100-рублевых ассигнаций. Профессор говорил, что тот, кто сжигает деньги, чтобы от них прикурить, наносит вред государству; банкнота, находящаяся в обращении, приносит всем прибыль».

Перес: «Значит, надо направлять в обращение как можно больше денег. Но это же неразумно, даже смешно. Хотя нет, это теория инфляции. Обвиняемый только хотел оказать государству услуги».

Перес, вызвав оживление в зале, набрал кое-какие очки, но не у всех. Бо́льшая часть публики возмущена тем, как судья издевается над обвиняемым. Сидящим в зале жаль Боярского. В конце концов, никого из них он не сделал ни на сантим беднее. Они понимают, что ему остается одно — гордость мастерового за свою работу: «Делать фальшивые банкноты так, чтобы все их принимали за настоящие, — это невозможно. Я отрешился от всего и попытался сделать невозможное возможным».

Перес не упускает ни одной возможности унизить Боярского. Когда Боярский рассказывает о своих неудавшихся попытках внедрить свои патенты, Перес с явной издевкой замечает: «Вам не вменяются в вину ваши изобретения, которые никому не пригодились. Это не преступление, это дилетантство». Затем, когда возобновляется разговор об успехах Боярского на стезе изготовителя фальшивых денег, Перес не может удержаться от ремарки: «Итак, ваше дело прогрессировало. Вы смогли поместить свои прибыли в швейцарский банк. Вы были очень неосторожны, так как этот банк не вызывал доверия. Он обанкротился».

Только однажды Боярскому удается вызвать смех в свою пользу. Председателю вручают синюю банкноту в 1 тыс. франков, серия которой пять лет назад вышла из обращения. Перес несколько минут изучает деньги, пытается смять банкноту, беспокойно оглядывается: «Может быть, деньги настоящие?»

Потом ту же банкноту передают Боярскому. Мельком взглянув на нее, он говорит: «Поздравляю, господин председатель, она настоящая!» После чего не может сдержать смех.

Несмотря ни на что, Чеслав Боярский продолжает верить в свой призрачный шанс. Он не подозревает, что жить ему осталось всего несколько месяцев. Боярский правоверный католик, и он надеется на милость правительства, которое предоставит ему — фальшивомонетчику — возможность работать экспертом по деньгам. Он уже предложил свой вариант использования для производства денег бумаги, которую, как он считает, невозможно подделать. Но это весьма и весьма шаткие надежды. Его адвокаты в этой связи отмалчиваются.

Суд приступает к допросу соучастников Боярского. Конечно, от былой дружбы не осталось и намека. Конечно, оба и не предполагали, что имеют дело с фальшивыми деньгами.

Перес: «Месье Шувалов, вы считали нормальным, что 100 франков вам предлагают за 75 франков?»

Шувалов: «Я думал, они настоящие, может быть, краденые...»

При рассмотрении методов гениального фальшивомонетчика заседание в суде происходит при закрытых дверях. Дают показания два эксперта. Когда позже слово предоставляется прокурору Шарасс и президенту адвокатской палаты Жоржу Шресте, представлявшему в суде интересы Банка Франции, в зале звучит не только хорошо наигранное возмущение преступной деятельностью Боярского, но до некоторой степени уважение к его гению. Перес и 10 присяжных не сделали ни единого замечания, они целиком обратились в слух и лишь иногда кивали.

Затем выступает прокурор. Зал заполнен до отказа, становится душно. Защитники обвиняемых адвокаты Тиссадр и Дебре с большим трудом пытаются вычленить из его речи какие-либо смягчающие моменты. Но Шарасс руководствуется не логикой, а эмоциями, он говорит о «паразите в превосходной степени», который вместо того, чтобы что-нибудь сделать для общества, предложил ему обесцененные шутовские деньги. «Низшей точкой его падения, — гремит в зале зычный голос прокурора, — было то, что он ни разу не удосужился уплатить налоги!» Это был действительно перл. Фальшивомонетчик, выплачивающий налоги. Это нечто из ряда вон выходящее во всей уголовной истории. Шарасс потребовал высшей меры на-

казания — пожизненного заключения: «Когда же нам применять статью 139 в полном объеме, как не в этом случае? В 1958 году 20 лет тюрьмы получил фальшивомонетчик Верзини. Но по сравнению с Боярским он — мелкая рыбешка».

После этого слово получают адвокаты. Им есть что сказать в пользу обвиняемого и в укор обществу, которое в общем-то вынудило Боярского выбрать его дорогу.

Защитники упоминают и своеобразное толкование Боярским права в духе своей «теории», с которой тот уже ознакомил суд. Оно свидетельствует о том, что подсудимый не вполне ведал, что своими действиями он нарушает закон.

Боярский в своем последнем слове говорит: «Я глубоко сожалею о том, что причинил столь значительный ущерб Банку Франции. Я совершенно искренне уверяю вас, что никогда не хотел принести вред кому бы то ни было. Не отнимайте у меня надежды исправить свою вину, принести пользу, подарить моим детям улыбку».

14 мая 1966 г. оглашается приговор. Надежда Чеслава Боярского на то, что он еще сможет улыбнуться своим детям, рухнула. Он приговаривается к 20 годам тюрьмы. Председатель суда объясняет «мягкость» приговора глубоким раскаянием подсудимого. Боярский потрясен, он прячет лицо в ладонях.

Но процесс идет дальше, его сюрпризы еще не иссякли. Антуан Довгье с самого начала апеллировал к ст. 138, которая гарантировала свободу лицу, замешанному в афере с фальшивыми деньгами, если оно выдает правосудию своих сообщников. Его позиция имела законные основания. Но как в этом случае следовало поступить с Алексисом Шуваловым? «Если вы пощадите Довгье, — заявил прокурор Шарасс на последнем перед вынесением приговора судебном заседании, — то морально вы не имеете права осуждать и Шувалова — последнее звено в этой преступной цепочке».

Своеобразная мораль.

Довгье в конце концов был оставлен на свободе, Шувалов был приговорен к 5-летнему тюремному заключению условно.

Чеслав Боярский не увидел бы свободы и при более мягком приговоре. Он умер через несколько месяцев.

Скандал в Карлсруэ

Для многих жителей и гостей Карлсруэ двухэтажное здание на Стефаништрассе, 28, построенное в духе классицизма, — предмет, достойный уважения. С деятельностью 50 работавших в этом здании сотрудников связывались представления об исключительной точности, эффективнейшем контроле, доскональном знании законов, о высоком мастерстве и художественном вкусе в обращении с благородными и не только благородными металлами. В доме на Стефаништрассе, 28, квартировала Государственная монета (Государственный монетный двор), один из четырех монетных дворов ФРГ. Эта организация до сих пор располагается по указанному адресу. Что же касается чувства благоговейности, которое она вызывала в свое время у обывателя, то с конца января 1975 года оно поутихло.

Дело в том, что 20 января 1975 г. заместитель директора Государственной монеты Стефан Хайлинг и рабочий-монетчик Клаус Фетцнер были арестованы.

Точными данными еще никто не обладал, но газеты уже писали об очередном «скандале века», пестрели вызывающими беспокойство заголовками: «Коллекционеры обеспокоены судьбой своих сокровищ», «Лихорадочная активность в министерствах после разоблачения фальшивомонетчиков из Карлсруэ» и т. п.

Директор предприятия в Карлсруэ Вилли Отт вскоре после вскрытия фактов нарушения порядка на монетном дворе был отстранен от службы, или, как это звучит на немецком чиновничьем языке, ему был предоставлен отпуск на период ведения предварительного следствия. Для Отта вся эта афера была совершенно неожиданна, развеялись лелеемые мечты о предстоящем 150-летнем юбилее руководимого им заведения и о связанных с ним на-

граждениях и других приятных мероприятиях, включая дальнейшее продвижение по чиновничьей лестнице. Государственная монета из Карлсруэ была предприятием с высоким авторитетом. Здесь изготовлялось 17,3 % монет ФРГ, выполнялись и зарубежные заказы. Заказчики, узнав о скандале, естественно, сразу занялись проверкой того, затронуты ли изготовленные для них на монетном дворе в Карлсруэ монеты и медали аферой с фальшивыми монетами.

Но что же на самом деле стояло за сенсационными сообщениями прессы, взбудоражившими нумизматические круги? Что это за скандал, и как он стал достоянием гласности?

Желанная «двушка»

В конце ноября 1974 года Германский федеральный банк получил запечатанный пластиковый пакет с серией монет, на которых был выгравирован 1967 год и буква «G» («G» — это фирменный знак монетного двора в Карлсруэ). Это были знаменитые в кругах коллекционеров монеты достоинством в 2 пфеннига, покрытые медным слоем и с железной «начинкой». В свое время было пущено в обращение всего 520 экземпляров таких монет. Их рыночная цена составляла 1800 марок. Отправитель пакета просил банк провести экспертизу посланных монет, так как грань между лицевой и обратной стороной монет вызывала у него сомнение.

Экспертиза подтвердила опасения внимательного коллекционера. Поступили и другие подобные сигналы. Подозрения в том, что кто-то на монетном дворе в Карлсруэ манипулирует монетами прежних выпусков, становились все более серьезными.

После обстоятельной предварительной проверки, которую проводили сотрудники федерального банка и криминальной полиции на Стефаништрассе, 28, а также обысков на квартирах подозреваемых были произведены аресты заместителя директора монетного предприятия в Карлсруэ Стефана Хайлинга и рабочего-монетчика Клауса Фетцнера.

Лишь спустя полтора года, когда скандальная тема была уже изрядно подзабыта общественностью, 27 сентября 1976 г. в земельном суде в Карлсруэ начался процесс

по делу Отта, Хайлинга и Фетцнера. Главный пункт обвинения — фальшивомонетничество в соответствии с § 146 уголовного кодекса, а также обман покупателя в корыстных целях.

Последнее обвинение выдвигалось против Хайлинга и Фетцнера, производивших незаконную чеканку монет, ранее выпускавшихся в строго ограниченных количествах. Директору Отту вменялось в вину укрывательство преступления, а также ряд неправомерных служебных действий, которые, однако, подлежали рассмотрению не в судебном, а в административном порядке.

На допросах публика ознакомилась с деталями биографий обвиняемых.

Вилли Отту было 62 года. С 1961 года он возглавлял монетное предприятие в Карлсруэ. По уровню своего месячного оклада он приравнивался к высшим правительственным чиновникам. По образованию — инженер-машиностроитель. В силу этих «очевидных причин» он был не вполне в курсе всех предписаний, регулирующих деятельность монетного предприятия.

40-летний Клаус Фетцнер, плотник по образованию, с 1957 года работавший в Государственной монете, тоже мог сослаться на свою правовую неосведомленность. Он получил высокую квалификацию в монетном деле и был признанным мастером. Фетцнер мог делать самостоятельно каждую порученную ему работу. Полученный заказ, в том числе и изготовление медалей и «зеркальных» монет (полировались до зеркального блеска и специально выпускались для коллекционеров), он выполнял самым тщательным образом. Фетцнер пользовался безграничным доверием, ему даже поручили наблюдание за одним из четырых имеющихся на предприятии помещений особого хранения.

Уже в январе 1975 года в качестве главного обвиняемого пресса рассматривала 61-летнего Стефана Хайлинга. По образованию он был учителем, но с 1948 года начал работать на монетном дворе в Карлсруэ. Стефан начинал неквалифицированным рабочим, потом стал служащим, постепенно поднимаясь по чиновничьей лестнице, дослужившись в конце концов до поста заместителя директора. Хайлинг занимался оперативным руководством производства.

Прокурор предполагал, что хотя бы он знает соответствующие юридические предписания и инструкции. Но, увы. Незнание законов, а тем более ценности, которую

продукция предприятия представляла для коллекционеров, было основным мотивом защиты подсудимых.

Для того чтобы суд мог разобраться в механизме преступления, первыми слово получили эксперты. Из их показаний следовало, что монетный двор сам по себе не имел никакого права осуществлять чеканку или дочеканку денег или медалей.

Для этого необходимо было получить указания федерального министерства финансов, в котором существовало соответствующее подразделение, занимавшееся выдачей соответствующих заказов на чеканку. Контроль за выдачей заказов и их исполнением в этом подразделении министерства находился в руках двух человек: д-ра Вальтера Хаака (58 лет) и Роберта Термера (62 года).

Это было известно Хайлингу и Отту. Отт заявил даже, что видел в д-ре Хааке своего шефа. Не исключено, что это заявление должно было лишь подчеркнуть неосведомленность Отта в юридических вопросах.

Вальтер Хаак был страстным коллекционером памятных монет, по крайней мере до 1973 года, когда к нему пришел один из его коллег и предложил купить свою коллекцию западногерманских монет. Хаак приобрел коллекцию и одновременно получил список недостающих монет. Этот список сыграл не последнюю роль в разразившемся вскоре скандале. Во всяком случае Хаак передал список своему старому знакомому Отту с просьбой просмотреть его.

Директор монетного двора обещал узнать, «не осталось ли чего» на его предприятии. Ничего не осталось. Или, точнее говоря, господин директор забыл о таинственной коробке, содержание которой превратило мелкие служебные просчеты в громкий скандал. Но господин директор «забыл» о коробке точно так же, как и никто из вышестоящей инстанции не вспомнил о том, делался ли заказ на производство того, что в ней хранилось. В коробку мы еще заглянем.

Для того чтобы добиться благосклонности вышестоящих или сохранить ее, кое-кто совершает такие поступки, которые, по его же недавнему мнению, мог совершить только кто-то другой. Девиз: должно было быть сделано. Отт поручил Фетцнеру отполировать требуемые монеты. Фетцнер, оставаясь пока невиновным, выполняет указания шефа. Между тем само это указание было явным нарушением закона. Прежние заказы федерального министерства

финансов были давно выполнены, соответствующие расчеты произведены.

Когда несколько недель спустя Хаак и Термер снова оказываются на монетном дворе в Карлсруэ, Отт вручает своему куратору 14 недостающих по списку монет по их номинальной стоимости — за 13,86 марок. Неужели эксперт, к тому же нумизмат в узкой области (коллекционирование монет, выпускаемых в ФРГ), действительно не представлял реальную ценность «купленных» им монет? Так утверждает Хаак. Но в его же отделе имелся каталог «Йегер». Хаак этого не отрицает, но говорит, что он использовался только для получения справок о том, сколько было выпущено тех или иных монет.

Где нет доказательств, там лучший прокурор не сможет опровергнуть наигранную неосведомленность. Среди монет, приобретенных Хааком за 13 марок 86 пфеннигов, была уже упомянутая «двушка», а также монета в 50 пфеннигов, выпускавшаяся в 1950 году, на которой выгравирована надпись: «Банк германских земель». Эти монеты в кругах коллекционеров оценивались в 1800 и 340 марок соответственно. По словам Хаака, Отт утверждал, что эти монеты остались от выполненного заказа Музея денег федерального банка. Снова большой вопросительный знак. Что это за «остатки»?

Термеру тоже досталось по одному экземпляру обеих раритетных монет. Отт вручил их со словами: «Господин Термер, вот две монеты, они весьма редкие. Я хотел бы их подарить вам на память». Ответом Термера была вымученная улыбка и крепкое рукопожатие. Он принял подарок для того, чтобы, вернувшись домой, забросить монеты в какую-нибудь коробку из-под обуви. Термер не был коллекционером.

Хааку с большим трудом удалось избежать обвинений в подстрекательстве к изготовлению фальшивых монет. До создания в Бад-Хомбурге в 1968 году специализированной организации, занимающейся рассылкой монет для коллекционеров, четыре предприятия в ФРГ, где чеканились монеты, могли самостоятельно производить рассылку и расчеты по согласованию с федеральным банком. Таким образом, некоторые экземпляры ранее изготовленных монет могли действительно находиться на монетных дворах. Это спасло мнимо простодушного чиновника, занимавшего высокий пост, эксперта и собирателя западногерманских монет, который, как следовало из его заявлений, оказы-

вается, не имел никакого представления о том, что он собирал.

Директор Отт поручил Фетцнеру довести желанные монеты до зеркального блеска. Это свидетельствовало — как бы странно ни звучало — о незнании директором коллекционных образцов монет. Зеркальный блеск появился на западногерманских монетах лишь с 1952 года. Строго говоря, указанный факт в суде мог быть истолкован в пользу Отта.

Основной аргумент обвиняемых и их адвокатов состоял в том, что за каждую из «дочеканенных» раритетных монет, которые формально находились в обращении, из оборота изымалась и пускалась в переплав «нормальная» монета. Сумма денег, находившихся в обращении, оставалась неизменной. Таким образом, ни о каком фальшивомонетничестве, предусмотренном § 146, не может быть и речи.

После этого суд обратился к конкретным обстоятельствам дела. В 1968 году директор Отт распорядился отчеканить для Музея денег федерального банка в «зеркальном» исполнении по 20 экземпляров каждого вида монет, изготовленных до этого момента в Карлсруэ. Хайлингу он объяснил, что соответствующий заказ был выдан федеральным министерством финансов, правда, в устной форме.

Хайлинг в суде утверждал, что выразил сомнения относительно подобных действий, но Отт уверил его, что письменный заказ последует позже.

Подобный заказ так никогда и не дошел до Стефаништрассе, 28. К тому же все вызванные в суд представители федерального банка, в том числе и заведующий Музеем денег, решительно отрицали, что когда-либо выдавали такой заказ. Так возникла очень сомнительная ситуация, которая не была выяснена до конца и позволила создать картонную коробку с ее таинственным содержимым.

Упомянутый «заказ» охватывал 73 типа монет, его общая номинальная стоимость составляла 2020 марок. Так как не все необходимые для дела штампы сохранились, был приглашен юный практикант, который должен был восполнить недостающие. Молодой человек, ко всеобщему удовлетворению, справился с порученным делом. Ко времени судебного разбирательства в Карлсруэ он, при всей деликатности ситуации, оказался в штате экспертов федерального банка по фальшивым деньгам.

Конечно, к нему так же мало относились какие бы то ни было претензии, как и к тому человеку, который отчеканил эти монеты и личность которого уже нельзя было установить. Разумеется, Хайлинг незаконно увеличил заказ своего шефа, распорядившись изготовить каждого типа монет на несколько экземпляров больше — для сувениров своим родственникам или друзьям. При этом заместитель директора настаивал на том, что им были пущены в «переплав» монеты того же достоинства, изъятые им из обращения. Все было сделано с холодной корректностью. Так как официальный заказ федерального министерства финансов заставил себя ждать, изготовленные «зеркальные» монеты были упакованы в уже известную нам коробку, помещенную в одно из четырех хранилищ и всеми забытую.

Немногим позже коробка, чтобы избежать встреч с ревизорами, перекочевала в помещение, где находился сейф под номером 1, которым распоряжался Фетцнер и где регулярных проверок содержимого практически не бывало. В 1973 году Хайлинг распорядился отчеканить еще 15 «двушек», которые оказались в той же самой коробке.

В конце декабря 1974 года Хайлинг, замещая своего шефа, принял участие в совещании руководителей предприятия по производству монет. Между делом в разговоре с одним из высокопоставленных коллег федерального банка он поинтересовался дальнейшей судьбой монет для коллекционеров, сделанных по заказу Музея денег. Его собеседник ничего не знал, эту историю он слышал впервые.

Явился ли этот мимолетный разговор решающим толчком для последующего развития событий, сказать трудно, но, вернувшись с совещания, Хайлинг тут же отправился в комнату, на бронированной двери которой стояла цифра 1, и занялся таинственной коробкой. Управляющий хранилищем, отвечая в суде на вопрос, не показались ли ему странными действия Хайлинга, чистосердечно заявил: в том, что к нему поднялся господин заместитель директора, ничего необычного не было.

Вообще на монетном дворе в Карлсруэ порядок понимали по-своему. Здесь царила этакая швабская уютность, никто никого ничем особенно не обременял. Вовсе не было, например, контроля на входе и выходе. В суде, отвечая на вопрос, кто же все-таки имел доступ к ключам от бронированных помещений, Клаус Фетцнер заявил: «Кто

раньше приходил, тот и брал ключи». Директор монетного двора Отт в другом случае, извиняясь, вынужден был признать: «У нас, вы уже заметили, все соблюдалось не очень точно».

В этих условиях Стефан Хайлинг не слишком рисковал, распоряжаясь коробкой с немалыми ценностями, как своей собственностью. Прежде всего бравый замдиректора, по-видимому, совершенно официально распорядился увеличить количество коллекционных монет. Их штампы хранились все в той же коробке. Затем он похищает для начала четыре комплекта. Хотя что значит «похищает»? Стефан Хайлинг решительно протестует против подобной квалификации его действий. За каждую коллекционную монету он уплатил, пустив монеты, которыми была внесена плата, в переплав.

Эти пояснения Хайлинга, всячески поддержанные защитниками трех главных обвиняемых — адвокатами Эглером (защищал Хайлинга), Лезером (защищал Отта) и д-ром Кеммерером, доставили суду немало головной боли, но к этому мы еще вернемся.

На вопрос суда, почему замдиректора не посвятил в это, по убеждению последнего, законное дело своего шефа, Хайлинг отвечал, что был зол на директора, так как тот собирался отправить его досрочно на пенсию.

В рождественские дни 1974 года Клаус Фетцнер привлекается — чем не подарок? — к реализации многообещающих планов Хайлинга. Есть штампы, есть оборудование, Фетцнер — признанный мастер чеканки. Чего же еще не хватает для того, чтобы широко развернуться? Теперь столь вожделенные в кругах коллекционеров монеты можно изготовлять в свое удовольствие.

Находится и дилер, который берется снабжать рынок ценным товаром. Это 39-летний разъездной монтер Маурич. Установлена и твердая такса, по которой он расплачивается с Хайлингом и Фетцнером за каждую проданную монету.

Всего Маурич, по его показаниям, принял к продаже 500 монет, предоставленных ему предприимчивым дуэтом. За это он выплатил Хайлингу 35 тыс., а Фетцнеру — 28 тыс. марок. Свою собственную прибыль Маурич оценил в 11 тыс. марок.

Три ошибки

Хайлинг и Фетцнер допустили три ошибки, совершенно непростительные для служащих предприятия, где производятся деньги.

Первая ошибка — это монета в две марки, заказ на чеканку которой поступил на монетные дворы Карлсруэ и Гамбурга в 1959 году. Штампы поступили из Мюнхена. По каким-то причинам заказ вскоре был аннулирован. В результате монет серии «М.р. 1959 G» вообще не должно было быть.

Но в коробке нашлись образцы этих монет. И дуэт Хайлинг — Фетцнер, не задумываясь, запустил их в свое производство. Ошибка была обнаружена тогда, когда исправить ее было уже невозможно. Маурич уже продал первые несуществующие монеты.

Вторая ошибка — это монеты в 50 пфеннигов 1950 года выпуска. При их изготовлении для лицевой стороны использовали старый штамп с гравировкой «Банк немецких земель», для обратной стороны использовали более поздний штамп. К тому же при более поздней «дочеканке» применяли технологию зеркальной полировки, упустив из виду, что «зеркальные» коллекционные монеты появились только в 1952 году. 50-пфенниговые монеты 1950 года в зеркальном исполнении — это был абсолютный уникум.

Представитель обвинения д-р Адольф Мюллер, руководитель отдела по борьбе с хозяйственными преступлениями прокуратуры Карлсруэ, в своем выступлении счел вполне доказанным обвинение трех сидящих на скамье подсудимых господ в фальшивомонетничестве в соответствии с § 146 уголовного кодекса. Но подделываются только те деньги, которые могут иметь курс. Никто не подделывает деньги, чтобы выкупить их за ту же цену. А в этом Хайлинг и Фетцнер были очень точны. За каждую монету «собственного производства» они вносили ее номинальный эквивалент в обычных монетах, которые шли на переплав. В своем роде это был уникальный случай в истории фальшивомонетничества, против которого буква закона оказалась бессильной. Фальшивомонетчики из Карлсруэ действовали вполне в духе незабвенного Беккера, но по существу все происходило совсем иначе — на государственном монетном предприятии с использованием штампов, являющихся собственностью государства.

Прокурор стоял на своем. Он опирался на то, что за-

конного заказа на дочеканку монет не было, об этом говорили свидетели: директор федерального банка д-р Вешке, который курировал работу всех четырех монетных дворов ФРГ, а также эксперты по фальшивым деньгам того же банка.

Кроме того, на каждой денежной купюре, выпускаемой федеральным банком, мелким шрифтом написано: «Подделка банкнот, приобретение и распространение фальшивых банкнот караются лишением свободы на срок не менее двух лет». То же самое относится и к находящимся в обращении монетам. Диапазон наказания, конкретную меру которого определяет суд, широк: от указанных 2 до 15 лет лишения свободы, если доказана подделка находящихся в обращении денег. Ни одна кассирша супермаркета не признала бы деньги, о которых шли дебаты, как настоящие. Самое же главное состояло в том, что незаконно дочеканенные монеты пользовались большим спросом в кругах нумизматов, здесь их курс превышал номинал.

Действия по конфискации у похитителей и ставших известными покупателей способствовали тому, что монеты Хайлинга — Фетцнера превратились в раритет с резко подскочившим на них спросом.

Прокурор потребовал приговорить обвиняемых к следующим срокам лишения свободы:

Клауса Фетцнера — к трем годам и трем месяцам,
Стефана Хайлинга — к четырем годам,
Вилли Отта — к трем годам.

Речи адвокатов сводились к требованию освободить их подзащитных. Их аргументация сводилась к следующему. Обвиняемые по существу не знали своего правового статуса, причем то же самое можно сказать, как показывает судебное расследование, и о чиновниках федерального министерства финансов. Нанесение имущественного ущерба ни государству, ни коллекционерам не доказано. Обвинения в фальшивомонетничестве не обоснованы уже хотя бы потому, что любые деньги, производимые на государственном монетном дворе, если незаконность их изготовления не доказана (а таких доказательств, по мнению защиты, представлено не было), должны быть признаны настоящими.

Приговор земельного суда в Карлсруэ от 11 октября 1976 г. гласил:

Клаус Фетцнер за продолжительное воровство и мошенничество осуждается к 10 месяцам лишения сво-

боды. При внесении штрафа в 5 тыс. марок лишение свободы заменяется условным сроком заключения в три года.

За аналогичные преступления Стефан Хайлинг приговаривается к 11 месяцам лишения свободы и штрафу в 4800 марок. При внесении дополнительного штрафа в 5 тыс. марок лишение свободы заменяется условным сроком заключения в три года.

Вилли Отт приговаривается к денежному штрафу в 7200 марок.

Маурич избежал наказания, так как был выдвинут довод, что он мог догадываться, но не знал наверняка, что имеет дело с фальшивыми деньгами, его можно обвинить лишь в попытке обмана.

Приговор для обвиняемых был чрезвычайно благоприятным.

Но осужденные последовали примеру прокурора и подали апелляцию. Трудно предположить, что они всерьез рассчитывали на то, что им удастся выйти из воды совершенно сухими; чем они руководствовались — не вполне понятно.

Федеральный суд рассмотрел апелляцию и направил дело на пересмотр в I большую уголовную палату земельного суда в Карлсруэ. Первое разбирательство проходило в III уголовной палате того же земельного суда в Карлсруэ.

Третий судебный раунд проходил в Карлсруэ с 1 по 14 июня 1978 г. Интерес к этому делу заметно угас. В зале находились лишь немногие любопытные и несколько представителей прессы. Суд руководствовался в данном случае тем, что основной критерий, являлись ли спорные деньги, изготавливаемые монетным двором в Карлсруэ, фальшивыми, состоит в том, было или нет разрешение на их выпуск со стороны хозяина монет — федерального министерства финансов.

В результате приговор звучит так.

Вилли Отт — 11 месяцев тюрьмы с заменой на три года условно при выплате штрафа в 10 тыс. марок.

Клаус Фетцнер — 10 месяцев тюрьмы с заменой на три года условно при выплате штрафа в 3 тыс. марок.

Основные неприятности ожидали Стефана Хайлинга. Он осужден к 18 месяцам тюрьмы без возможности замены этого срока на условный и к штрафу в 3600 марок, что означало потерю всех привилегий, которыми обладал чиновник его ранга, и утрату права на пенсию.

Возникшая в начале 1975 года с помощью газет гора «скандала века» родила мышь. Относительно серьезно пострадал лишь Стефан Хайлинг.

В кругу коллекционеров не было слишком большого зла к дуэту фальшивомонетчиков из Карлсруэ. Несмотря, а точнее благодаря, официальному запрету на их продукцию, цены на «монеты Хайлинга» уже к первому раунду судебного разбирательства достигли заоблачных высот.

Содержание

Научно-художественное издание

Гюнтер Вермуш

***Аферы с фальшивыми деньгами.
Из истории подделки денежных знаков***

Редактор *Ю. В. Смыслов*
Мл. редакторы *Э. В. Нестеренко, О. В. Игнатьева*
Оформление художника *Ю. Г. Ворончихина*
Художественный редактор *С. С. Водчиц*
Технический редактор *Е. Б. Николаева*
Коректор *К. С. Чигринова*

ИБ № 1539

Сдано в набор 15.05.90. Подписано в печать 23.07.90. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсет. Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 23,94. Уч.-изд. л. 12,22. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1051. Цена 2 р. 50 к. Изд. № 26-Э/89.

Издательство «Международные отношения»
107078, Москва, Садовая-Спасская, 20

Ярославский полиграфкомбинат Госкомпечати СССР
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97

Вермуш Г.

B31 Аферы с фальшивыми деньгами. Из истории подделки денежных знаков: Пер. с нем. — М.: Междунар. отношения, 1990. — 224 с.

ISBN 5-7133-0233-4

Г. Вермуш — популярный в ГДР писатель, с которым советские читатели знакомы по книгам «Алмазы в мировой истории и истории об алмазах» («Международные отношения», 1988 г.), «Серебро. Из истории благородного металла» («Прогресс», 1989 г.).

В настоящей работе автор в увлекательной форме рассказывает об истории подделки денег начиная с античных времен и до наших дней, описывает наиболее интересные случаи фальсификации денежных знаков и наиболее громкие аферы «прославленных» фальшивомонетчиков.

Для широкого круга читателей.

$$\text{В}\ \frac{0607000000-066}{003(01)-90}\ 34-90$$

ББК 65.5

Вниманию практических работников объединений, предприятий и организаций, занимающихся внешнеэкономической деятельностью!

Издательство «Международные отношения» издает в IV квартале 1990 года справочник «Иностранные фирмы во внешней торговле СССР». Такой справочник издается впервые в Советском Союзе. Он содержит информацию более чем о 500 фирмах — деловых партнерах советских организаций, их адреса, телефоны, сведения о руководстве фирм, о их производстве, экспорте, импорте и пр. Справочник также будет содержать рекламу продукции фирм, включенных в справочник.

Структура справочника позволит легко найти интересующую фирму, по наименованию товара определить фирмы-производители, фирмы-экспортеры и импортеры.

Справочник содержит товарный классификатор, в основу которого положена гармонизированная система кодирования товаров.

Такой справочник — незаменимый помощник при установлении деловых контактов с иностранными фирмами.

Стоимость справочника — 50 рублей.

За справками обращаться по тел. 975-30-09.

Для приобретения справочника необходимо направить гарантийное письмо в адрес издательства: 107078, Москва, Садовая-Спасская, 20.

J00·000·000

John Doe New York Dec 1, 50

American Express Company

Pay this Cheque from our

Entente Hotel

UNITED STATES DOLLARS

IN ALL OTHER COUNTRIES AT CURRENT BUYING RATE FOR ... CHEQUES ON NEW YORK

NOT NEGOTIABLE

Thomas B. Clark

$20.00

PORTUGAL

5000

1AC
09151

500

BANQUE DE FRANCE

5000

00000

00000

000000000

CINQ MILLE FRANCS

0.000

...ГОСУДАРСТВЕННОЙ АСС...

...ИТЬ АССИГНАЦИОННЫЙ БАНКЪ П...

...ХОДЯЧЕЮ МОНЕТОЮ 1817 ГОДА.

ПЯТ...

2992124

№ 2992124

2 р. 50 коп.

